

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**ПРОФИЛАКТИКА ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК
В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(ПОСВЯЩЕННЫЙ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Н. П. МАЙЛИС)**

**Всероссийский круглый стол
(23 октября 2025 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2025

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2025
ISBN 978-5-9694-1657-4

УДК 343.98
ББК 67.52
П78

Рецензенты:

начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент **А. Н. Бардаченко**;
начальник экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Краснодарскому краю кандидат фармацевтических наук **В. А. Омельченко**

Составитель *И. А. Чубарь*,
доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

П78 Профилактика экспертных ошибок в судебно-экспертной деятельности (посвященный юбилею профессора Н. П. Майлис) : Всероссийский круглый стол, 23 октября 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. И. А. Чубарь]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 142 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1657-4

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Всероссийского круглого стола «Профилактика экспертных ошибок в судебно-экспертной деятельности (посвященный юбилею профессора Н. П. Майлис)», проведенного 23 октября 2025 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. В сборнике рассмотрены проблемы современной судебно-экспертной деятельности. Ряд работ посвящен методическому, техническому и информационному обеспечению экспертно-криминалистической деятельности. Большое внимание уделено нормативно-правовому регулированию применения специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. По результатам проведения Всероссийского круглого стола нашел отражение широкий круг вопросов, посвященных современному состоянию экспертной науки, совершенствованию системы подготовки экспертных кадров.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также практическим работникам правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Табунова Е. А.*

Подписано к изданию 25.12.2025

Объем издания: 2281 Кб

Тираж: 6 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1657-4

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бишманов Б. М.</i> О защите вещественных доказательств в уголовном процессе от фальсификации	7
<i>Бобовкин М. В., Ручкин В. А.</i> О проблемах качества методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы	11
<i>Винниченко А. С., Грабовец Е. Е., Гринченко С. В.</i> О криминалистических требованиях к гражданскому и служебному оружию	14
<i>Владимиров В. Ю., Рослова О. Е.</i> Феномен профессора Н. П. Майлис в науке. Трасология – наше всё!	18
<i>Галиуллина А. И., Гайнельзянова В. Р.</i> Профилактика ошибок судебных экспертов: современные подходы и методы	21
<i>Голикова В. В.</i> Актуальные вопросы исследования документов при производстве судебной бухгалтерской экспертизы и профилактика ошибок	27
<i>Гребнева А. С.</i> К вопросу об экспертных ошибках в заключении	32
<i>Дронова О. Б.</i> Современное информационно-справочное обеспечение судебно-экспертной деятельности	35
<i>Елагина Е. В.</i> Правовое регулирование судебной экспертизы: современное состояние, актуальные проблемы	40
<i>Жаворонков В. А.</i> Экспертные ошибки или проблемы методологии	48
<i>Исайко Д. А.</i> Исследование проблем оценки достоверности и доказательственного значения экспертного заключения в суде	53
<i>Качан А. В.</i> К вопросу об исследовании переделанного учебного пистолета Макарова	58

<i>Кудряшов Д. А., Кивель О. В.</i> Тенденции формирования научно-методического обеспечения ситуалогических экспертных исследований как направление экспертной профилактики	64
<i>Лавелина В. В.</i> Профилактика экспертных ошибок при производстве исследования ДНК на этапе установления пригодности объекта	69
<i>Ле Суан Хоанг</i> Организационно-правовые проблемы взаимодействия субъектов судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице	74
<i>Максимов А. Г.</i> Условия успешного производства осмотра места происшествия	78
<i>Михалева Н. В.</i> К вопросу о совершенствовании системы подготовки экспертных кадров	83
<i>Мыскина К. М.</i> Этика судебного эксперта в аспекте профилактики экспертных ошибок	86
<i>Неретина Н. С.</i> Взаимосвязь и взаимозависимость следственных и экспертных ошибок	90
<i>Несмиянова И. О., Войтова О. Г.</i> Вклад профессора Н. П. Майлис в развитие трасологии и трасологической экспертизы	95
<i>Рыбалкин Н. А.</i> Актуальные вопросы при производстве судебной экспертизы документов	98
<i>Сергеева Г. В.</i> Ольфакторная экспертиза: методы, проблемы, перспективы идентификации личности по запаху	103
<i>Сумина А. В., Суляева А. С.</i> Практика использования видеозаписей в судопроизводстве на примере системы «Безопасный город»	108
<i>Тервонен Н. Э.</i> Типичные экспертные ошибки при отнесении клинковых изделий к холодному оружию	114

<i>Филимонов А. В., Беляев М. В.</i> Пломбировочные устройства для специальных перевозок	116
<i>Четвергов М. А., Волчкова Ю. А.</i> Компьютерно-техническое исследование периферийных устройств для выявления несанкционированного доступа к сенсорным данным (на примере Mic-E-Mouse).....	123
<i>Четвергова О. А., Хачикян Э. А.</i> Изъятие и исследование данных, хранящихся в облачных хранилищах: возможности и ограничения.....	128
<i>Чистова Л. Е.</i> Проблемы, связанные с использованием специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.....	131
<i>Чубарь И. А.</i> Профилактика экспертных ошибок при производстве ситуационных судебно-баллистических экспертиз с применением цифровых технологий	135
<i>Шведова Н. Н.</i> Уязвимость некоторых методик идентификационных исследований реквизитов документов через призму экспертных ошибок.....	139

Бишманов Б. М.¹,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор

О ЗАЩИТЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ОТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Современный этап развития общества оказывает влияние на все аспекты жизни человека. Судебно-экспертная практика, как и другие виды деятельности, характеризуется интенсивным внедрением научно-технических достижений, включая искусственный интеллект, что непосредственно влияет на объективизацию заключения эксперта.

В то же время, как и в любой профессиональной сфере, в судебно-экспертной практике возможны экспертные ошибки [1, с. 157]. Относительно классификации экспертных ошибок (процессуальные, гносеологические и деятельностные) [1], Н. П. Майлис выделяет новый класс – технические [3]. Несомненно, на практике ошибки эксперта могут носить именно технический характер. Например, когда с места происшествия изымается неизвестный участок следа пальца руки, и при сравнительном исследовании с отпечатками пальцев рук на дактилоскопической карте лица, представляющего оперативный интерес, эксперт дает ошибочный отрицательный результат. Это не всегда деятельностная ошибка, так как на дактилоскопической карте может не отображаться именно этот участок пальца (во многих дактилоскопических картах не отображается часть дистальной зоны папиллярного рисунка пальцев рук).

Следует заметить, что «ошибки могут ... быть иными, в зависимости от вида исследуемых объектов и других причин, связанных с их происхождением» [4, с. 21]. Рассмотрим пример экспертной ошибки, не относящийся к ранее перечисленным классам.

В рамках расследования уголовного дела проводились первичная и две повторные судебно-баллистические экспертизы разными экспертными учреждениями. Результаты первичной экспертизы совпали с результатами повторных исследований.

Объекты, побывав в трех экспертных учреждениях и судах, были возвращены заинтересованной стороне. Спустя более 10 лет, в связи возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, проводится повторная экспертиза по тому же объекту. На этот раз заключение оказалось противоположным из-за обнаружения на детали оружия динамических следов, которых не было ранее (судя по фотоснимкам), что возможно при воздействии на деталь или ее замене. Все исследования проведены с соблюдением

¹ © Бишманов Б. М., 2025.

соответствующих методик и требований законодательства. Полагаем, такой вид ошибки следует отнести к «фактическим ошибкам». Возникновение таких ошибок не обусловлено некорректными действиями эксперта. Их появление связано не только с объективными причинами, но и с субъективными факторами лиц, участвующих в судопроизводстве и имеющих самостоятельный процессуальный интерес.

Для формирования достоверного заключения необходимо не только выявлять и предотвращать возможные ошибки эксперта, но и устранять факторы, приводящие к их возникновению. Вопросам профилактики экспертных ошибок посвящен ряд работ [2; 5; 7; 8; 9].

На наш взгляд, для профилактики экспертных ошибок необходимо рассмотреть вопрос достоверности вещественных доказательств в судопроизводстве, в частности, в уголовном процессе. С этой целью проведен анализ экспертной практики изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств. Следует заострить внимание на крайне тревожном положении дел с обеспечением сохранности вещественных доказательств. Основной причиной является стереотип об упаковке вещественных доказательств, которая, как ошибочно считают, является гарантией, обеспечивающей сохранность благодаря оттиску печати и подписи понятых. В тоже время, до получения вещественных доказательств экспертом на исследование, необходимо исследовать упаковку, ее целостность, отсутствия следов каких-либо на нее воздействия, соответствия и сохранности оттисков штампов и контрольных листков с печатью. Вопрос в том, как убедиться, что объект для исследования именно тот самый, который был изъят с места происшествия? Фиксация вещественных доказательств проводится по общим признакам. К примеру, выстрелянная пуля, изъятая с места происшествия. При ее фиксации указываются вид, цвет металла, наличие окраски, форма головной части, размеры, наличие на поверхности пули следов от нарезов, из какого оружия выстрелена эта пуля. Эти общие признаки не индивидуализируют пулю. Такая фиксация пули является уязвимой для фальсификации. Для гарантии достоверности необходимы индивидуальные признаки канала ствола, отображающиеся в виде трасс в следах на пуле. Эти трассы образуются из-за особенностей микрорельефа полей, граней и дна нарезов, а также краев газоотводного отверстия в стволе. Аналогичная ситуация создалась по многим видам вещественных доказательств. Признание относимости, допустимости и достоверности таких доказательств во многих случаях находится под сомнением.

С учетом современных достижений науки и техники имеются возможности осуществить фиксацию вещественных доказательств с помощью различных видов маркировки. К примеру, на неинформативном участке поверхности пули можно выполнить лазерную микромаркировку (нанести текст размером 80 мкм в зависимости от материала).

Полагаем, что для объективизации процесса представления вещественных доказательств, с целью его защиты, профилактики и недопущения экспертных

ошибок, необходимо ввести «Электронный паспорт вещественного доказательства», где будет представлена полная информация о вещественном доказательстве (фабула уголовного дела; когда, как, где, кем изъят и т. п.) «с электронным образом» и индивидуальными признаками, информацией о маркировке (где, когда, кем нанесена маркировка (микромаркировка), ее содержание и т. п.).

Предлагается разработать межведомственный нормативный документ по внедрению в практику «Электронного паспорта вещественного доказательства», а также по механизму фиксации индивидуальных признаков вещественных доказательств и нанесения маркировки (микромаркировки). Кроме этого, это действие будет направлено на содействие введению электронного уголовного судопроизводства, где предполагается достижение объективизации всего уголовного процесса: от регистрации преступления, досудебного расследования, судебного разбирательства и до исполнения наказания.

Для эффективности профилактических мер по недопущению экспертных ошибок требуется создание межведомственного совета судебных экспертов для анализа практики, рассмотрения вопросов, консультирования и помощи экспертам, разработке рекомендаций.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия : справочное пособие. М. : БЕК, 1997.
2. Грановский Г. Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. ВНИИСЭ. 1983. № 2. С. 3–9.
3. Майлис Н. П. О дополнении классификационной системы экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 15–17.
4. Майлис Н. П. Экспертные ошибки, допускаемые при исследовании традиционных и цифровых следов // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 1. С. 20–24.
5. Моисеева Т. Ф. Компетентность судебного эксперта как определяющий фактор предупреждения экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 31–33.
6. Россинская Е. Р. Ошибки судебной экспертизы: классификация, выявление, предупреждение // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 2. С. 132–143.
7. Судебная экспертиза: типичные ошибки / [Е. Р. Россинская и др.] ; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2018.
8. Харламова О. А., Китаев Е. В., Черниговский В. Н. Совершенствование методики трасологических исследований как один из способов предотвращения экспертных ошибок (на примере трасологического исследования государственных регистрационных знаков транспортных средств) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 48–52.

9. Ярмак К. В. Предупреждение экспертных ошибок в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 10–15.

Бобовкин М. В.¹,

*профессор кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры безопасности в цифровом мире
Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана,
доктор юридических наук, профессор*

Ручкин В. А.²,

*профессор кафедры судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

О ПРОБЛЕМАХ КАЧЕСТВА МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» закрепляет принцип производства экспертных исследований с использованием современных достижений науки и техники. Однако в настоящее время участились случаи издания и внедрения в практику методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы, не отвечающих требованиям научной обоснованности, что негативно влияет на судопроизводство.

Процедура издания указанных методических средств не нарушена. Имеет место внешнее и внутреннее рецензирование, одобрение редакционно-издательского совета (РИС) и т. д. При этом рецензенты либо не соответствуют научному профилю публикации – «Судебное почерковедение», либо имеют к нему косвенное отношение. Часто эти нарушения имеют место в области судебно-почерковедческой диагностики, где наблюдается тенденция подмены научных достижений псевдонаучными измышлениями графологии.

На современном этапе графологи пытаются убедить широкие круги общественности в том, что их учение является строго научным. В Российской Федерации они усиленно пропагандируют идеи графологии в качестве раздела психологии личности, который обрел большую популярность в странах Америки и Европы. Графологию преподают в университетах Нью-Йорка, Гамбурга, Мюнхена, Цюриха, Берна. Работает сеть международных графологических обществ, консультационных агентств, институтов, частных учреждений.

Графологи рекламируют и предоставляют коммерческие услуги населению по широкому спектру направлений диагностических исследований письма: пси-

¹ © Бобовкин М. В., 2025.

² © Ручкин В. А., 2025.

хологическому, общефизическому, демографическому, медицинскому, криминологическому, образовательному, профориентационному, религиозному, кадровому, семейному и др. Для успешной работы на этом рынке они представляют широкий спектр графологических услуг.

Задачи графологии по установлению свойств личности исполнителя рукописи, частично совпадают с диагностическими задачами судебного почерковедения. Однако при этом графологи исходят из постулата, что все без исключения свойства личности получают отражение в письме и почерке. Можно вспомнить учение Ч. Ломброзо, который различает две группы «криминальных» почерков: убийц, разбойников, грабителей [1] и воров [2]. Вместе с тем современные графологи устанавливают якобы по почерку фактических и потенциальных сексуальных насильников. Кредитные учреждения нанимают графологов, чтобы определить уровень доверия заемщиков. Психологи заверяют, что графология полезна при отборе кадрового персонала.

Несмотря на эти «достижения» разные школы графологии не могут разработать единую систему признаков письма, название которых имеет произвольный характер, обусловленный уровнем компетенции отдельных графологов. Так, признаками «неблагонадежности личности» являются:

- «наивный стиль почерка»;
- «ущербная форма букв»;
- «двусмысленность букв»;
- «бессмысленные точки»;
- «висящие в воздухе буквы»;
- «сильная нитеобразность букв»;
- «сложные петли, спирали и пузыри».

Трудно поверить, что такие одиозные по названию признаки письма часто используются графологами и некоторыми криминалистами для решения сложных задач современной психологии и судебно-почерковедческой диагностики. Они не имеют теоретического и экспериментального обоснования, которое только декларируется не приводится в графологической литературе. Иногда в своих измышлениях графологи ссылаются на положения судебно-почерковедческой диагностики, что компрометирует ее как науку.

Нужно отметить, что судебное почерковедение исходит из того, что все свойства личности не получают зеркального выражения в рукописях. Это исключает составление по признакам письма всестороннего портрета индивида. За пределами диагностики остаются такие свойства человека, как политические и религиозные убеждения, семейные ценности, влечения, анатомические особенности тела и др. Их установление по признакам письма является псевдонаучной утопической идеей. Поэтому криминалисты-почерковеды не приемлют постулаты графологии о прямом отражении в рукописях всего многообразия свойств личности писавшего, вплоть до установления его криминальной склонности. Во многом это связано с псевдонаучной сущностью и коммерческой направленностью графологии, которая ориентируется на потребительский спрос и максимальный

набор услуг населению. Этот подход недопустим в судебно-почерковедческой диагностике, результаты которой имеют доказательственное и ориентирующее значение.

Наибольшая вероятность отражения в рукописи свойств личности писавшего лица достигается при условии:

- интегративности свойства личности, его системности: пол, возраст, профессия, национальность, характер и т. д.;
- достаточной выраженности свойства в структуре личности.

Таким образом, свойства личности не подучают целостного выражения в рукописях. Поэтому современная графология обладает всеми признаками лженауки, что вынуждает криминалистов-почерковедов отказаться от использования значительной части ее потенциала. Опасность графологии заключается и в том, что это псевдонаучное учение стремится занять место в судебном почерковедении или даже составить ему альтернативу. Полагаем, что этой тенденции нужно всячески противодействовать.

Список литературы

1. Бобовкин М. В., Ручкин В. А. Судебно-почерковедческая диагностика и графология: актуальные вопросы теории и практики // LegalConcept = Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. С. 132–136.

2. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учебное пособие для студентов вузов. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2006.

Винниченко А. С.¹,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

Грабовец Е. Е.²,
старший преподаватель кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России

Гринченко С. В.³,
старший преподаватель кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЯХ К ГРАЖДАНСКОМУ И СЛУЖЕБНОМУ ОРУЖИЮ

Экспертиза холодного и метательного оружия, являясь не самой востребованной в раскрытии и расследовании преступлений, тем не менее, вызывает большие затруднения у экспертов, в том числе и у тех, кто имеет значительный практический опыт в их производстве. Кроме того, существует проблема соответствия научно-методического обеспечения образовательного процесса по программам, предусматривающих получение или подтверждение права самостоятельного производства судебных экспертиз по одноимённой экспертной специальности.

В данной статье будут рассмотрены некоторые проблемы правового и методического обеспечения производства экспертиз и исследований холодного и метательного оружия, которые чреватые экспертными ошибками при исследовании такого рода объектов.

На протяжении долгих лет, счет идет уже на десятки, остаются неурегулированными вопросы единого подхода и трактования имеющихся требований к критериям относимости предметов к холодному и метательному оружию. Вследствие этого по поводу одного и того же объекта мнения разных экспертов могут значительно расходиться. По нашему мнению, данные разногласия можно было бы урегулировать путем издания ведомственного нормативного правового акта,

¹ © Винниченко А. С., 2025.

² © Грабовец Е. Е., 2025.

³ © Гринченко С. В., 2025.

поскольку Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. 150-ФЗ «Об оружии» предписывает необходимость соответствия гражданского оружия криминалистическим требованиям, установленным МВД России [1, с. 7].

7 июня 2022 г. увидел свет приказ МВД России № 403, которым утверждены очередные или новые Криминалистические требования к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему.

Данные требования касаются, в том числе, холодного и метательного оружия. Именно в отношении данных видов гражданского оружия и хотелось бы рассмотреть «нововведения», из которых новыми являются только некоторые термины. Например, «спортивное холодное оружие» [2, с. 18], «стрелковое метательное оружие» и «бросковое метательное оружие». Сами же критерии взяты из национальных стандартов (ГОСТов), которые противоречили Федеральному закону «Об оружии» еще на момент своего опубликования в конце прошлого, начале текущего столетий. А с 2005 г. данные ГОСТы стали противоречить и друг другу, поскольку внесенные в указанном году поправки, коснулись только некоторых из них (изменения № 1, утвержденные приказом Ростехрегулирования от 18 апреля 2005 г. № 85-ст).

В данной статье будут рассматриваться только те криминалистические требования, которые касаются холодного и метательного оружия. Критерии к огнестрельному оружию, патронам к нему, электрошокерам, газовым распылителям и прочему, названному оружием, авторами не анализировались. Но, по мнению сведущих в области судебной баллистики лиц, и в отношении них есть над чем работать.

Согласно общепринятой классификации, холодное клинковое оружие может быть стандартным (т. е. соответствующим определенным стандартам или техническим требованиям) и не стандартным, иными словами, произвольным. Национальными стандартами предъявляются требования как ко всей конструкции ножа или кинжала (нескладная, разборная, складная), так и к отдельным его деталям, например, к клинкам (длина, толщина, угол острия и т. д.) и рукояткам (наличие и размер ограничителя, подпальцевых выемок и пр.).

Соответственно, нож, который изготовлен промышленным способом и сертифицирован как охотничий, соответствующий ГОСТу, является стандартным холодным оружием. Равно как и нож, изготовленный промышленно и сертифицированный как нож для выживания, соответствующий ГОСТу, также является стандартным холодным оружием.

Логично предположить, что к одному и другому типу указанных выше ножей, как к холодному клинковому оружию с рукоятью, должны предъявляться одинаковые требования. Это предположение частично подтверждается и Криминалистическими требованиями, согласно которым, например, оба типа ножей должны иметь травмобезопасную рукоять, и положениями ГОСТов, в соответствии с которыми, охотничий нож должен иметь «травмобезопасную рукоять» [3, п. 4.2], а нож для выживания «должен иметь ограничитель либо подпальцевые выемки

на рукояти, обеспечивающие прочное удержание ножа при нанесении поражающих колющих ударов и безопасность применения оружия» [4, п. 4.4]. Фактически это означает одно и то же. Различие формулировок объясняется тем, что при внесении изменений в 2005 г., про последний стандарт, видимо, забыли. И этим же объясняется разница в результатах измерений ключевых элементов конструкции.

Например, если сравнить числовые выражения, которые вкладывали авторы в понятие «травмобезопасность», можно сделать вывод об отсутствии единства мнений по этому вопросу (табл.).

Таблица

№ n/n	Наименование требования	Количественное выражение требования			
		к ножам охотничьим		к ножам спортивным [3] (приказ МВД России № 403-2022)	к ножам для выживания [4]
		приказ МВД России № 403-2022	ГОСТ Р 51500-99		
1	Длина клинка	Не менее 90 мм	Более 90 мм	Не менее 90 мм	Не менее 90 мм
2	Толщина клинка	Более 2,6 мм	Более 2,6 мм	Не менее 2,6 мм	Не менее 2,6 мм
3	Превышение ширины одностороннего или двустороннего ограничителя или крестовины над шириной черена рукояти	-	Более 5 мм	-	Не менее 5 мм
4	Глубина одиночной подпальцевой выемки	-	Более 5 мм	-	Не менее 5 мм
5	Глубина 2-х и более подпальцевых выемок	-	Более 4 мм	-	Не менее 4 мм

Как видим, Криминалистическими требованиями критерии травмобезопасности рукояти не определены и мы вынуждены будем обратиться к ГОСТам, поскольку именно соответствие объекта определенному стандарту позволяет ему пройти обязательную сертификацию [5, гл. 4] и поступить в обращение на территории Российской Федерации.

В третьей-пятой строках нашей таблицы приведены требования к травмобезопасности рукоятей, и если в результате измерений будут установлены показатели менее указанных значений, то рукоять следует считать травмоопасной.

Таким образом, принимая во внимание информацию, изложенную в ГОСТах, можно сделать вывод, что оба типа ножей относятся к холодному оружию, имея травмобезопасные рукоятки, которые обладают разными размерными характеристиками, т. е. рукоятки ножей для выживания травмоопаснее, чем рукоятки ножей охотничьих [3, с. 4; 4, с. 6–7].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и по отношению к размерным характеристикам клинка, причём в Криминалистических требованиях приведены аналогичные данные (за исключением длины клинка охотничьего ножа), что и позволяет нам предположить, что разработчики ведомственного приказа ориентировались именно на информацию из ГОСТов.

Как ни парадоксально, но, согласно ГОСТ Р 51548–2000, ножи для выживания являются, в том числе, предметами охотничьего снаряжения и предназначены для использования в условиях промысловой или спортивной охоты в качестве охотничьих ножей. Из всего этого вытекает необходимость единых требований к конструкции как ножей для выживания, так и охотничьих ножей. Не может нож, не соответствующий стандарту для охотничьих ножей, называться таковым.

Почему при подготовке приказа с «новыми» криминалистическими требованиями эти нестыковки оставили без внимания, остается вопросом, но бесспорно, что данные противоречия требуют своего урегулирования путем внесения соответствующих изменений в нормативный правовой акт.

Список литературы

1. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Приказ МВД России от 7 июня 2017 г. № 403 «Об утверждении Криминалистических требований к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
3. ГОСТ Р 51500–99. Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия : принят и введен в действие постановлением Госстандарта России от 23 декабря 1999 г. № 667-ст // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
4. ГОСТ Р 51548–2000. Ножи для выживания. Общие технические условия : принят и введен в действие постановлением Госстандарта России от 21 января 2000 г. № 10-ст // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Владимиров В. Ю.¹,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Рослова О. Е.²,
адъюнкт
Академии управления МВД России

ФЕНОМЕН ПРОФЕССОРА Н. П. МАЙЛИС В НАУКЕ. ТРАСОЛОГИЯ – НАШЕ ВСЁ!

По справедливому замечанию А. А. Эксархопуло, «В истории науки взаимодействие различных областей знания нередко приводило к возникновению новых, весьма перспективных направлений научных исследований» [1, с. 18]. Учитывая интегративную сущность науки криминалистики, у любого исследователя, работающего в этой научной отрасли, рано или поздно в той или иной мере возникает объективная предопределенность непосредственной причастности к весьма широкой, если не сказать спектрально неопределенной сфере научной компетенции. Важнейшими элементами предмета научного интереса криминалистов являются механизм преступной деятельности и отражение события преступления на объектах внешней среды. Раскрывая генезис такой отрасли криминалистики, как трасология, необходимо отметить все более проявляющуюся в научной и, что еще более важно, в практической деятельности суда, органов безопасности и правоохраны тенденцию включения в предметную область трасологии следов не только в узком, как ранее принято было говорить, в трасологическом понимании, но и в широком смысле слова, как материально фиксированное отображение, в том числе субъективно детерминированных процессов и явлений, частным вариантом которых является психофизиологическая деятельность человека, выраженная посредством динамического стереотипа, реализуемого через письменно-двигательный навык исполнителя. Особенно рельефно функциональное единство таких категорий, как механизм следообразования и механизм преступления, проявляется через возможности ситуалогических исследований вещной обстановки места происшествия, в которых ведущую роль играет криминалистическая трасология как эффективный инструмент, консолидирующий комплексные усилия представителей различных отраслей знаний, обуславливая, таким образом, все большее совпадение предмета судебной экспертизы с предметом доказывания по уголовному делу.

В этой связи мы, коллеги уважаемой Надежды Павловны Майлис, с глубочайшим удовлетворением отмечаем, что благодаря субъективным факторам, та-

¹ © Владимир В. Ю., 2025.

² © Рослова О. Е., 2025.

ким как природная одаренность, безмерное трудолюбие и преданность делу, доброжелательное отношение к коллегам и, что еще более важно, к ученикам, присущие профессору Н. П. Майлис объективно predetermined факторы нашли благодатную почву на самых ранних стадиях освоения ею своей специальности и в полной мере реализовались на всем профессиональном пути, который сопровождался раскрытием резонансных преступлений и рождением успешных и последовательных учеников-продолжателей этого социально значимого дела. Достаточно взглянуть на названия научных трудов Н. П. Майлис, чтобы понять необъятную широту ее профессиональных интересов, затрагивающих подготовку экспертов в области судебно-трасологической, судебно-медицинской экспертизы, ситуалогических и комплексных экспертиз, применения инновационных технологий цифровой трасологии [2–5]. Надежда Павловна неоднократно отмечала, что углубленное исследование возможностей анализа разнообразных следов в контексте цифровой трасологии будет способствовать их расширению и разработке новых методологических подходов, основанных на инновационных технологиях, что обусловлено современными вызовами и требованиями [6, с. 9]. Ряд статей профессора Майлис посвящен экспертным ошибкам при исследовании цифровых следов [7, с. 23; 8, с. 144].

Надежда Павловна Майлис признана ведущим специалистом в области судебно-трасологической экспертизы и внесла значительный вклад в разработку и совершенствование методологических основ данной дисциплины. В отечественной науке имя Надежды Павловны Майлис занимает одно из ключевых мест в истории развития трасологии, наряду с именами таких выдающихся ученых, как профессора Г. Л. Грановский и Ю. Г. Корухов. Работать рядом и вместе с таким неординарным человеком, как Надежда Павловна, – огромная удача для всех, кому это удастся сделать.

Список литературы

1. Эксарполохо А. А. Прикладная криминалистика : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018.
2. Майлис Н. П. Трасология и трасологическая экспертиза : курс лекций. М. : РГУП, 2015.
3. Майлис Н. П. О психологических особенностях в дидактике при освоении знаний в судебной экспертизе // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики : сборник научных трудов. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2025. С. 89–94.
4. Майлис Н. П. Условия, способствующие проведению комплексных экспертиз при получении доказательств в целях раскрытия и расследования преступлений // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 92–96.
5. Майлис Н. П. Настольная книга эксперта. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2023.

6. Майлис Н. П. Инновационные технологии, способствующие развитию цифровой трасологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. Т. 20. № 1. С. 6–10.

7. Майлис Н. П. Экспертные ошибки, допускаемые при исследовании традиционных и цифровых следов // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 1. С. 20–24.

8. Майлис Н. П. О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : сборник научных трудов. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 143–146.

Галиуллина А. И.¹,

слушатель

Уфимского юридического института МВД России

Гайнельзянова В. Р.²,

доцент кафедры криминалистики

Уфимского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОФИЛАКТИКА ОШИБОК СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

В статье проводится комплексный анализ проблемы ошибок в судебно-экспертной деятельности и разрабатываются современные подходы к их профилактике. Исследуются основные причины возникновения экспертных ошибок, которые подразделяются на гносеологические, методологические, технические и субъективно-личностные. Особое внимание уделяется когнитивным искажениям, таким как предвзятость подтверждения и эффект ожидания, которые оказывают значительное влияние на выводы эксперта даже при использовании передовых технологий.

Цель исследования заключается в разработке комплексной системы мер, направленных на минимизацию ошибок на всех стадиях экспертного исследования. В работе предлагаются новейшие методы и пути оптимизации, включающие внедрение искусственного интеллекта в качестве инструмента поддержки принятия решений, разработку и стандартизацию алгоритмических протоколов для субъективных видов экспертиз, создание системы проактивного контроля качества на основе принципов верификации и валидации, а также формирование национальной базы данных о экспертных ошибках и неудачных случаях. Обосновывается необходимость модернизации системы подготовки и непрерывного образования экспертов с акцентом на развитие метакогнитивных навыков и осознание пределов компетенции. Доказывается, что эффективная профилактика ошибок возможна только на основе системного подхода, интегрирующего технологические инновации, стандартизацию, управление качеством и постоянное профессиональное развитие.

Судебная экспертиза занимает ключевое место в современном правосудии, предоставляя суду объективные и научно обоснованные данные, которые зачастую становятся основой для вынесения судебного решения. Достоверность и обоснованность экспертного заключения являются краеугольным камнем не только для установления истины по конкретному делу, но и для поддержания общественного доверия к системе правосудия в целом. Однако, будучи видом познавательной деятельности, осуществляемой человеком, судебная экспертиза

¹ © Галиуллина А. И., 2025.

² © Гайнельзянова В. Р., 2025.

не застрахована от ошибок. Последствия экспертной ошибки могут быть катастрофическими: от незаконного осуждения невинного до освобождения опасного преступника.

Проблема ошибок в судебно-экспертной деятельности носит многогранный и системный характер. Традиционно внимание сосредотачивалось на технических погрешностях или умышленных злоупотреблениях. Современные исследования, в том числе в области когнитивной психологии, показывают, что значительная часть ошибок носит непреднамеренный характер и порождается сложным переплетением объективных и субъективных факторов [1, с. 45]. К ним относятся ограниченность имеющихся методик, сложность объекта исследования, дефицит времени, а также так называемые «когнитивные искажения» – систематические отклонения в восприятии и мышлении, свойственные всем людям, включая высококвалифицированных специалистов.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью перехода от констатации и анализа уже совершенных ошибок к созданию проактивной, превентивной системы, способной минимизировать риск их возникновения. Цель статьи – выявить и классифицировать основные причины экспертных ошибок и на этой основе предложить комплекс современных подходов, методов и организационных решений, направленных на их эффективную профилактику.

Для разработки эффективных профилактических мер необходимо четкое понимание природы и источников экспертных ошибок. В научной литературе их принято классифицировать по нескольким основаниям.

Одной из фундаментальных являются гносеологические ошибки, обусловленные самой природой процесса познания. К ним относятся ошибки, связанные с ограниченностью представленных материалов, несовершенством или отсутствием научно-методической базы для решения поставленного вопроса, а также с принципиальной невозможностью достичь абсолютной достоверности в некоторых видах исследований, например, при идентификации человека по следам рук или почерку. Эти ошибки коренятся в объективных противоречиях между бесконечным многообразием материального мира и ограниченными возможностями его изучения на данном этапе развития науки [2, с. 33].

Другой обширной группой являются методологические ошибки. Они возникают на этапе выбора и применения методики исследования. Эксперт может использовать устаревшую или не апробированную методику, некорректно ее адаптировать к конкретным объектам либо нарушить последовательность действий, предписанную методическим руководством. В условиях быстрого развития технологий возникает проблема «методического отставания», когда эксперт вынужден решать новые типы задач с помощью старых, неадекватных инструментов.

Отдельного внимания заслуживают технические и инструментальные ошибки. Они связаны с неисправностью или низкой точностью используемого оборудования, неправильной калибровкой аппаратуры, загрязнением реактивов

или неподготовленностью объекта исследования. Даже самая совершенная методика может дать ошибочный результат при наличии технического сбоя, который не был своевременно выявлен и устранен.

Однако, как показывают современные исследования, наиболее сложными для выявления и профилактики являются субъективно-личностные ошибки, порождаемые человеческим фактором. Среди них ключевую роль играют когнитивные искажения. «Эффект ожидания» или «предвзятость подтверждения» (*confirmation bias*) заключается в том, что эксперт неосознанно стремится интерпретировать неопределенные данные в пользу версии, которая ему заранее известна из материалов уголовного дела или от следователя. «Эвристика доступности» заставляет переоценивать вероятность событий, которые легче приходят на ум, например, типичные схемы преступлений. «Эффект первичности» (*anchoring*) может привести к тому, что первое впечатление об объекте будет необоснованно влиять на все последующие выводы [3, с. 78]. Эти искажения действуют на подсознательном уровне, и даже самый добросовестный эксперт не может быть полностью от них защищен без применения специальных методик.

К субъективным причинам также относятся ошибки, вызванные низким уровнем профессиональной подготовки, утомлением, стрессом, профессиональным выгоранием или превышением пределов своей компетенции.

Современная стратегия профилактики ошибок должна быть комплексной и многоуровневой, направленной на создание такой системы организации экспертной деятельности, которая минимизирует влияние как объективных, так и субъективных факторов риска.

Одним из наиболее перспективных направлений является интеграция систем искусственного интеллекта (ИИ) в процесс судебно-экспертных исследований. Речь идет не о замене эксперта, а о создании интеллектуальных систем поддержки принятия экспертных решений (СППЭР). Такие системы, основанные на алгоритмах машинного обучения, могут выполнять рутинные операции по анализу больших массивов данных, например, при сравнении следов пальцев рук, профилей ДНК или баллистических характеристик.

Важнейшей функцией ИИ является обеспечение «слепого» анализа. Система может предварительно обрабатывать представленные материалы, выделяя значимые признаки без доступа к контекстуальной информации (обстоятельствам дела, данным о подозреваемом), которая может спровоцировать когнитивные искажения. Эксперт получает уже обработанные данные для итоговой интерпретации, что значительно снижает риск влияния «эффекта ожидания» [4, с. 92]. Кроме того, ИИ может использоваться для верификации выводов эксперта-человека, выступая в роли независимого электронного арбитра, и сигнализировать о случаях значительного расхождения в оценках для организации дополнительной проверки.

Для борьбы с методологическими ошибками и субъективизмом необходима дальнейшая разработка и внедрение стандартизированных алгоритмических

протоколов для тех видов экспертиз, где выводы в значительной степени основаны на субъективной оценке эксперта. Это касается, прежде всего, трасологических, почерковедческих, автороведческих и некоторых видов портретных экспертиз.

Подобный протокол должен представлять собой детализированную пошаговую инструкцию, предписывающую определенную последовательность действий, критерии выделения и оценки диагностических признаков, а также математические или логические модели для формирования вывода. Такой подход, известный как «субъективно-алгоритмический метод», позволяет структурировать процесс исследования, сделать его более прозрачным, проверяемым и воспроизводимым. Внедрение стандартов, основанных на принципах метрологической прослеживаемости и валидации методик, является обязательным условием для обеспечения качества и достоверности экспертных исследований [5, с. 115].

Кардинальное повышение уровня достоверности экспертиз невозможно без построения эффективной многоуровневой системы контроля качества. Помимо традиционных форм ведомственного контроля, необходимо внедрение системы проактивного внутреннего аудита, основанного на принципах верификации и валидации.

Верификация (проверка правильности выполнения процедур) должна включать в себя обязательное рецензирование заключений другим экспертом той же специализации, но не участвовавшим в исследовании («слепое» рецензирование). Валидация (подтверждение того, что методика пригодна для решения поставленной задачи) должна стать не разовым событием, а непрерывным процессом, включающим регулярные межлабораторные сравнительные испытания (МСИ). В рамках МСИ экспертам анонимно направляются эталонные образцы, и их выводы сравниваются с заранее известным верным ответом и с результатами коллег. Это позволяет выявлять системные ошибки и «слабые места» как в методиках, так и в подготовке конкретных специалистов.

Перспективным инструментом является создание общероссийской базы данных о экспертных ошибках и так называемых «*near-miss*» случаях – ситуациях, когда ошибка была почти совершена, но вовремя предотвращена. Анализ таких инцидентов, проводимый в обезличенном виде, позволит выявлять системные риски и разрабатывать превентивные меры до наступления серьезных последствий.

Технологии и стандарты бессильны, если эксперт не обладает необходимыми профессиональными и личностными качествами. Современная система подготовки и непрерывного образования экспертов должна быть коренным образом модернизирована.

Помимо углубления специальных знаний, необходимо включение в учебные программы дисциплин, посвященных когнитивной психологии и теории принятия решений. Экспертов нужно целенаправленно обучать распознавать и нивелировать влияние когнитивных искажений. Ключевым элементом такой подготовки является развитие метакогнитивных навыков – способности эксперта

к осознанию и контролю над собственным мыслительным процессом. Это включает в себя умение задавать себе вопросы: «Какие предположения я сейчас делаю?», «Не игнорирую ли я данные, противоречащие моей гипотезе?», «Каковы пределы надежности применяемой мной методики?».

Важнейшим аспектом является и воспитание профессиональной этики, основанной на осознании своей ответственности и готовности признать пределы собственной компетенции. Формирование корпоративной культуры, в которой консультация с коллегами и открытое обсуждение сложных случаев поощряется, а не порицается, является мощным инструментом коллективной профилактики ошибок.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что проблема профилактики ошибок в судебно-экспертной деятельности является комплексной и требует системного подхода. Анализ показал, что ошибки проистекают не только из технических погрешностей или недостаточной квалификации, но и из фундаментальных особенностей человеческого мышления, подверженного когнитивным искажениям.

Предложенные в статье пути решения ориентированы на создание многоуровневой системы безопасности, интегрирующей технологические, методологические и психологические инновации. Внедрение искусственного интеллекта в качестве инструмента поддержки принятия решений позволит минимизировать субъективизм на этапе первичного анализа. Разработка стандартизированных алгоритмических протоколов сделает субъективные виды экспертиз более объективными и воспроизводимыми. Создание системы проактивного контроля качества на основе верификации, валидации и анализа инцидентов позволит выявлять и устранять системные риски. Наконец, модернизация подготовки экспертов с акцентом на развитие метакогнитивных навыков и осознание когнитивных ловушек позволит подготовить специалистов, способных критически оценивать собственные выводы.

Реализация этих мер в комплексе позволит существенно повысить достоверность и надежность судебных экспертиз, что, в свою очередь, укрепит основы правосудия и защитит права граждан от судебных ошибок, обусловленных человеческим фактором. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных метрологических и алгоритмических решений для различных родов и видов судебной экспертизы.

Список литературы

1. Орлов Ю. К., Семенов Л. А. Когнитивные искажения в судебной экспертной деятельности: природа, риски, противодействие // Судебная экспертиза. 2024. № 1. С. 44–58.

2. Журавлев С. Ю. Методологические основы современной судебной экспертизы: проблемы достоверности и верификации // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 32–45.

3. Петрова Е. Г. Психология экспертной деятельности : учебное пособие. М. : Норма, 2025.

4. Ковалев А. А., Смирнов В. И. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: возможности и ограничения // Информационное право. 2024. № 3. С. 88–102.

5. Зинин А. М., Майлис Н. П. Национальная система стандартов в судебной экспертизе: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 110–125.

Голикова В. В.¹,
доцент кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПРОФИЛАКТИКА ОШИБОК

Судебная бухгалтерская экспертиза назначается в случаях, когда необходимо провести исследование совершенных хозяйствующим субъектом хозяйственных операций, установить их документальную подтвержденность, установить правильность их отражения в бухгалтерском учете и отчетности субъекта, а также определить количественные и стоимостные показатели (или результаты) совершенных хозяйственных операций, в необходимых случаях установить механизмы искажения количественных и стоимостных показателей. Судебная бухгалтерская экспертиза направлена в первую очередь на исследование записей бухгалтерского учета, чтобы установить наличие или отсутствие в них искаженных данных [1, с. 29–36].

Спецификой рода судебной бухгалтерской экспертизы является то, что объектами исследования выступают исключительно документы и эксперт осуществляет исследование их информационного содержания, а не внешнего состояния (в компетенцию эксперта не входит, например установление давности представленного объекта, следов подделки на нем и т. д.).

Объект судебной бухгалтерской экспертизы – это материальный носитель, содержащий учетную информацию о финансово-хозяйственных операциях организации, необходимый для решения экспертной задачи. Под материальным носителем учетной информации следует понимать документ, составленный на бумажном носителе и (или) в виде электронного документа [2, с. 61–68].

Электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Согласно определению, представленному в п. 3.1 «ГОСТ Р 7.0.8–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утв. приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст), *электронный документ* – это документ, информация которого представлена в электронной форме.

¹ © Голикова В. В., 2025.

При этом для электронного документа характерны:

- 1) *аутентичность* – свойство электронного документа, гарантирующее, что электронный документ идентичен заявленному;
- 2) *достоверность* – свойство электронного документа, при котором содержание электронного документа является полным и точным представлением подтверждаемых операций, деятельности или фактов и которому можно доверять в последующих операциях или в последующей деятельности;
- 3) *целостность* – состояние электронного документа, в который после его создания не вносились никакие изменения;
- 4) *пригодность для использования* – свойство электронного документа, позволяющее его локализовать и воспроизвести в любой момент времени.

Таким образом, *электронный документ* – это любой документ, который представлен в электронном виде, в том числе это может быть скан-образ документа, файл, набранный в текстовом редакторе, и т. п.

При этом электронные документы могут быть формализованными, т. е. составленными в таком виде, который позволяет с помощью программных средств распознавать их содержимое, и неформализованными.

В рамках обмена электронными документами стороны могут использовать как формализованные документы, так и неформализованные. Исключение составляют случаи, когда законодательством утвержден обязательный формат для обмена конкретным документом (например, формат счета-фактуры).

Исследование практики производства судебных бухгалтерских экспертиз показало, что основная масса судебных бухгалтерских экспертиз проводится с соблюдением процессуальных и методических требований, правильность решения вопросов по существу сомнений не вызывает, содержащиеся в заключениях выводы в полной мере аргументированы. Вместе с тем в ряде случаев допускаются существенные недостатки при исследовании документов, которые значительно снижают доказательственную значимость заключений экспертов. Ошибки, допускаемые судебными экспертами при составлении заключений, могут привести к ошибкам в деятельности следственных органов и судов. И в свою очередь причинить существенный вред правосудию, законным интересам граждан и организациям, увеличить сроки расследования и судебного рассмотрения дел [3, с. 693].

Нередко эксперты допускают ошибки, как в процессе производства экспертизы, так и при составлении заключения по итогам экспертизы, которые значительно снижают доказательственную значимость экспертного заключения или вовсе могут сделать это доказательство ничтожным.

Рассмотрим наиболее существенные типичные экспертные ошибки при исследовании первичных документов бухгалтерского учета.

Одной из существенной ошибкой является недостаточное внимание к формальным признакам документов. Эксперты должны убедиться, что представленные первичные учетные документы соответствуют установленным нормативными актами Российской Федерации требованиям к их оформлению [5; 6]. Это включает исследование наличия всех обязательных реквизитов, правильности

заполнения форм документов, а также подписей уполномоченных лиц, участвовавших в совершении хозяйственной операции. Игнорирование этих аспектов может привести к тому, что документ, формально не соответствующий требованиям, будет ошибочно принят, как «подтверждающий» хозяйственную операцию документ.

Другой существенной проблемой является поверхностное исследование содержания документов. Эксперт обязан не только проверить наличие информации, но и установить ее непротиворечивость. Это означает необходимость глубокого исследования данных о сути хозяйственной операции, ее количественных и стоимостных показателях, датах, а также о лицах, ответственных за ее проведение. Важно выявлять возможные противоречия между различными первичными учетными документами, относящимися к одной и той же хозяйственной операции.

Нередко эксперты сталкиваются с ситуацией, когда исследуются не все необходимые документы. Если законодательством предусмотрено оформление определенного финансово-хозяйственного факта несколькими документами, то эксперт обязан подвергнуть анализу каждый из них. Например, при исследовании инвентаризации необходимо изучить не только саму опись, но и приказ о ее проведении, а также сличительную ведомость [7]. Особое внимание следует уделять правильности составления и оформления таких документов, поскольку они часто содержат нарушения.

Серьезным упущением является полное игнорирование первичных документов, относящихся к предмету исследования. Зачастую эксперты ограничиваются исследованием бухгалтерских регистров (карточек счетов, оборотно-сальдовых ведомостей), которые лишь обобщают информацию. Однако для подтверждения данных, содержащихся в регистрах, необходимо в первую очередь исследовать первичные учетные документы, отражающие движение активов или обязательств. Например, для исследования данных по учету запасов необходимо изучить товарные накладные, приходные ордера, акты списания и другие документы, подтверждающие операции с материалами [8–10]. Игнорирование первичных документов в пользу регистров бухгалтерского учета является одной из наиболее грубых ошибок. Регистры, будучи обобщающими документами, не могут служить самостоятельным основанием для выводов о достоверности отраженных в них операций. *Первичные документы* – это первоисточник информации, и именно их исследование позволяет установить факт совершения хозяйственной операции, ее содержание и корректность отражения в учете [5]. Поэтому при производстве судебной бухгалтерской экспертизы, направленной на исследование достоверности и полноты данных регистров, первоочередной задачей эксперта должно стать исследование соответствующих первичных документов.

Еще одна типичная ошибка заключается в том, что эксперт исследует лишь одну группу первичных документов, относящихся к хозяйственной операции. Это может привести к неполноте исследования и, как следствие, к ошибочным

выводам. Например, при определении остатков запасов на определенную дату, эксперт может исследовать только документы по инвентаризации, упуская из виду операции по поступлению, перемещению и выбытию запасов, которые фактически сформировали этот остаток [4, с. 253]. Каждая хозяйственная операция является частью более сложного процесса, и для составления всестороннего, полного и обоснованного заключения необходимо исследовать всю цепочку связанных с ней документов.

Наконец, важным аспектом является неуказание в заключении эксперта факта использования ксерокопии или фотокопии документа. Хотя оригиналы документов являются предпочтительными, в случае их отсутствия эксперт может работать с копиями. Однако в заключении обязательно должно быть отражено, что исследование проводилось по копии. При этом копия должна быть четкой, чтобы все содержание документа было легко читаемым.

Необходимо отметить, что заключение эксперта вместе с другими доказательствами по делу оценивается со стороны суда и следователя на предмет достоверности, допустимости и относимости. Обнаруженная ошибка в экспертном заключении в дальнейшем может привести к снижению доказательственной значимости экспертного заключения.

Во избежание обозначенных ошибок на наш взгляд требуется постоянное повышение квалификации экспертов, совершенствования методических рекомендаций и строгого контроля за соблюдением нормативно-правовых норм при производстве судебной бухгалтерской экспертизы. Кроме того, регулярное участие экспертов в обучающих семинарах, конференциях, круглых столах по вопросам судебной экспертологии, а также актуальным изменениям в законодательстве, регулирующем бухгалтерский учет и документооборот является неотъемлемой частью повышения квалификации экспертов. Это позволит минимизировать ошибки и повысить качество судебных бухгалтерских экспертиз.

Таким образом, совершенствование алгоритма экспертного исследования документов, повышение квалификации экспертов и соблюдение нормативно-правовых норм и правил бухгалтерского учёта являются ключевыми направлениями в работе по профилактике ошибок при производстве судебной бухгалтерской экспертизы. Только комплексный подход к решению этих задач позволит обеспечить высокое качество экспертиз и их соответствие требованиям законодательства и теории судебной экспертологии.

Список литературы

1. Голикова В. В. Объекты судебной бухгалтерской экспертизы // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : сборник научных трудов. М. : Университет имени. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019. С. 61–68.

2. Голикова В. В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы // Вестник криминалистики. 2018. № 2 (66). С. 29–36.

3. Судебная экспертиза: типичные ошибки : монография / под ред. Е. Р. Росинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. С. 693–732.

4. Кондраков Н. П. Бухгалтерский учет (финансовый и управленческий) : учебник. М. : Инфра-М, 2025.

5. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учете» : утвержден приказом Минфина России от 16 апреля 2021 г. № 62н // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» : утвержден приказом Минфина России от 13 января 2023 г. № 4н // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Постановление Госкомстата России от 25 декабря 1998 г. № 132 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету торговых операций» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Госкомстата России от 30 октября 1997 г. № 71а «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты, основных средств и нематериальных активов, материалов, малоценных и быстроизнашивающихся предметов, работ в капитальном строительстве» (ред. от 21.01.2003) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Приказ Минфина России от 30 марта 2015 г. № 52н «Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению» (с изм. и доп.) // Официальный сайт Минфина России. URL: <https://minfin.gov.ru>.

Гребнева А. С.¹,

*доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения
экспертных исследований*

учебно-научного комплекса судебной экспертизы

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБКАХ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Значимость и важность заключения эксперта в его доказательственной сущности. Поскольку заключение эксперта является прямым доказательством в суде, к нему предъявляются обязательные требования, которые являются гарантией обеспечения законности проводимого исследования, получения достоверной информации и оформления ее в ясной, понятной для участников судебного процесса форме.

Суждение эксперта, которое отклоняется от объективной действительности или его действие, не приводящее к правильному и достоверному решению вопросов, поставленных перед ним приводят к необходимости проведения других процессуальных действий.

Говоря о неточностях в заключении эксперта, нужно сказать об экспертных ошибках. Экспертной ошибкой признается такой результат добросовестного заблуждения, выраженный в действии эксперта, которое противоречит правилам проведения экспертного исследования, либо в суждении, отраженном в выводе заключения эксперта и не соответствующем объективной действительности.

Экспертные ошибки принято разделять на три вида. [1, с. 133]. Во-первых, гносеологические ошибки, причиной появления которых является сложность процесса экспертного познания. Эти ошибки могут быть выражены в двух формах: нарушение законов логики, правил и схем мышления (логические ошибки), искажение информации о материалах, представленных на исследование, или недостаточность специальных знаний у эксперта (фактические ошибки).

Следующий вид экспертных ошибок – процессуальные, которые связаны с нарушением процедуры экспертного исследования, его этапов и выражаются, например, в таких действиях, как выход в процессе исследования за пределы компетенции или же обоснование не результатов проведенного исследования, а материалов дела, ответ на вопросы, которые не относятся к экспертному исследованию.

Деятельностные ошибки связаны непосредственно с процессом экспертного исследования. В зависимости от причин их появления такие ошибки делятся на объективные (несовершенство типовой методики проведения экспертизы, применение неустированного оборудования) и субъективные (неправильно использование материалов, представленных на исследование; неполнота и односторонность исследования; профессиональная некомпетентность специалиста).

¹ © Гребнева А. С., 2025.

К причинам появления неточностей, требующих соответствующего разъяснения, уточнения или дополнения могут относиться различные факторы, как объективные, т. е. те обстоятельства, которые не зависят от воли эксперта, так и субъективные, то есть неточности, полученные из-за невнимательности данного участника судопроизводства.

Важно отметить, что не каждая неточность является экспертной ошибкой, но каждая экспертная ошибка является последствием упущений, допущенных экспертом.

Неточность может заключаться в неполном отражении в заключении эксперта информации, которая была получена в ходе проведенного им исследования, однако это не означает, что вывод, сформулированный экспертом, содержит ошибочное суждение, так же как и то, что его действия являются ошибочными. В таком случае признать заключение эксперта недопустимым доказательством нельзя, поэтому закономерным последствием данного обстоятельства (наличия неточности в заключении эксперта) является проведение такого процессуального действия, как допрос эксперта.

Рассматривая неточность в двух этих аспектах: неточность как неполнота вывода и неточность как экспертная ошибка, стоит обратить внимание на факторы и обстоятельства (причины), способствующие появлению таких неточностей в заключении эксперта.

Первой причиной таких неточностей является профессиональная некомпетентность эксперта. Отсутствие компетенции, недостаточная осведомленность и ориентирование в процессуальном действии, осуществляемом следующим лицом, то есть отсутствие у эксперта достаточных профессиональных знаний, необходимых для производства судебных экспертных исследований, может привести как к совершению грубой ошибки, которая впоследствии влечет за собой признание заключения эксперта недопустимым доказательством и назначение повторной экспертизы, так и просто к неполному объему информации, который предполагалось получить в результате экспертного исследования, а как следствие, к необходимости дачи разъяснений и уточнений по данному экспертом заключению.

Неполнота или односторонность исследования является ещё одной причиной неточности в заключении эксперта. Неполнота исследования подразумевает под собой использование узкого круга предметов и методов его проведения при одновременной возможности использовать их многообразие, а также исследование меньшего количества материалов и сведений при доступности их большего количества. Односторонним исследованием можно назвать такое исследование, при котором его объект рассматривается только с точки зрения какого-либо одного его признака или свойства, а также исследование, которое ограничивается лишь одним методом при существовании других, даже более эффективных.

Третьей, не менее важной причиной является несоблюдение экспертом правил и условий применения экспертных методик и технических средств, предназначенных для проведения экспертного исследования. Для каждой экспертной

методики существует ряд обстоятельств, в условиях которых данная методика может быть применена. Значимость этого фактора состоит в том, что только при таких условиях применения экспертной методики можно говорить о достоверности результата, полученного в ходе проведения исследования. Для правильного использования технических средств тоже необходимо знать и понимать принципы работы данных технических средств, погрешности используемых измерительных приборов, особенности применения различных технических средств в зависимости от условий, в которых проводятся действия по собиранию материалов, содержащих доказательственную информацию.

Следующая причина, с которой связаны неточности в заключении эксперта, это особенности личности эксперта и его физическое и эмоциональное состояние. Неаккуратность, поверхностное и несерьезное отношение к производству исследования, невнимательность, переутомление, болезнь, эмоциональность, суетливость – все это может стать причиной, в лучшем случае, недоработанного заключения, а в худшем – привести к экспертной ошибке.

К объективным причинам появления неточностей можно отнести наличие в науке неразрешенных или спорных вопросов, что говорит о недостаточном ее развитии для ответа на поставленные вопросы; несовершенство методик, используемых при проведении экспертных исследований. Кроме того, к объективным причинам появления неточностей в его заключении относятся ошибки в материалах дела, используемых для проведения исследования, несмотря на то, что данную причину можно считать субъективной относительно тех участников судопроизводства, которыми предоставленные материалы были собраны и проверены.

Таким образом, на эксперта при проведении исследования и составлении заключения по результатам его проведения могут оказывать влияние различные факторы, которые иногда становятся причинами неточностей и ошибок в экспертных заключениях. Эти причины могут быть связаны как с упущениями самого эксперта, так и с независящими от эксперта обстоятельствами.

Список литературы

1. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказательстве : спецкурс. М. : Юнити-Дана, 2015.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Бек, 1997.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник. 2-е изд. М. : Норма : Инфра-М, 2024.
4. Бушуев В. В. Внутреннее убеждение судебного эксперта в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

*Дронова О. Б.¹,
профессор кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стремительное развитие информационных технологий неизбежно внесло свои коррективы и в судебную-экспертную деятельность. Появление новых объектов исследования, предусматривающих необходимость интеграции в деятельность судебной-экспертных учреждений нового инструментария и соответствующего методического обеспечения, стимулирует научное экспертное сообщество и практикующих экспертов к поиску новых вариантов обеспечения деятельности, связанной с производством экспертных исследований.

В рамках данной статьи мы хотим остановиться на рассмотрении проблемных вопросов, с которыми сталкиваются сотрудники судебных-экспертных учреждений при производстве судебных экспертиз маркировочных обозначений транспортных средств (МО ТС). Указанная проблематика во многом обусловлена существенной трансформацией видового разнообразия транспортных средств, представленных на отечественном авторынке. В течении последних трех лет наблюдается тенденция к замещению привычных торговых марок и моделей автомобилей на новые, ранее не поступавшие в товарооборот Российской Федерации. Только в 2024 г. на территорию нашей страны было импортировано 924,6 тыс. новых легковых автомобилей, что больше аналогичного периода прошлого года на 31 %. При этом порядка 85 % было ввезено из Китайской Народной Республики. Следует отметить, что из данного числа 18 % принадлежат бренду Geely; 14,4 % – Chery; 11,7 % – Changan; 8,7 % – Haval; 5,4 % – Omoda [1]. Оставшийся (весьма значительный) процент приходится на совсем малоизвестные, но многочисленные торговые марки, выпускающие по несколько ежегодно обновляемых моделей.

Подобная трансформация авторынка обуславливает необходимость совершенствования работы ряда государственных ведомств, координирующих и контролирующих ввоз (сборку на территории страны), реализацию, эксплуатацию и утилизацию транспортных средств (ТС).

В ряде наших предыдущих исследований нами уже предлагалось внедрение в деятельность ряда подразделений правоохранительных органов interoperable информационной системы, объединяющей в едином массиве данные обо всех марках и моделях транспорта, производимого и импортируемого на территорию страны. Формирование данного массива предусматривает возложение

¹ © Дронова О. Б., 2025.

на ГИБДД МВД России (как ключевого ведомства, осуществляющего регистрацию ТС) функций интеграции сведений, полученных в рамках межведомственного и вневедомственного взаимодействия заинтересованных ведомств и негосударственных организаций к числу которых относятся Министерство транспорта Российской Федерации, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, Федеральная таможенная служба, ассоциация Российских автомобильных дилеров, Российский союз автостраховщиков и иные участники авторынка [2, с. 174]. Рассматриваемая информационная система должна в описательно-иллюстрационной форме содержать структурированные информационные, технические, ресурсные, логистические и справочные материалы обо всех разновидностях и моделях ТС присутствующих в российском товарообороте.

Интероперабельность указанного информационного массива призвана обеспечить возможность ее интеграции с иными информационными массивами, в том числе обеспечивающими информационное сопровождение судебно-экспертной деятельности. В частности, к числу существенных проблемных вопросов с которыми сталкиваются сотрудники автотехнических лабораторий судебно-экспертных учреждений является дефицит информации, касающейся современных технологических процессов нанесения маркировочных обозначений, локализации скрытых маркировочных обозначений на конкретных моделях ТС, которая необходима для решения стоящих перед судебной экспертизой МО ТС задач.

Одним из вариантов решения проблемы может быть создание единого информационного портала, содержащим сведения о маркировочных обозначениях различных марок и моделей ТС. Основой такой системы может стать единый информационный массив, формируемый ГИБДД МВД России, объединяющий производственную и логистическую информацию обо всех видах ТС, эксплуатируемых в России. Создание и функционирование единого информационного портала МО ТС подразумевает необходимость организации взаимодействия между судебно-экспертными учреждениями различной ведомственной принадлежности с участниками авторынка в рамках формирования информационно-справочных массивов.

В связи с тем, что единый информационный портал будет содержать много разнородной информации, необходимо выдержать принцип унификации и типизации [3, с. 69] применительно ко всему объему массива информации. Для решения большого объема задач необходимо использование архитектуры с распределенными ресурсами и едиными базами данных, что позволит сосредоточить информацию в одном хранилище и обеспечит возможность ее конвертирования при изменении программных оболочек и интерфейсов, распределенный одновременный доступ к этой информации.

Для создания функционального макета портала, была выбрана платформа «Tilda» – блочный конструктор сайтов, позволяющий создавать сайты, интернет-магазины, посадочные страницы, блоги и email-рассылки. Сайты на платформе

собираются из готовых блоков, которые автоматически адаптируются под мобильные устройства и выделены в смысловые. Выбор данной платформы обусловлен удобством проектирования сайтов, наличия большого количества инструментов для оформления его страниц и их редактирования, а также возможностью применения представленного набора инструментов. Исходя из анализа целей, задач и требований к разрабатываемому информационному ресурсу, было выбрано наиболее подходящее на наш взгляд название, которое определяет сферу его применения: «Единый информационный портал обеспечения производства судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств».

Для успешного создания информационного ресурса нами было определено его содержание, включающее:

- главную страницу, на которой размещаются основные пункты меню, позволяющие пользователю перейти в нужный раздел;
- справочные материалы, которые необходимы для обеспечения процесса проведения экспертизы;
- каталог транспортных средств (в нем представлены три категории транспортных средств: легковые автомобили, грузовые автомобили и мотоциклы, марки которых структурированы в алфавитном порядке);
- данные разработчиков портала (раскрывающие суть и цели создания проекта, информацию о разработчиках проекта) и информационная поддержка (необходима для обеспечения связи пользователей и с разработчиками).

Такой перечень структурных элементов обоснован тем, что в ходе проведения судебной экспертизы МО ТС помимо специальной информации, связанной с расположением, количеством и видом маркировочных обозначений того или иного ТС (раздел «Категории ТС») возникает необходимость использования методических и справочных изданий, которые содержат регламент производства данного вида экспертиз и наглядно-образную информацию (именно по этой причине раздел «Справочная литература» вынесен отдельно). Так же, в перспективе, в ходе использования данного портала в практической деятельности, может возникнуть необходимость связи пользователей и администраторов (для этого предназначен раздел «Поддержка»). Разделы «О проекте» и «Создатели» необходимы для ознакомления пользователя с целями создания и данного информационного портала, а также познакомить их с создателями, которые вступили в качестве инициаторов проектирования данной информационной платформы.

Структура портала обусловила содержание его основных страниц, определяющих алгоритм эксплуатации системы. При входе на портал пользователь попадает на главную страницу, на которой расположены три блока: заглавный блок, где отображается название портала и строка меню со ссылками на другие разделы («Новости», «Справочная литература», «Каталог ТС», «О портале», «Создатели», «Поддержка»), новостной и блок с ссылками к двум основным разделам («каталог ТС» и «справочная литература»).

Раздел «Новости» предназначен для информирования экспертов о событиях, происходящих в области автомобилестроения, которые необходимы для формирования представления о современных тенденциях производителей и ретейлеров ТС, так как это тесно связано с экспертизой маркировочных обозначений ТС.

Далее пользователь портала имеет возможность выбора варианта запроса: перейти в раздел «Каталог ТС» или перейти в раздел «Справочная литература».

При выборе раздела «Каталог ТС» пользователя переводит на следующую страницу портала, на которой ему предоставляется выбор трех категорий ТС: легковые автомобили, грузовые автомобили и мотоциклы.

В случае выбора пункта «Легковой автомобиль» пользователь переходит на следующую страницу сайта. В зависимости от названия марки производителя автомобиля, пользователь выбирает нужную букву (например, «О»), нажимает пункт с ней, после чего система переводит его на следующую страницу портала, которая содержит список автомобильных марок, начинающихся на эту букву («О»). Далее в зависимости от марки автомобиля, поступившего на исследование, пользователь выбирает нужные ему пункты меню (например, «OMODA»), после чего открывается раздел с моделями, произведенными под этой маркой. Изучив список, пользователь выбирает соответствующую, представленной на исследование, модель данной марки (например «OMODA C5»), после чего система переводит его на страницу с данной моделью.

На данной информационной странице сайта представлены:

1. 3D-модель ТС (это необходимо для точного определения соответствия, представленного на исследование ТС, и ТС, представленного на данной странице портала).

2. Схематическое изображение ТС с указанием мест расположения маркировочных обозначений на нем (необходимо для упрощения поиска данных маркировочных обозначений на исследуемом ТС).

3. Изображения оригинальных маркировочных обозначений, нанесенных заводом – производителем ТС, представленных на схеме маркировочных обозначений (предназначено для проведения визуального сравнения с исследуемыми маркировочными обозначениями, расположенных на ТС, с целью выявления признаков их изменения).

Количество изображений маркировочных обозначений, представленных на данной странице, может варьироваться в зависимости от количества обозначений, нанесенных конкретным заводом-производителем.

Стоит заметить, что алгоритм поиска нужного ТС начиная с раздела «Каталог ТС» аналогичен для категорий «Грузовой автомобили» и «Мотоцикл».

При выборе раздела «Справочная литература» система переводит пользователя на страницу портала, где расположено меню, состоящее из трех подразделов:

- «Законодательство. Нормативные правовые акты»;
- «Информационно-справочная литература»;
- «Научная литература».

В зависимости от запроса пользователя он выбирает необходимый подраздел (например, «Нормативные правовые акты»). После выбора подраздела пользователя переводит на страницу с нужными источниками, которая представлена в виде ссылок на информационно-правовые платформы для ознакомления с ней.

Для подразделов «Информационно-справочная литература» и «Научная литература» алгоритм поиска аналогичен. Раздел «О Портале» содержит описание предназначения портала и выглядит следующим образом.

Система информационного обеспечения судебной экспертизы МО ТС является важным составляющим компонентом процесса производства судебных экспертиз МО ТС. Однако для создания такой системы требуется выполнить существенный комплекс мероприятий как технического, так и организационного характера, что предусматривает необходимость принятия соответствующих административных функциональных решений.

Список литературы

1. Импорт транспортных средств в Россию в 2024 году // Аналитическое агентство «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru/news/59466/>.

2. Дронова О. Б. Современные возможности информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности : сборник научных трудов. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. С. 173–177.

3. Моисеева Т. Ф. Классификации судебных экспертиз: необходимость унификации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 68–72.

*Елагина Е. В.¹,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Эпиграфом к любой публикации, в которой рассматривается правовое регулирование производства судебной экспертизы, может являться цитата из опубликованной почти четверть века назад, но не утратившей своего значения и в настоящее время, статьи профессора Н. П. Майлис «Регулирование судебно-экспертной деятельности в свете современного законодательства» – «Обеспечение качества судебных экспертиз зависит не только от научных и методических разработок по исследованию доказательств, но и от правовых норм, закрепляющих их назначение, организацию и непосредственное производство» [1, с. 7]. Можно смело прогнозировать, что и еще через четверть века исследования проблем, возникающих в связи с производством судебной экспертизы (как в целом, так и отдельных ее видов) не утратят актуальности.

Заключение эксперта является одним из наиболее весомых доказательств, используемых для установления значительной части обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, поэтому широкий круг проблем, возникающих при подготовке, назначении, проведении судебной экспертизы и оценке результатов, являются постоянным предметом исследования ученых. При этом, использование заключения эксперта в доказывании может осуществляться только после оценки, которая предполагает не только установление его соответствия критериям, указанным в ст. 88 УПК РФ, но и установление ряда факторов, не указанных в данном кодексе, и не всегда являющихся очевидными для правоприменителя. Например, в качестве одного из таких вопросов можно назвать «легальность» субъекта инициирования судебной экспертизы и непосредственного субъекта ее производства, который можно отнести к латентным, поскольку их неочевидность детерминирована как сложившейся правоприменительной практикой, так и несовершенством правового регулирования судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве [2].

Один из наиболее весомых аргументов, свидетельствующих о значении результатов судебной экспертизы, содержится в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела

¹ © Елагина Е. В., 2025.

прокурору» [3]: «Если в соответствии с требованиями статьи 196 УПК РФ производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования обязательно, то по смыслу этой нормы отсутствие в материалах дела соответствующего заключения эксперта и указания на него в обвинительном документе является существенным нарушением закона, допущенным при составлении обвинительного документа, исключающим возможность принятия судом на его основе решения по существу дела. Уголовное дело подлежит возвращению прокурору и в других случаях, когда обвинительный документ не содержит ссылки на заключение эксперта, наличие которого исходя из существа обвинения является обязательным для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 73 УПК РФ), с учетом того, что данные обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных видов доказательств, а для производства такой экспертизы необходимо проведение значительных по объему исследований, которые не могут быть выполнены в ходе судебного разбирательства без отложения рассмотрения дела на длительный срок, противоречащий интересам правосудия (например, судебно-бухгалтерской или экономической экспертизы для установления размера ущерба по делу о преступлении в сфере экономической деятельности)».

В приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации также уделяется внимание вопросам судебной экспертизы, в частности подчеркивается, что прокурор должен обращать внимание на соблюдение при назначении и производстве судебных исследований и экспертиз требований УПК РФ, в том числе касающихся обеспечения принципа независимости эксперта, а также его компетентности, включая наличие аттестации на право самостоятельного производства экспертизы, проведенной в порядке, установленном соответствующими федеральными органами исполнительной власти, и лицензии, если этого требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности [8, п. 1.14; 9, п. 5].

Правовое регулирование производства судебной экспертизы не может рассматриваться в отрыве от правовых основ государственной судебно-экспертной деятельности, каковые в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – № 73-ФЗ) «составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации, законодательство в сфере охраны здоровья, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или)

производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального государственного органа, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства».

Источники, обеспечивающие правовое регулирование судебной экспертизы в уголовном процессе, можно разделить на следующие группы: нормативные (федеральные законы, в частности Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации); подзаконные нормативные акты: акты Правительства Российской Федерации, имеющие нормативный характер, издаваемые в форме постановлений Правительства Российской Федерации (ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [5]); ведомственные правовые акты; акты официального разъяснения действующих норм – акты толкования Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и др.

По вопросу правовой природы этих актов в научной литературе нет единства мнений. Одни авторы относят акты официального разъяснения к актам толкования, не содержащим новых норм, другие – к нормативным правовым актам. При этом не подвергается сомнению реальное значение указанных актов в обеспечении единообразного применения законов в судебной практике.

Как правило, применительно к правовому регулированию судебной экспертизы ограничиваются упоминанием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», что очевидно недостаточно для обеспечения полноты оценки соблюдения всех требований, поскольку перечень федеральных законов, регулирующих данную сферу, намного шире и в качестве основных следует назвать следующие Федеральные законы Российской Федерации: от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»; от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений»; от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

В соответствии с отдельными указанными выше федеральными законами принимаются постановления Правительства Российской Федерации, издаются ведомственные нормативные акты. Так, в соответствии с Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» приняты постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности»¹ (за исключением указанной деятельности, осу-

¹ Применительно к документам в данном абзаце приводятся не полные их названия, которые являются чрезмерно объемными, а краткие, позволяющие найти ведомственный акт в любой справочно-поисковой системе.

ществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2022 г. № 1007 «О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений» (вместе с Положением о лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений)). На основании ч. 2 ст. 62 «Судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы» Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой закреплено, что «порядок проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз и порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти», изданы приказ Минздрава России от 25 сентября 2023 г. № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» (срок действия данного Порядка установлен с 1 сентября 2024 г. по 1 сентября 2030 г.), приказ Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346-н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (действовал до 1 сентября 2024 г., но ссылка на него должна быть в заключениях экспертов по результатам производства экспертиз, назначенных до указанной даты) и приказ Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» (утратил силу с 1 сентября 2025 г. в связи с изданием приказа Минздрава России от 29 апреля 2025 г. № 263н, утвердившего новый Порядок).

К этому же блоку документов, регулирующих производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (организациях), относятся ведомственные акты: Минюста России от 28 декабря 2023 г. № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации»; приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»; приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»; приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности»; приказ МЧС России от 19 августа 2005 г. № 640

«Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» и др.

Отдельно следует обратить внимание на ведомственные акты, которыми регламентируется порядок аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебной экспертизы, которая является обязательной для государственных экспертов (ст.ст. 12, 13 № 73-ФЗ). Подчеркну, что обязательность отражения сведений о прохождении аттестации на право самостоятельного производства экспертиз не предусмотрена законодателем (см. ч. 1 ст. 195, ч. 1 ст. 204 УПК РФ), тем не менее наличие аттестации является условием производства судебной экспертизы, что подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 18 декабря 2003 г. № 429-О [4], в соответствии с которой сведения об аттестации являются специальным подтверждением квалификации эксперта, которая может быть предметом оспаривания участниками судопроизводства.

Еще одним источником, имеющим исключительное значение для рассматриваемого вопроса, является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [6]. Как указано в преамбуле постановления, данный документ адресован судам в связи с вопросами, возникающими у судов при применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам, и в целях обеспечения единства судебной практики.

Характеризуя в целом постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам», следует подчеркнуть, что в нем аккумулированы и прокомментированы основные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», значимые для правового регулирования судебной экспертизы в уголовном процессе. Вместе с тем отдельные суждения, высказанные в постановлении, являются неоднозначными, поскольку не в полной мере соответствуют федеральным законам, и далее в тексте данной статьи будет приведен конкретный пример.

С 2021 г. перечень документов, значимых для правового регулирования судебной экспертизы, дополнен актом, значение которого исключительно велико – распоряжением Правительства Российской Федерации «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» (в него уже дважды вносились изменения и дополнения, и с 1 июля 2024 г. оно действует в полном объеме) [7]. Изданию данного распоряжения предшествовало дополнение ст. 41 № 73-ФЗ частью третьей, в соответствии с которой Правительство Российской Федерации может устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Какие же проблемы возникают на практике?

Во-первых, сохраняется практика поручения производства судебно-психологической экспертизы (а также комплексных, предполагающих привлечение экспертов-психологов) негосударственным экспертным учреждениям.

Во-вторых, судами не учитывается, что проведение отдельных видов судебной экспертизы, указанных в соответствующих разделах распоряжения, ограничивается или конкретными преступлениями, или необходимостью разрешения конкретных вопросов, например, если необходимость в получении заключения лингвистической экспертизы требуется при производстве по уголовным делам о преступлениях, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, а также при проверке сообщений о таких преступлениях, то она может быть проведена только в государственном судебно-экспертном учреждении, в остальных случаях – вне их, аналогичная ситуация и с судебной экономической экспертизой (финансово-экономической, финансово-аналитической, налоговой), которые проводятся исключительно в государственных экспертных учреждениях только при проверке сообщения о преступлении и при производстве по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов, а также причинением ущерба природным ресурсам.

В качестве третьей существенной проблемы следует указать «конфликт» между рассматриваемым распоряжением и ст. 11 № 73-ФЗ, суть которого заключается в следующем: в тех случаях, когда срок проведения требуемой судебной экспертизы не соответствует критерию «реальный», или же отсутствует возможность ее производства, например, в связи с отсутствием эксперта требуемой специальности, инициируют производство экспертного исследования вне государственного судебно-экспертного учреждения, руководствуясь ч. 2 ст. 195 УПК РФ, допускающей привлечение и иных лиц, обладающих специальными знаниями, и п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 [6], в котором указывается, что в случае «когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее <судебной экспертизы> производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, образовательной или иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование», что представляется в конкретной рассматриваемой ситуации недопустимым, поскольку игнорируется не только распоряжение правительства, но и положения ст. 11 № 73-ФЗ.

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с ч. 6 ст. 5 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» акты Правительства Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации, игнорирование рассматриваемого Распоряжения недопустимо. Значение данного документа исключительно велико, поскольку

в случае производства любой экспертизы какого-либо вида, указанного в Распоряжении, вне государственного судебно-экспертного учреждения, заключение должно признаваться недопустимым. Вместе с тем анализ практики наглядно свидетельствует, что не только о содержании, но и о наличии этого документа осведомлены далеко не все практические работники.

Рассмотренные в статье вопросы не исчерпывают всех проблем темы, но автором сознательно был сделан акцент на некоторых из тех, которые недостаточно полно освещены в научной литературе и вызывают затруднения у правоприменителя.

Список литературы

1. Майлис Н. П. Регулирование судебно-экспертной деятельности в свете современного законодательства // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 7–11.
2. Елагина Е. В. Отдельные вопросы судебной оценки заключения эксперта // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 4. С. 384–398.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп. на 22 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 429-О «По жалобе граждан Березовского Бориса Абрамовича, Дубова Юлия Анатольевича и Патаркацишвили Аркадия Шалвовича на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (с изм. и доп. на 29 июня 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» (с изм. и доп. на 31 октября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Жаворонков В. А.¹,
доцент кафедры
«Криминалистика и судебная экспертиза»
Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук, доцент

ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ ИЛИ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Общеизвестно, что строгое соблюдение экспертных методик при производстве судебных экспертиз является обязательным условием деятельности экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) ОВД. Это обеспечивает получение результатов, которые отвечают целям и задачам судебной экспертизы, а также требованиям полноты, объективности и всесторонности экспертных исследований. Любая методика, прежде чем стать руководством к действию, проходит достаточно долгий и непростой путь: разработка методики, ее апробация и заключительный этап – сертификация. Только после этого она может быть внедрена в практику ЭКП всех уровней. Принято считать, что методика точно и полно отражает процесс проведения исследований и позволяет безошибочно решать все задачи в определенной части того или иного направления экспертной деятельности.

И действительно, экспертные исследования, выполняемые в соответствии с требованиями существующих методик, и получаемые в итоге результаты по общему правилу принимаются судебными органами как неоспоримые доказательства по делу. Конечно, в ряде случаев выводы, сделанные экспертом, могут быть оспорены, что является вполне нормальной практикой в соответствии с принципом состязательности судебного процесса, но авторитетность мнения эксперта, изложенного в его заключении, как правило, превосходит доводы, приводимые стороной, его оспаривающей.

Безусловно, при производстве судебных экспертиз могут возникать и различные проблемы; они были, есть и сейчас, будут и в дальнейшем [1, с. 76–83]. Вопрос только в том, как быстро и успешно эти проблемы будут решаться. Ведь процесс производства судебных экспертиз непрерывен, и остановить деятельность ЭКП в том или ином направлении по причине, например, появления новых объектов, свойства или технические характеристики которых недостаточно изучены, просто невозможно. Между тем, как показывает практика, в процессе производства судебных экспертиз может выясниться, что между методическими рекомендациями и реальным положением дел существуют противоречия. Использование новых способов совершения преступлений или появление в арсенале преступников новых, еще не до конца изученных и оцененных экспертной практикой средств совершения преступлений может серьезно затруднить решение задач судебной экспертизы.

¹ © Жаворонков В. А., 2025.

В процессе реализации новых технических идей и развития промышленного производства в свободный оборот, нет да нет, поступают изделия, которые в силу особенностей конструкции, назначения и технических характеристик попадают в разряд предметов, способных стать орудиями совершения преступлений, являясь между тем, согласно заводской документации, совершенно безобидными предметами, предназначенными, например, для занятия спортом или развлечения. Последовательным результатом этого является тот факт, что такие изделия рано или поздно становятся объектами криминалистического исследования. Вот тут-то и встает вопрос об отнесении этих изделий либо к категории объектов уголовного расследования, либо к предметам таковыми не являющимися.

Учитывая то, что государство разрешило свободный оборот того или иного промышленного продукта, у экспертов, проводящих его исследование, в общем-то никаких вопросов возникать не должно. Если на изделие имеется сертификат соответствия установленного образца, то для формулирования вывода вполне достаточно провести сравнение исследуемого объекта с сертифицированным образцом. Дальнейшего исследования с целью установления поражающих свойств исследуемого объекта, если речь идет, например, о предметах, сходных по конструкции с огнестрельным оружием, не требуется. Здесь можно провести аналогию с исследованием объектов, относящихся к холодному оружию и предметам хозяйственно-бытового назначения. Если объект сертифицирован как туристический нож, то после его сравнения с образцом, описанным в сертификационном листке, и установления факта его соответствия по конструкции, размерным характеристикам и маркировочным обозначениям образцу дальнейшее исследование не проводится, и делается вывод о том, что представленный нож холодным оружием не является.

Между тем при проведении дальнейшего исследования некоторых видов таких изделий может выясниться, что свойства этих объектов и их технические характеристики не соответствуют тем, которые указаны в технической документации завода-изготовителя, а также данным, полученным в результате проведения испытаний в лаборатории соответствующего органа, например в ЭКЦ МВД России.

Преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия и его применением, в нашей стране относятся к категории правонарушений, представляющих большую общественную опасность [2, с. 143], поскольку при использовании такого оружия человеку может быть причинен тяжкий вред здоровью или смерть. Производство судебных баллистических экспертиз, проводимых в процессе расследования по делам данной категории, относится к весьма ответственному направлению судебно-экспертной деятельности ввиду того, что ее объекты, как правило, используются при совершении таких преступлений. Правильное определение относимости исследуемых объектов к огнестрельному оружию является необходимым условием успешного проведения расследования.

Учитывая то, что у всех объектов, схожих по внешнему виду и конструкции с огнестрельным оружием, изготовленных промышленным способом, есть все необходимые документы, на основании которых разрешен их свободный оборот,

при производстве судебных экспертиз эксперты могут столкнуться с весьма непростой дилеммой. С одной стороны, на объект исследования имеется сертификат, в соответствии с которым он не является огнестрельным оружием. С другой – экспериментальные исследования в процессе производства судебной баллистической экспертизы могут свидетельствовать о том, что он обладает поражающими свойствами, характерными для огнестрельного оружия. В результате возникающей коллизии сделать вывод, который бы соответствовал не только правовым нормам и методическим рекомендациям, но и объективной истине, совсем не просто. Ведь из данных, полученных в процессе экспериментальных стрельб, следует: назначение изделия не соответствует тому, о котором было заявлено заводом-изготовителем, а в процессе сертификации, кроме того, испытаниям было подвергнуто недостаточное количество образцов, что, очевидно, привело к сомнительным результатам исследования.

Но сертификация прошла, и в результате в свободном обороте появились изделия, которые по своим характеристикам вполне можно было бы отнести к огнестрельному оружию. И такое положение дел может существовать довольно длительное время. Возможно, только тогда, когда выяснится, что эти изделия используются преступниками в качестве средств совершения преступлений, причем, тяжких и особо тяжких, и таких преступлений совершается достаточно большое количество, встанет вопрос о проведении дополнительных исследований с целью установления истинных технических характеристик и поражающих свойств этих изделий.

Все это приводит к мысли о том, что при выпуске новых изделий, которые могут быть использованы в преступных целях, проверке их технических характеристик и поражающих свойств не всегда уделяется должное внимание. Отсюда следует вполне логический вывод и требование: к сертификации, как процедуре официального подтверждения соответствия товара определенным стандартам, требованиям или нормативам необходимо относиться более серьезно. Исследования с целью установления качеств объектов сертификации должны быть более глубокими, а выводы базироваться на материалах значительного объема.

Для примера можно привести разработанный два года назад и поступивший в свободное обращение револьвер модели «Бульдог KURS» производства ООО «КУРС-С» (г. Сарапул, Россия), предназначенный для стрельбы строительно-монтажными патронами калибра 5,6x16 мм (*hilti*) и резиновыми шарами, диаметр которых составляет 10 мм, а вес – 0,7 г. В соответствии с российским законодательством приобрести указанное устройство может каждый желающий; приобретение револьвера не требует специального разрешения, его можно свободно хранить и носить, регистрировать в соответствующих подразделениях МВД России не требуется.

Исходя из баллистических характеристик, указанных в паспорте завода-изготовителя, снаряд, выстреленный из ствола указанного револьвера, обладает удельной кинетической энергией, не превышающей 0,5 Дж/мм². На основании

этого револьвер не может быть отнесен к огнестрельному оружию. В подтверждение этому на официальном сайте Росаккредитации представлен сертификат соответствия, включенный в Единый перечень продукции Российской Федерации РОСС RU O-RU.AЯ09.B.02459/24, согласно которому револьвер «Бульдог KURS» соответствует четвертому разделу требований ГОСТа 50529–2015 (требования безопасности) [3]. В заключительной части сертификата есть ссылка на заключение ЭКЦ МВД России № 3716-19679 от 13 октября 2023 г., в котором, в частности, указано, что удельная кинетическая энергия снаряда, выпущенного из ствола револьвера модели «Бульдог KURS», составляет 0,4 Дж/мм².

В связи с этим, при проведении баллистических исследований сотрудники ЭКП ОВД, руководствуясь наличием сертификата соответствия и информацией, указанной в нем, вполне обосновано дают заключение о том, что револьвер «Бульдог KURS» не является огнестрельным оружием в силу указанных выше его баллистических характеристик. Казалось бы, такое решение экспертов очевидно и выполнено в соответствии с существующими методиками.

Между тем на практике эксперты сталкиваются с обратным: проведение исследований в ряде ЭКП г. Москвы показали, что заявленные заводом-изготовителем и подтвержденные испытаниями ЭКЦ МВД России баллистические характеристики револьвера «Бульдог KURS» не в полной мере соответствуют действительности. Так, при проведении исследования в одном из ЭКП ГУ МВД России по г. Москве в ноябре 2024 г. было установлено, что при производстве выстрелов резиновыми шарами диаметром 10 мм и весом 0,7 г с использованием строительно-монтажных патронов калибра 5,6 x 16 мм (.22) hilti со средней энергией 186 Дж, средний показатель удельной кинетической энергии снарядов составил 0,7 Дж/мм² (0,5–0,9 Дж/мм²), а при стрельбе свинцовыми снарядами весом 2,52 г – 1,4 Дж/мм² (1,1–1,5 Дж/мм²).

Таким образом, результаты проведенных экспериментов показали, что удельная кинетическая энергия снарядов, выстрелянных из револьвера модели «Бульдог KURS», превышает минимальное значение удельной кинетической энергии, необходимой для признания исследуемого изделия огнестрельным оружием. Следует отметить, что при проведении экспериментальной стрельбы в описанном случае использовались не самые мощные строительно-монтажные патроны. Промышленностью выпускаются патроны куда большей мощности, обладающие энергией до 600 Дж. Применение таких патронов может позволить еще значительней увеличить показатель удельной кинетической энергии, а следовательно, сделает еще более опасным применение указанного револьвера.

Что же получилось на практике? Неточное определение баллистических характеристик револьвера «Бульдог KURS» в процессе проведения сертификации привело к тому, что огромный массив изделий, обладающих поражающими свойствами огнестрельного оружия, оказался в свободном обращении. В практике ЭКП г. Москвы имели место случаи, когда револьвер указанной модели по результатам проведения судебной баллистической экспертизы признавался огнестрельным оружием, но в процессе проведения судебного заседания доводы

экспертов, как доказательства по делу, приняты не были, а их действия признаны нарушением существующих методик проведения баллистических исследований. Естественный результат событий – не только рост числа преступлений с использованием этого вида оружия, но и удар по престижу правоохранительной системы. Необходимо также указать, что с момента поступления револьвера модели «Бульдог KURS» в свободный оборот до настоящего времени (около двух лет) никаких действий, направленных на уточнение методики исследования отдельных видов объектов судебной баллистической экспертизы, предпринято не было. Более того, по мнению экспертов-практиков, изменения в методику могут быть внесены еще очень нескоро.

Не стоит забывать, что хранение и ношение такого оружия, даже если оно не сопряжено с преступными намерениями напрямую, не исключает возможности его спонтанного использования, например при совершении хулиганских действий, в уличных «разборках», в семейных ссорах и пр., что, несомненно, может привести к весьма печальным последствиям. И остается только гадать, какое количество людей может пострадать из-за отсутствия четкой регламентации видовой принадлежности такого оружия, как револьвер модели «Бульдог KURS». Задавая эти вопросы, важно сознавать, что увеличение оборота изделий, относимость которых к тому или иному виду оружия четко не определена, способствует росту уровня преступности и дестабилизации правопорядка [4, с. 60].

Список литературы

1. Неретина Н. С. Проблемы производства новых родов и видов судебных экспертиз: методические и методологические аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 76–83.
2. Соловьев К. А. Значение заключения судебно-баллистической экспертизы в установлении обстоятельств расследуемого события // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 14–148.
3. ГОСТ Р 50529–2015. Оружие гражданское и служебное огнестрельное, устройства производственного и специального назначения // ИП «Охрана труда в России». URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/3ed/4293758950.pdf>.
4. Прудникова Л. Б., Подгурский, Р. В. Вопросы дефинитивной аутентичности законодательного определения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также их оборота // Международный научный вестник. 2024. № 8. С. 50–64.

*Исайко Д. А.¹,
преподаватель цикла
Центра профессиональной подготовки
имени Героя России майора милиции В.А. Тинькова
ГУ МВД России по Московской области*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В СУДЕ

Экспертное заключение представляет собой важнейший элемент современного судебного разбирательства, предоставляющий суду специализированные знания, необходимые для правильного установления фактических обстоятельств дела. Несмотря на его значимость, оценка достоверности и доказательственной силы экспертного заключения остается сложной и многогранной задачей, вызывающей активные дискуссии, как в юридической, так и в научной среде. Эффективность судебного разбирательства во многом зависит от того, насколько обоснованно и логично суд оценивает выводы эксперта и учитывает их при формировании итогового решения. На практике это требует тщательного анализа не только содержания самого заключения, но и условий его получения, квалификации эксперта, методологии исследования и сопоставления выводов с другими доказательствами по делу.

Достоверность экспертного заключения определяется через его соответствие действительности, логическую последовательность, обоснованность выводов и соответствие научным и практическим стандартам. Однако экспертное заключение не является абсолютной истиной и не обладает заранее установленной доказательственной силой, поэтому суд обязан рассматривать его как один из элементов совокупности доказательств, соотнося его с другими материалами дела, включая письменные показания, вещественные доказательства и свидетельские показания. Особенно важно учитывать, что в некоторых случаях выводы эксперта имеют вероятностный характер, что требует внимательного анализа степени неопределенности и возможного влияния этой неопределенности на вынесение судебного решения.

Важным аспектом оценки экспертного заключения в судебном процессе является комплексный анализ методологической основы экспертизы. Суд должен учитывать не только квалификацию эксперта и соблюдение процессуальных норм, но и научную обоснованность выбранных методов исследования, применяемых приборов и технологий, а также корректность интерпретации полученных результатов. В практике нередко возникают ситуации, когда эксперт использует устаревшие или непроверенные методики, что снижает достоверность выводов и, как следствие, их доказательственную ценность. Особое внимание

¹ © Исайко Д. А., 2025.

следует уделять тем случаям, когда экспертиза проводится в междисциплинарной области, требующей совмещения знаний из различных научных сфер. Например, комплексная криминалистическая экспертиза может включать медицинские, химические и технические исследования, и ошибки на любом из этапов могут повлиять на объективность заключения [1, с. 110].

Кроме того, значимым фактором является прозрачность процедуры экспертизы и возможность контроля за ее ходом. Суд и стороны процесса должны иметь возможность проверять корректность отбора образцов, условий их хранения, использования инструментов и методов анализа. Недостаток прозрачности может порождать сомнения в обоснованности выводов эксперта, даже если формально процесс проводился в соответствии с законом. Таким образом, создание условий для максимальной открытости и документирования каждого этапа экспертизы становится важной гарантией достоверности заключений [2, с. 78].

Не менее значимой проблемой является интерпретация результатов экспертизы в условиях неопределенности. Суд должен учитывать, что экспертные выводы часто имеют вероятностный характер и могут содержать диапазоны значений или степени достоверности. Неправильное понимание этих аспектов может привести к чрезмерной оценке значимости заключения или, наоборот, его недооценке. Эффективным инструментом в подобных случаях является установление четких критериев для оценки вероятностных выводов эксперта, а также сопоставление этих выводов с другими доказательствами, что позволяет минимизировать субъективность судебной оценки.

Современные тенденции судебной практики демонстрируют необходимость постоянного повышения квалификации экспертов и обновления методических подходов. Внедрение систематического обучения, участие экспертов в научных конференциях и подготовка к аттестации позволяют повысить уровень профессиональной подготовки специалистов и, как следствие, достоверность их заключений. Кроме того, перспективным направлением является развитие нормативно-правовой базы, регулирующей стандарты проведения экспертиз и требования к оформлению экспертных заключений [3, с. 177]. Это способствует унификации подходов и снижению риска судебных ошибок.

Оценка экспертного заключения в суде представляет собой сложный многоплановый процесс, включающий анализ методологической корректности, прозрачности проведения экспертизы, интерпретации вероятностных данных и профессиональной компетентности эксперта. Только комплексный подход, сочетающий научное обоснование, прозрачность процедуры и высокий уровень квалификации специалистов, способен обеспечить объективную оценку экспертных выводов и их справедливое использование в судебной практике, укрепляя доверие к системе правосудия и повышая качество вынесенных решений.

На практике нередко возникает ситуация, когда экспертное заключение становится ключевым элементом доказательственной базы, особенно в случаях, связанных с медицинской, психологической или технической экспертизой. В та-

ких обстоятельствах качество и достоверность экспертного заключения напрямую влияет на справедливость решения суда и степень защиты прав участников процесса. В то же время существует множество факторов, которые могут снижать доверие к экспертным выводам: недостаточная стандартизация методов проведения экспертизы, отсутствие единых подходов к оценке достоверности заключений, субъективная предвзятость эксперта или его заинтересованность в исходе дела.

Для повышения объективности и надежности экспертных заключений важно внедрять единые стандарты экспертизы, разрабатывать методические рекомендации для экспертов, обеспечивать систематическое повышение квалификации специалистов, а также предусматривать механизмы пересмотра заключений при выявлении ошибок. Важным аспектом является взаимодействие судебных органов с экспертным сообществом, что позволяет согласовывать методические подходы и повышать доверие к результатам экспертизы. При этом роль суда заключается в комплексной оценке экспертного заключения, его сопоставлении с другими доказательствами, определении степени его достоверности и решении вопроса о его влиянии на исход дела [4, с. 216].

Важным направлением совершенствования оценки экспертного заключения является учет психологических и когнитивных факторов, влияющих на восприятие выводов эксперта судом и сторонами процесса. Судьи, адвокаты и прокуроры часто сталкиваются с ограничениями человеческого восприятия, предвзятостью и склонностью к чрезмерной доверчивости в отношении «авторитетного» мнения эксперта. Эти факторы могут приводить к завышенной оценке доказательственной силы заключения или, напротив, к его недооценке при наличии сомнений в квалификации эксперта. Осознание таких психологических особенностей позволяет формировать более объективную систему оценки, где выводы эксперта рассматриваются как один из элементов совокупности доказательств, а не как безусловная истина.

Кроме психологического аспекта, значительное внимание необходимо уделять междисциплинарной проверке экспертного заключения. В условиях сложных судебных дел, включающих вопросы техники, медицины, экономики или психологии, интеграция знаний из разных областей позволяет выявлять возможные логические противоречия и ошибки интерпретации данных. Практика показывает, что комплексная экспертиза, подкрепленная взаимной проверкой специалистов из разных сфер, значительно повышает достоверность выводов и снижает риск судебных ошибок. Важным инструментом здесь является привлечение консультативных экспертных групп, которые анализируют первичные заключения и дают рекомендации относительно их достоверности и соответствия стандартам.

Также актуальным направлением является использование цифровых технологий и аналитических инструментов для повышения прозрачности и воспроизводимости экспертных исследований. Ведение электронных протоколов, применение специализированного программного обеспечения для обработки данных,

использование автоматизированных систем анализа позволяют не только ускорить процесс экспертизы, но и снизить вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором. При этом внедрение таких технологий требует разработки четких методических инструкций, обучения экспертов и обеспечения защиты информации, что становится важным условием для легитимности экспертных заключений в суде [5, с. 130].

Следует отметить, что совершенствование методов оценки экспертных заключений также связано с развитием нормативной базы. Большое значение имеет не только процессуальное законодательство, регулирующее порядок назначения и проведения экспертиз, но и стандарты, устанавливающие методологические и этические требования к экспертной деятельности. Разработка единых критериев достоверности, методических рекомендаций и этических норм способствует унификации практики, снижает влияние субъективных факторов и повышает доверие участников процесса к экспертным заключениям.

Интеграция психологических, методологических и технологических аспектов в оценку экспертного заключения позволяет создать более комплексную, прозрачную и достоверную систему использования экспертных выводов в судебной практике. Такой подход обеспечивает справедливую оценку доказательств, минимизирует риски ошибок и повышает эффективность правосудия, что в конечном счете способствует укреплению доверия общества к судебной системе.

Таким образом, экспертное заключение является не только источником специализированных знаний, но и инструментом, который при правильной оценке может существенно повысить качество правосудия. Эффективная практика оценки экспертных заключений требует комплексного подхода, учета всех процессуальных норм, применения научно обоснованных методов исследования и высокой квалификации экспертов. Решение существующих проблем в этой области позволит укрепить доверие к судебной системе, повысить качество вынесенных решений и обеспечить более объективную оценку доказательств в сложных юридических спорах.

В заключение необходимо подчеркнуть, что достоверность и доказательственная сила экспертного заключения остаются критически важными для функционирования системы правосудия. Только при соблюдении единых стандартов, комплексной оценки доказательств и высокой профессиональной подготовки экспертов возможно добиться справедливого и обоснованного судебного решения, которое будет соответствовать требованиям закона и ожиданиям общества. Совершенствование механизмов оценки экспертных заключений является неотъемлемой частью укрепления правовой системы и повышения качества судебной практики.

Список литературы

1. Антропов А. В., Воронков Д. В., Кабанов А. В. Криминалистическая экспертиза : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2021.

2. Ильин Н. Н. Судебные экспертизы в уголовном процессе : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2021.
3. Мусин Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе : практическое пособие. М. : Юрайт, 2017.
4. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.
5. Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025.

Качан А. В.¹,

*эксперт Экспертно-криминалистического центра
УВД по Южному административному округу
ГУ МВД России по г. Москве*

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПЕРЕДЕЛАННОГО УЧЕБНОГО ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА

Судебно-баллистическая экспертиза представляет собой один из ключевых видов криминалистических исследований. В рамках данной судебной экспертизы решаются задачи как идентификационного (индивидуальная идентификация, установленное групповой принадлежности), так и не идентификационного характера (классификационные, диагностические, ситуационные) [1].

Следует отметить, что особую сложность в экспертной практике представляют случаи, когда на судебно-баллистическое исследование/экспертизу поступают переделанные экземпляры оружия, созданные на базе широкого распространённых моделей, таких как пистолет Макарова (ПМ) [2].

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких лет в экспертно-криминалистических центрах все чаще фиксируются случаи переделки [3] учебных, газовых, сигнальных, огнестрельного оружия ограниченного поражения и некоторых других модификаций, созданных на базе ПМ. Подобные объекты, несмотря на внешнюю схожесть с боевым аналогом (ПМ), обладают рядом индивидуальных конструктивных и технологических особенностей, затрудняющих их исследование в связи с недостатком сведений о конструкции деталей и возможных внесённых необратимых изменений, осуществлённых как заводским, так и самодельным способами [4].

Однако среди ученых и экспертов практиков предпринимались неоднократные попытки исследования, описания и фиксации таких самодельно модифицированных экземпляров. В частности, стоит обратить внимание на научные работы отдельных авторов, внесших значимый вклад в систематизацию признаков переделанного оружия, созданного на базе ПМ [5–7]. Тем не менее учитывая разнообразие самодельных решений и ограниченность эмпирической базы, существующая информация остается недостаточной для формирования устойчивых методических подходов к исследованию пистолетов, созданных на базе ПМ.

В связи с вышеизложенным в настоящей статье исходя из экспертной практики ЭКЦ УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве предлагается провести криминалистическое исследование одного из объектов судебно-баллистической экспертизы – переделанного учебного ПМ, подвергнувшегося самодельным конструктивным необратимым изменениям с целью придания ему нового комплекса основных элементов, свойственных огнестрельному оружию (рис. 1).

¹ © Качан А. В., 2025.

В рамках данного криминалистического исследования будет проведен детальный осмотр исследуемого объекта с фиксацией выявленных самодельных изменений посредством иллюстрационного материала и их описания.

Кроме того, с целью установления баллистических характеристик переделанного учебного ПМ будет проведен экспертный эксперимент по отстрелу исследуемого объекта патронами калибра 9x18 мм.

*Рис. 1. Переделанный учебный ПМ
в конструкцию которого внесены необратимые изменения:
а – самодельным способом; б – маркировочные обозначения
на левой части кожух-затвора; в – маркировочные обозначения
на левой части pistolетной рамки*

При проведении первичного визуального осмотра на внешних поверхностях исследуемого переделанного пистолета обнаружены следующие маркировочные обозначения, читаемые как:

- на левой части кожух-затвора: «УЧ ЕА3516» (рис. 1, б);
- на левой части pistolетной рамки: «УЧ ЕА3516 Ⓛ 1966» (рис. 1, в).

Важно отметить, что маркировочное обозначение «УЧ» согласно сведениям, опубликованным в информационно-коммуникационной сети Интернет, используется для «...учебных и демонстрационных образцов оружия (деактивированных)...» [8]. Из этого следует, что данный экземпляр оружия первоначально мог являться боевым самозарядным ПМ калибра 9 мм, который в последствии в заводских условиях был «деактивирован».

Следует пояснить, что под термитном «деактивирован» в данном контексте понимается процесс приостановки работы какого-либо механизма оружия. Иными словами, данный процесс направлен на полное исключение возможности использования данного образца по его первоначальному (боевому) назначению.

Далее с целью демонстрации и последующего анализа конструктивных особенностей исследуемого экземпляра была произведена его неполная разборка (рис. 2).

Для выявления признаков, указывающих на факт замены либо внесения самодельных необратимых изменений в составные детали исследуемого экземпляра, было проведено сравнительное исследование. В качестве эталонного образца из коллекции ЭКЦ был взят заведомо исправный заводской боевой самозарядный ПМ калибра 9 мм. Сопоставление конструктивных особенностей переделанного учебного ПМ и заводского 9 мм боевого ПМ позволило установить некоторые основные различия. В частности, визуальным осмотром конструкции переделанного учебного ПМ под различными углами к источнику освещения, с помощью приборов увеличения (лупа, увеличением 10х), а также с помощью микроскопа «OLYMPUS SZX10» в прямом и косопадающем свете было установлено следующее:

– на внутренней поверхности патронника ствола, а также на внешней поверхности стойки для крепления ствола обнаружены следы грубой механической обработки (рис. 3);

Рис. 2. Неполная разборка переделанного учебного ПМ, в конструкцию которого внесены необратимые изменения самодельным способом

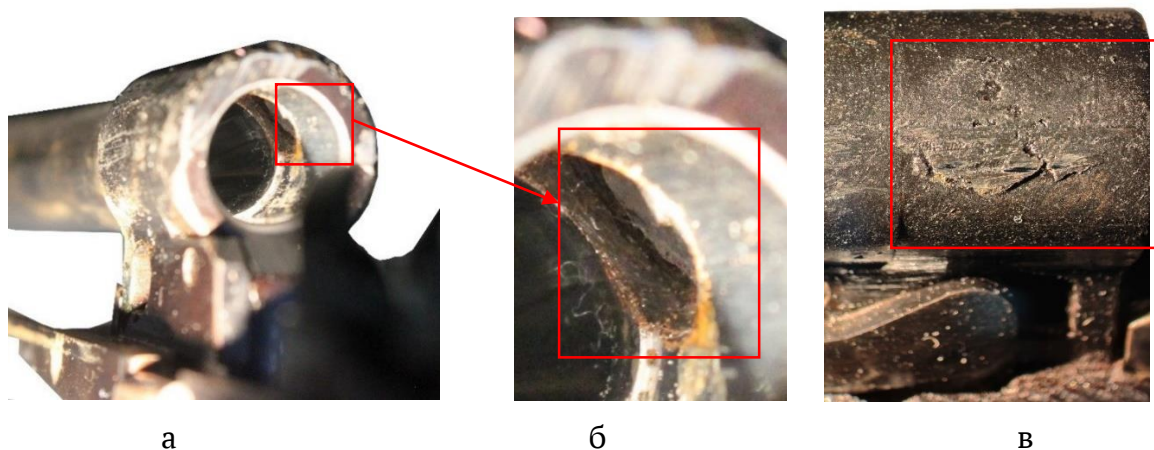

Рис. 3: а, б – заваренное самодельным способом сквозное отверстие в патроннике ствола переделанного пистолета; в – заваренное самодельным способом сквозное отверстие в стойке для крепления ствола переделанного пистолета (прямоугольниками красного цвета отмечены следы грубой механической обработки)

– в кожух-затворе, а именно на патронном упоре, зубе для постановки затвора на затворную задержку, досылателе, пазе для отражателя и гребне кожух-затвора, а также во выеме для помещения разобщающего выступа рычага взвода обнаружены следы механического воздействия (рис. 4).

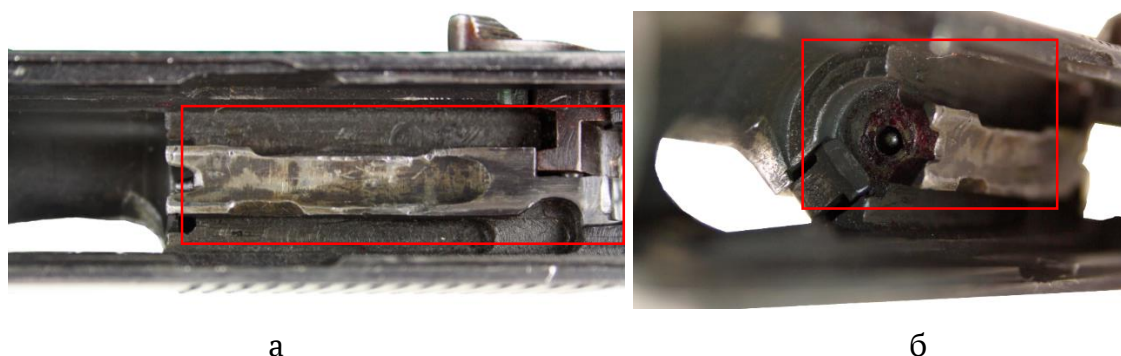

Рис. 4: а, б – самодельное восстановление патронного упора, зуба для постановки затвора на затворную задержку, досылателя, паза для отражателя и гребня кожух-затвора, выема для помещения разобщающего выступа рычага взвода (прямоугольниками красного цвета отмечены следы грубой механической обработки)

Характер и локализация обнаруженных следов механического воздействия позволяют рассматривать их как «восстановительные действия», направленные на возвращение деталям исходного (первоначального) и функционального состояния.

Подводя промежуточный итог проведенного исследования, можно отметить, что в результате внесенных самодельных необратимых изменений учебный ПМ утратил прежние свойства «деактивированного» учебного оружия и приобрел новый комплекс основных элементов, свойственных огнестрельному оружию.

Диаметр канала ствола, форма, конструктивные особенности патронника, диаметр чашки кожух-затвора и расположение ударника в кожух-затворе указывают на то, что в нем могут быть использованы патроны 9 мм (9x18) к пистолету Макарова.

Далее с целью установления баллистических характеристик переделанного учебного ПМ был проведен экспертный эксперимент. В частности, в патронник переделанного учебного ПМ поочередно заряжались три патрона калибра 9 мм (9x18) и отстреливались в пулеулавливатель «ПУ1-МУ» с замером начальной скорости пули устройством «РС-4М» на расстоянии 1 м от дульного среза и дальнейшего расчета удельной кинетической энергии. Выстрелы происходили без осечек и задержек, экстракция гильз происходила штатно. Разрушения конструкции, создающих опасности для стреляющего и прорывов газов, не произошло.

Результаты экспериментальной стрельбы свидетельствуют о том, что удельная кинетическая энергия снаряда (пули) составляет $4,68 \text{ Дж/мм}^2$, что значительно превышает $0,5 \text{ Дж/мм}^2$ (минимальный предел для поражения человека). В соответствии с действующей методикой ЭКЦ МВД России от 2025 г. [9] и на основании проведенного эксперимента по определению удельной кинетической энергии было установлено, что вновь приобретенные свойства исследуемого переделанного учебного ПМ позволяют вести стрельбу патронами с моноснарядом с дульной энергией больше $0,5 \text{ Дж}$.

Таким образом, по результатам проведенного изыскания исследуемый экземпляр, ранее являющийся учебным ПМ в виду внесения в его конструкцию необратимых самодельных изменений в соответствии с частью первой ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [3] относится к переделанному огнестрельному оружию пригодному для производства выстрелов патронами калибра 9x18 мм.

Список литературы

1. Кокин А. В., Ярмак К. В. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза». М. : Юнити-Дана : Закон и право.
2. Качан А. В. К вопросу об исследовании переделанного пневматического пистолета модели «MP-654K», калибра 4,5 мм // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 4. С. 32–36.
3. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.08.2024 № 279-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Качан А. В. Криминалистическое исследование заводских и переделанных экземпляров оружия, созданных на базе боевого пистолета Макарова : учебно-методическое пособие. Понизовье : National Research, 2025.

5. Криминалистическое исследование переделанного оружия : практические рекомендации / [А. И. Хмыз и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

6. Букур А. И. Современные способы переделки предметов самообороны в огнестрельное оружие (на примерах из судебно-экспертной практики) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 186–189.

7. Латышов И. В., Гринченко С. В., Черниговский В. Н. Актуальные вопросы использования технологических признаков переделанных пистолетов «ИЖ-79» для установления единого источника происхождения // Экспертная практика. 2009. № 66. С. 121–131.

8. Оружейный портал. URL: <https://forum.guns.ru/forummessage/85/524189.html>.

9. Судебно-экспертная методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию / [А. В. Кокин и др.]. М. : Экспертно-криминалистический центр МВД России, 2025.

Кудряшов Д. А.¹,

*доцент кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Кивель О. В.²,

*старший научный сотрудник
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИТУАЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЭКСПЕРТНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Установление объективных условий и закономерностей развития судебной экспертологии, связанных с эффективностью судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности, на сегодняшний день, имеет первоочередное значение. Следовательно, судебная экспертиза как средство доказывания в судопроизводстве требует оптимизации достижений качества результатов производства отдельных видов судебных экспертиз, а зачастую – создания и развития ее новых видов и родов.

В современных реалиях технологического развития, в частности отдельных экспертных технологий, использование специальных знаний в ходе расследования и раскрытия преступлений выходит на новый профессиональный уровень. Значительное количество преступлений раскрывается благодаря эффективному и качественному производству той или иной судебной экспертизы.

Расширение спектра применяемых и внедряемых в области судебной экспертизы инновационных технологий, со стороны практической направленности реализуется путем ее обогащения теоретическим и эмпирическим материалом, полученным в результате научно-прикладных исследований. Подобные научно-прикладные исследования строятся на следующих основополагающих векторах развития:

- совершенствование экспертных и криминалистических методов исследования;
- совершенствование типовых экспертных методик;

¹ © Кудряшов Д. А., 2025.

² © Кивель О. В., 2025.

- разработка и внедрение в экспертную практику новых научных методов и экспертных методик;
- разработка и внедрение в экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность инновационных методов и технологий;
- формирование и развитие новых родов, видов и подвидов судебных экспертиз и пр.

Таким образом, становится все более очевидно, что тенденции научных исследований в судебной экспертологии характеризуются направленностью на уточнение имеющихся и на разработку новых современных подходов и концепций о роли и месте научно-методического обеспечения судебной экспертизы. Несмотря на многочисленные разработки, в данной области имеется ряд проблем и дискуссионных положений. Актуальность обозначенной проблематики заключается в том, что на сегодняшний день окончательно не структурированы основы научно-методического обеспечения судебной экспертизы, в частности наиболее сложных ее видов, например комплексных и ситуалогических экспертных исследований. Структурированность научно-методического обеспечения судебной экспертизы и методического сопровождения ее рода, вида и подвида, это одна из важнейших предпосылок эффективного и качественного производства экспертного исследования.

В контексте сказанного выше в литературных источниках отдельными авторами [1, с. 174] была предпринята попытка решения обозначенного вопроса путем внедрения системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы, которая предполагает разработку «Единого реестра методического обеспечения судебной экспертизы», куда вносятся апробированные, допустимые к применению в экспертной практике методики экспертного исследования. Однако ни с точки зрения организационного подхода к производству экспертных исследований, ни с точки зрения процессуального порядка и регламентации, обозначенное положение не нашло должного распространения.

В последние годы, вопреки достаточно давно сформировавшимся методологическим основам ситуалогической экспертизы, они не получили своего должного логического завершения, как в организационном, так и в методическом аспектах.

В ходе проведения экспертного исследования эксперту, лицу его проводящему, необходимо обращаться к методическому, зачастую и к научному, сопровождению экспертизы конкретного рода, вида и подвида, в особенности, если речь идет о таких наиболее сложных экспертизах, во всех аспектах их производства, как ситуалогических экспертных исследованиях.

Научно-методическое сопровождение ситуалогической экспертизы – это определенная информационная база, которая представляют собой научные и методические основы ее производства. В своей совокупности данные основы раскрывает сущность, содержание, предмет, объекты, задачи и методы ее производства.

Таким образом, можно заключить, что научно-методическое обеспечение ситуалогической экспертизы интегрирует в себе методическое и научное сопровождение ситуалогических экспертных исследований определенного рода, вида и подвида и представляет собой систему взаимосвязанных элементов (фондов), определяющих ее место и роль в структуре судебной экспертизы.

Исходя из сказанного выше следует, что научно-методическое обеспечение ситуалогической экспертизы включает в себя научный и методический фонды, каждый из которых является неотъемлемым элементом общей системы научно-методического обеспечения судебной экспертизы.

Научный фонд научно-методического обеспечения ситуалогической экспертизы содержит блок научных исследований, а также блок апробации, валидации и верификации их результатов. Блок научных исследований аккумулирует в себе информацию, связанную с выявлением закономерностей, проблем и путей решения отдельных дискуссионных направлений и векторов развития ситуалогической экспертизы. Блок апробации, валидации и верификации результатов научных исследований аккумулирует в себе информацию, связанную с их проверкой, подтверждением и оценкой. Научный фонд формируется из периодических и непериодических печатных, электронных научных изданий, сборников научных трудов и материалов научных конференций, научно-исследовательских работ, диссертационных исследований, монографий, научно-популярных изданий, препринтов, научных журналов, бюллетеней и вестников, научных брошюр и памяток, а также иных научных изданий, содержащих результаты теоретических и научно-прикладных исследований.

Методический фонд научно-методического обеспечения ситуалогической экспертизы содержит в себе информацию, связанную с общими методиками проведения типовых ситуалогических экспертных исследований, а также с их криминалистическими и практическими особенностями. Он формируется из сборников экспертных методик, в частности типовых, методических рекомендаций, связанных с производством подобных экспертных исследований, информационно-справочных материалов, периодических и непериодических печатных изданий, выпускаемых в соответствии с определенными требованиями, результатов обобщения и анализа следственной, судебной и экспертной практики, а также иных материалов, связанных с вопросами организации и производства ситуалогических экспертных исследований.

Проанализировав следственно-судебную практику, связанную с вопросами назначения, организации, производства и оценки судебных экспертиз в рамках уголовного судопроизводства, можно заключить, что к компетентности судебного эксперта, как к лицу, обладающему определенным процессуальным статусом, предъявляются самые высокие требования. Данные требования находят свое отражение в закономерностях формирования и развития определенных отраслей научного знания, а также в сложившейся практике производства экспертиз и экспертных исследований конкретной экспертной специальности. Вопрос оценки компетентности эксперта при проведении им экспертного исследования

продолжает являться одним из наиболее актуальных и дискуссионных, особенно в современных реалиях глобального технологического ресурса и повсеместной цифровизации.

Вопросами, связанными с формированием и оценкой компетентности судебного эксперта занималось множество ученых, криминалистов и процессуалистов [2, с. 10]. Исходя из анализа их научных трудов можно заключить, что одним из критериев повышения уровня компетентности судебного эксперта является экспертная профилактика. Экспертная профилактика направлена на исключение различного рода факторов, способствующих риску появления экспертной ошибки в практической деятельности определенной экспертной специальности, в которой должен быть компетентен эксперт.

В судебной экспертологии под экспертной ошибкой принято понимать не соответствующие истине суждение либо умозаключение (вывод) эксперта (комиссии экспертов), а также его (их) действия, не способствующие установлению истины в процессе экспертного исследования, а также оценки его результатов, и не обеспечивающие полноту, объективность и всесторонность его производства в результате добросовестного заблуждения эксперта (комиссии экспертов).

В заключении всего выше сказанного, представляется необходимым обозначить отдельные, наиболее значимые проблемные вопросы и дискуссионные положения научно-методического обеспечения ситуалогических экспертных исследований. Таким образом, к таковым можно отнести:

- отсутствие типовых оснований криминалистической классификации решаемых экспертных вопросов в рамках производства отдельных ситуалогических экспертных исследований;
- дефицит методик ситуалогических экспертных исследований, в частности комиссионного и комплексного характера;
- отсутствие их систематизации и унификации;
- необходимость расширения перечня инновационных и современных криминалистических методов и экспертных технологий, отражающих комплексный подход при исследовании конкретных ситуаций в различных сферах специальных знаний.

Вместе с тем, данный перечень актуальных вопросов, касающихся, как теоретических, так и практических аспектов производства ситуалогических экспертных исследований, является далеко не исчерпывающим.

Таким образом, необходимо заключить следующее. Практика применения высказанных предложений и рекомендаций позволит проводить ситуалогические экспертные исследования на более высоком методическом уровне, а учет рассмотренных выше положений послужит дополнительным толчком, способствующим повышению качества и эффективности экспертной профилактики в судопроизводстве.

Список литературы

1. Дергай Г. Б. Совершенствование судебно-экспертных методик – средство профилактики экспертных ошибок // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2014. № 6. С. 172–175.
2. Аминев Ф. Г. О проблемах формирования компетентности судебного эксперта в условиях цифровизации // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 9–12.

Лавелина В. В.¹,

*преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНК НА ЭТАПЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИГОДНОСТИ ОБЪЕКТА

В конце XIX в. швейцарским ученым Иоганом Фридрихом Мишером была открыта молекула дезоксирибонуклеиновой кислоты (далее – ДНК, нуклеиновая кислота). Тогда еще трудно было пророчить данному научному достижению достойное будущее. В начале XX в. интерес к изучению ДНК-технологий способствовал активному развитию генетики, как самостоятельной науки. Сведения о том, что ДНК является носителем наследственной информации впервые появились в феврале 1944 г. в американском журнале экспериментальной медицины, где была опубликована статья, описывающая эксперимент под названием Эвери-Маклеода-Маккарти, результаты которого впервые в истории подтвердили предположение о том, что ДНК может передавать информацию потомству и являться физическим носителем наследственности. Данное открытие коренным образом изменило биологическую науку [1; 2].

Возможность использования идентификационных особенностей макромолекулы, кодирующей и передающей наследственную информацию от родителей потомству, в различных областях знаний стала возможной после еще одного громкого научного открытия, сделанного профессором Лестерского университета в Соединенном Королевстве А. Джеффрисом в начале 80-х гг. XX в. Он обнаружил, что ДНК всех людей более чем на 99 % аналогична, однако все же имеет отличающиеся участки. Им было установлено, что сравнение таких участков позволяет с большой точностью идентифицировать человека по его биологическому материалу [3].

Сегодня технологии ДНК-анализа нашли свое широкое применение в криминалистике и используются не только для «прямой» идентификации человека по оставленным на месте происшествия биологическим следам различной природы (ткани, выделения), но и для установления так называемой «опосредованной» идентификации биологического родства.

В начале XXI в. методы ДНК-анализа активно стали внедряться как в сферу судебной медицины, так и в экспертно-криминалистическую деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, экспертных подразделений

¹ © Лавелина В. В., 2025.

Следственного комитета Российской Федерации, решая основную задачу, стоящую перед правоохранительными структурами государства – установление лица, причастного к совершению преступления.

Согласно данным официальной статистики ежегодно проводится свыше двух миллионов экспертиз и исследований с использованием ДНК-технологий, при непосредственном участии сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России раскрывается каждое третье преступление [4].

ДНК-анализ на сегодняшний день уже давно не инновация и его передовые позиции мало кто оспаривает. Свое достойное место данный вид специальных знаний занимает в криминалистике, результаты которого по праву считаются одним из неопровержимых доказательств при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, наиболее резонансных направлений уголовного судопроизводства – преступлений против половой неприкосновенности, жизни и здоровья личности, общественной безопасности [5, с. 152].

Положительная динамика и стабильный рост раскрываемости преступлений методами ДНК способствует тому, что востребованность данного вида специального исследования постоянно растет.

Основная масса следов биологического происхождения, как потенциальных носителей идентификационной информации, изымается в ходе осмотров мест происшествий. К числу наиболее распространенных биологических производных человеческого организма относятся: кровь, пот и слюна с сопутствующими им эпителиальными клетками, жизнеспособные волосы, костная и мышечная ткани, контактный эпителий и другие производные человеческого организма. Данные экспертные объекты имеют высокую значимость при расследовании преступных деяний, в целях установление лица, причастного к произошедшим событиям, нередко являясь единственными «немыми свидетелями» случившегося [1, с. 219].

Стоит заметить, что в основе решения вопроса идентификации, т. е. выделения одного объекта из множества сходных с ним, в первую очередь, лежит установление определенного набора специфических признаков, оценка которых позволяет эксперту прийти к выводу о едином источнике происхождения исследуемых объектов. Именно совокупность установленных признаков дает возможность выделить единичный объект из множества подобных, в нашем случае идентифицировать человека по оставленным им биологическим следам. Наличие в исследуемом экспертном объекте такого набора признаков обуславливает его пригодность для идентификации. Именно решение вопроса пригодности (или непригодности) является первостепенной задачей эксперта-генетика.

В этой связи следует уделять особое внимание тем оценочным критериям, которые с большей степени вероятности характеризуют объект в ту (пригоден) или иную (непригоден) сторону. Решение вопроса о пригодности, на наш взгляд, диагностическая задача, предопределяющая возможность последующего идентификационного исследования, в том числе генетического, поскольку в случае

отрицательного результата необходимость в проведении дальнейшего сравнительного исследования объектов просто отсутствует [6, с. 101].

С учетом многообразия биологических объектов, особенностей их клеточного строения, совокупности факторов, влияющих на целостность, а значит и пригодность для экспертного анализа – основная задача эксперта-генетика, которая, в первую очередь, включает в себя грамотный анализ качественно-количественных параметров изучаемого объекта (а именно выделенной ДНК) для выстраивания последующего алгоритма действий в работе с ним в конкретной экспертной ситуации.

Стоит заметить, что данный этап криминалистического исследования ДНК является с практической точки зрения¹ наиболее чреватым экспертными ошибками, обусловленными «пробелами» в компетенции эксперта (в основном в области генетики, цитологии, анатомии, физики), а также недостаточным практическим опытом работы. Поэтому, говоря об ошибках, допускаемых на стадии установления пригодности генетических объектов для дальнейшего сравнительного анализа, стоит заметить, что основной проблемой является не только оценка ее с точки зрения количественного критерия – концентрации выделенной ДНК в растворе, – но и всесторонний анализ качественных параметров (длины фрагментов, степени деградаци, наличия ингибиторов). Только комплексная оценка как количественного, так и качественного критериев непосредственно определяет избрание соответствующего тактического подхода эксперта с учетом выбора и дальнейшего применения того или иного набора реагентов, имеющихся в распоряжении конкретной лаборатории, для решения поставленных задач инициатором экспертного исследования.

При этом распространенной ошибкой при ориентировании только на количественный параметр выделенной ДНК на этапе ее нормализации (доведения до требуемых параметров пригодности), зачастую, утрачивается сопутствующий генотип в случаях исследования смешанных следов при априорном доминантном присутствии в них компонента, например, потерпевшего лица (грабежи, изнасилования и пр.). О. Е. Аникеев отмечает, что именно процедура определения количества и качества ДНК после этапа экстракции, а также дальнейшая нормализация нуклеиновой кислоты, является «важнейшим подготовительным действием для корректного проведения реакции амплификации – ПЦР» [7, с. 6]. С чем, несомненно, стоит согласиться, так как неверный выбор экспертного алгоритма нивелирует значимость первоначальных поисково-познавательных мероприятий в целом, во многих случаях лишая следствие единственного достоверного источника информации о виновном лице.

¹ Учитывается 15-летний опыт работы автора в должности старшего эксперта с правом самостоятельного производства биологического исследования тканей, выделений человека и животных (исследования ДНК) ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю (с 2006 по 2021 г.).

На сегодняшний день существует серьезная проблематика отсутствия единых разработанных алгоритмов экспертных подходов в условиях различных ситуаций при оценке пригодности потенциальных носителей ДНК. В региональных лабораториях эксперты, зачастую, действуют с учетом уже сложившейся практики разрешения вопроса в схожих ситуациях, например, при работе с идентичными носителями биологических следов, что не всегда корректно, так как в учет не берутся специфические данные следственной ситуации по причине непредоставления полного объема значимой информации об объекте эксперту-генетику инициатором.

Стоит также отметить проблему установления наличия того или иного биологического материала (крови, слюны, эпителия) на предполагаемых предметах-носителях в процессе осуществления экспертного исследования, необходимость которой предусмотрена методическими рекомендациями ЭКЦ МВД России, без учета ситуационной составляющей расследуемых событий [8, с. 46]. Такой «усредненный» подход, с нашей точки зрения не всегда актуален, а нередко губителен, особенно в случаях исследования вещественных доказательств, потенциальных носителей биологической информации, заведомо подвергавшихся действиям связанным с механическим целенаправленным уничтожением преступником своих следов (застирывание, замывание и т. д.), или в случаях проведения повторных экспертиз, когда большая часть биологического информационного ресурса уже израсходована в ходе первоначального исследования, а следовые количества целесообразнее в полном объёме использовать для экстракции (выделения) ДНК, пропуская этап установления наличия того или иного биологического компонента. То же касается исследования объектов биологического происхождения при расследовании преступлений прошлых лет, когда временной фактор «работает» не в «нашу пользу».

В этой связи в целях достижения максимально результативного исхода к криминалистическому исследованию ДНК как важного информационного ресурса стоит, в первую очередь, ориентироваться на ситуационный критерий каждого конкретного экспертного анализа, акцентируя внимание на комплексную оценку совокупности качественно-количественных критериев выделенной нуклеиновой кислоты в целях построения грамотного алгоритма действий эксперта, решая идентификационные задачи раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. Морозов А. П. Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2. С. 219–223.
2. Молекула жизни: как ДНК стала «царицей биологии» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20140201/992446630.html>.
3. 3 сентября 1984 года открыта индивидуальность ДНК // Инфоцентр AfterShock. URL: <https://aftershock.news/?q=node/255232&full>.

4. Кудряшов Д. А. Теория и практика комплексной судебной экспертизы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2018.
5. Тологон уулу Нурсултан, Егерова О. А. Актуальные проблемы медико-генетической экспертизы при раскрытии и расследовании идентичности человека // Молодой ученый. 2019. № 28 (266). С. 152–154.
6. Кокин А. В. О признании пригодности следа для идентификации в судебной баллистике // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 101–103.
7. Аникеев О. Е. Биологические следы двух и более лиц: генетический аспект // Судебные экспертизы в уголовном процессе : сборник научных трудов. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023.
8. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина. Ч. 2. М. : Экспертно-криминалистический центр МВД России, 2010.
9. Майлис Н. П. Проблемы совершенствования научных и методических основ ситуалогической экспертизы // Перспективы совершенствования судебно-медицинской экспертизы огнестрельной и взрывной травмы : сборник научных трудов / под общ. ред. доктора медицинских наук А. В. Ковалева. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 170.

*Ле Суан Хоанг¹,
адъюнкт кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КРАТКИХ ЗАПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ НА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛАТИНИЦЕ

В Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) судебно-экспертная деятельность является одним из важнейших инструментов, обеспечивающих объективность и точность при проведении предварительного расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства по уголовным и иным делам [1, с. 20]. В последние годы Правительство Социалистической Республики Вьетнам придает особое значение всестороннему развитию данной деятельности – от совершенствования нормативной правовой базы и разработки теоретического базиса до инвестирования в современную материально-техническую базу и модернизации – с целью повышения эффективности борьбы с преступностью и укрепления системы правосудия.

Ярким свидетельством этого стали такие документы, как распоряжение Премьер-министра Социалистической Республики Вьетнам от 25 октября 2010 г. № 1958/СТ-ТТг «О неотложных мерах по повышению потенциала и эффективности судебно-экспертной деятельности» и решение от 11 февраля 2010 г. № 258/QD-ТТг, утвердившее проект «Реформирование и повышение эффективности судебно-экспертной деятельности». Эти акты четко обозначили стратегическое направление государственной политики, направленной на модернизацию и профессионализацию кадров судебных экспертов, а также создание межотраслевой системы экспертных учреждений, отвечающей современным требованиям судебной практики.

В системе родов криминалистических экспертиз судебно-почерковедческая экспертиза занимает особое место, поскольку является одним из наиболее востребованных видов исследований, особенно в делах, связанных с экономическими преступлениями, коррупцией, контрабандой, подделкой документов и мошенничеством. По статистике Экспертно-криминалистического института Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, количество почерковедческих экспертиз имеет выраженную тенденцию к росту: в 2021–2022 гг. было проведено 30 977 экспертиз, а в 2023–2024 гг. – уже 36 729.

¹ © Ле Суан Хоанг, 2025.

В настоящее время в СРВ судебно-почерковедческая экспертиза проводится в отношении трех категорий объектов:

- 1) рукописных текстов, выполненных на вьетнамской латинице;
- 2) подписей;
- 3) кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице.

Анализ вьетнамских научно-практических работ в области судебного почерковедения показывает, что система теоретических, методических и организационно-тактических положений судебно-почерковедческой экспертизы в отношении первых двух категорий объектов разработана достаточно полно, что обеспечивает высокий уровень объективности и достоверности экспертных заключений. Однако судебно-почерковедческая экспертиза кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, остается малоизученной. Особенно это касается организационно-правовых аспектов взаимодействия субъектов экспертизы и стандартизации экспертных процедур с учетом особенностей объектов рассматриваемого вида.

Эти обстоятельства обуславливают необходимость проведения углубленных исследований организационно-правовых проблем взаимодействия субъектов судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, с целью дальнейшего развития теоретических и практических основ судебно-экспертной деятельности в СРВ, соответствующих требованиям судебной реформы на современном этапе.

Следует отметить, что к субъектам судебной экспертизы относятся компетентные органы и лица, осуществляющие полномочия по назначению, организации, обеспечению и непосредственному производству экспертизы. Исходя из этого, субъектами судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, являются компетентные органы и лица, ведущие производство по уголовным и иным делам и назначающие экспертизу, руководители судебно-экспертных учреждений и эксперты-почерковеды. Взаимодействие между ними при исполнении их полномочий в многом определяет результативность раскрытия и расследования преступлений. Так, на этапе назначения экспертизы при отсутствии участия специалиста (эксперта-почерковеда) следователь может неправильно сформулировать вопросы, поставленные перед экспертом, либо недостаточно отобрать сравнительные материалы, что может привести к затягиванию сроков предварительного расследования.

Отмечается, что особое значение в этом процессе имеет принятие в январе 2025 г. совместного циркуляра № 01/2025/ТТЛТ-ВСА-ВQP-ВТР-ВNN&РТНТ-ВТС-ВКСНДТС-ТАНДТС, подписанного Министерством общественной безопасности, Министерством национальной обороны, Министерством юстиции, Министерством сельского хозяйства и развития сельских районов, Министерством финансов, Верховной народной прокуратурой и Верховным народным судом. Этот подзаконный акт, озаглавленный «О порядке взаимодействия в судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве», стал первым нормативным документом, детально регламентирующим принципы, формы и от-

ветственность взаимодействия между всеми субъектами, участвующими в судебно-экспертной деятельности – от органов и лиц, назначающих экспертизу, до руководителей экспертных учреждений и непосредственных исполнителей-экспертов.

Циркуляр создал четкую правовую основу для межведомственного взаимодействия, обеспечивая единство, объективность и эффективность судебно-экспертной деятельности, в том числе судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице. В частности:

– ст. 3 «Принципы взаимодействия» определяет главные принципы: объективность, научность, точность, законность, соблюдение компетенции каждого участника и обеспечение сохранности государственной тайны;

– ст. 4 «Формы информационного взаимодействия» предусматривает обмен информацией в различных формах: личные встречи, бумажные и электронные документы, межведомственные совещания, а также совместные проверки и сверки на местах, что способствует прозрачности и оперативности экспертного процесса;

– ст. 5 «Рассмотрение и принятие решения о назначении экспертизы» устанавливает правовые основания и условия назначения экспертизы, предотвращая случаи необоснованных или чрезмерных обращений;

– ст. 6 «Взаимодействие при назначении экспертизы» определяет обязанности сторон при согласовании содержания, объектов и материалов, направляемых на экспертизу;

– ст. 7 «Взаимодействие при производстве экспертизы» регламентирует ответственность экспертов и экспертных учреждений за сбор, хранение, анализ и оценку образцов, гарантируя целостность доказательственного материала;

– ст. 8 «Взаимодействие при оценке и использовании заключения эксперта» определяет механизмы обмена и оценки доказательственной значимости экспертного заключения на стадиях предварительного расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства по уголовным делам.

Таким образом, совместный циркуляр № 01/2025 представляет собой важный этап совершенствования законодательства о судебно-экспертной деятельности во СРВ. Он способствует стандартизации взаимодействия между органами уголовного судопроизводства и экспертными учреждениями, создавая правовые условия для эффективной организации и проведения почерковедческих экспертиз, особенно экспертиз кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, которые требуют тесного, своевременного и согласованного взаимодействия всех участников процесса.

Несмотря на наличие указанной правовой базы, изучение вьетнамских научных исследований показывает, что до настоящего времени разработаны лишь общие организационно-тактические положения судебно-почерковедческой экспертизы, в том числе касающиеся взаимодействия субъектов при назначении, организации производства экспертизы, оценке и использовании заключений экспертов в раскрытии и расследовании преступлений [2, с. 117–142]. Специальные

положения, адаптированные к экспертизе кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, пока остаются недостаточно разработанным, несмотря на их высокую практическую значимость.

Исходя из изложенного можно заключить, что повышение эффективности взаимодействия субъектов судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, возможно прежде всего через разработку, на основе национального законодательства, научно обоснованного теоретического базиса данного направления, оформленного в форме практических рекомендаций.

Это, в свою очередь, позволяет обозначить для нашего дальнейшего исследования задачи по разработке следующих рекомендаций:

- по совершенствованию взаимодействия между следственными, судебными органами и экспертными учреждениями при назначении судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице;
- повышению эффективности взаимодействия руководителями экспертных учреждений, экспертами и должностными лицами, назначившими экспертизу, при организации и обеспечении производства экспертизы;
- взаимодействию между экспертами и должностными лицами, ведущими производство по делу, при оценке и использовании заключения эксперта в раскрытии и расследовании преступлений.

Список литературы

1. Ngô Sĩ Hiền. Kỹ thuật hình sự: tập 10 Tổng tập lý luận nghiệp vụ cảnh sát / Ngô Sĩ Hiền, Lê Danh Cường, Hoàng Trọng Lực; Học viện Cảnh sát nhân dân. Hà Nội : NXB. CAND, 2019. 1197 tr. // Нго Ши Хиен. Криминалистическая техника : Т. 10 : сборник теоретических и практических основ деятельности полиции / Нго Си Хьен, Ле Зань Кыонг, Хоанг Чонг Лык ; Академия народной полиции. Ханой : Издательство МОБ, 2019.

2. Чан Ван Мань. Современное состояние и перспективы развития судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы в Социалистической Республике Вьетнам: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. М., 2023.

Максимов А. Г.¹,
*преподаватель Криминалистики и специальной техники
Центра профессиональной подготовки
имени Героя России майора милиции В.А. Тинькова
ГУ МВД России по Московской области*

УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Условия успешного производства осмотра места происшествия складываются из ряда предпосылок, которые не замыкаются на компетентности одного участника и не исчерпываются наличием оборудования. Наиболее продуктивно рассматривать их как систему, где правовая определенность создает рамки, организационная готовность обеспечивает ресурсную подпитку, тактика направляет внимание на существенные элементы следовой картины, техника расширяет чувствительность и точность восприятия, а человеческий фактор, включающий стрессоустойчивость и наблюдательность, связывает все компоненты в единое целое. Отправной точкой выступает правовая основа, задающая допустимость, пределы и порядок проведения осмотра. Когда участники уверены в законности своих действий, снижается вероятность процессуальных дефектов, способных дискредитировать собранный материал. Законность порождает дисциплину документирования, стремление поддерживать непрерывность цепочки хранения и внимательность к правам лиц, присутствующих на месте происшествия, что в свою очередь уменьшает конфликтность и освобождает когнитивный ресурс для анализа обстановки.

Временной фактор неизменно влияет на успех. Чем меньше интервал между событием и началом осмотра, тем богаче следовая картина и тем ниже риск искажения. Летучие и быстро деградирующие следы – запаховые, термические, влажностные, микрочастицы поверхностного расположения – исчезают первыми, затем под действием людей, погоды, транспорта и бытовых процессов меняется конфигурация предметов и микрорельеф. Поэтому оперативное прибытие и немедленная организация охраны периметра столь же значимы, как и последующие изолированные методики фиксации. Срочность, однако, не может подменять осмотрительность: поспешность в движении, необдуманные перемещения и небрежное касание предметов приводит к разрушению структуры следов и вторичному нанесению чужеродных частиц [1, с. 6]. Этим обусловлена важность баланса между оперативностью и сдержанностью, который достигается заранее отработанными маршрутами осмотра, привычкой к работе в защитных средствах и устойчивыми алгоритмами поведения в типичных сценариях.

Организационная подготовка проявляется уже в момент прибытия. Четкое разграничение функциональных ролей, лаконичная связь и единый канал управ-

¹ © Максимов А. Г., 2025.

ления позволяют минимизировать хаотичность и избыточные перемещения. Эффективная связка следователя, криминалиста-специалиста, понятых, сотрудников охраны места происшествия и, при необходимости, представителей экстренных служб формирует целенаправленный поток действий: постановка задач, первичная визуальная разведка, оценка рисков, выбор средств фиксации, определение очередности работы с зонами и объектами. В ходе взаимодействия особенно важна способность корректно интегрировать информацию от независимых участников – медицинских работников, пожарных, очевидцев, – и одновременно экранировать место происшествия от несанкционированного доступа и информационного давления. В этом помогают простые, но критичные элементы: журналы входа-выхода, визуальная маркировка коридоров прохода, выделенные площадки для хранения и временной упаковки, а также назначение ответственного за учет перемещений [2, с. 210].

Тактическая сторона осмотра требует постоянно удерживать картину места как иерархию зон интереса, каждая из которых имеет собственную уязвимость к вмешательству и собственный доказательственный потенциал. Общая визуальная фиксация предшествует частной, а наблюдение предшествует манипуляции. Описание обстановки и фото-видео фиксация в неизменном виде создают базовый пласт доказательной информации, на который наслаиваются результаты детального поиска и изъятия. Важно уметь распознавать центры событийной активности и ложные очаги, отличать первичные следы от вторичных, понимать направление перемещений и характер взаимодействий. Внимание концентрируется на узлах пересечения траекторий, на границах сред и на контрастах материалов, где чаще всего аккумулируются частицы, следы обуви и транспортных средств, следы рук и биологические объекты. Умение читать негативные признаки, например отсутствующие следы там, где они ожидаемы, – столь же значимо, как и фиксация наличных [3, с. 55].

Техническое обеспечение расширяет возможности человеческого зрения и памяти. Цифровая фотосъемка высокой четкости с управляемой глубиной резкости, панорамная и сферическая съемка для сохранения контекста, масштабные рейки и цветовые эталоны для калибровки, лазерные рулетки и 3D-сканеры для метрического моделирования пространства создают надежный фундамент последующего анализа. Фотограмметрические модели позволяют реконструировать положение объектов, углы обзора и траектории без повторного вмешательства на месте, а это снижает риск потерь и ошибок. Портативные источники косоугольного и поляризованного освещения повышают выявляемость слабоконтрастных следов на гладких поверхностях, а светофильтры и альтернативные спектры помогают в обнаружении латентных следов рук, биологических загрязнений и следов окрашивания. Средства первичной химической индикации и экспресс-тесты при осторожном применении дают ориентир для приоритизации объектов, однако любые вмешательства, потенциально меняющие свойства следов, оправданы лишь после исчерпывающей фиксации их первоначального состояния.

Соблюдение чистоты методики начинается с культуры обращения: защитная одежда, бахилы, перчатки и маски не являются формальностью, а служат барьером от внесения посторонних следов. Разумное ограничение числа участников и минимизация пересечений маршрутов внутри периметра снижают вероятность перекрестной контаминации. Каждое касание должно быть мотивировано, а каждое перемещение – отмечено. Простейшие технические приемы, такие как использование одноразовых пинцетов для разных объектов, смена перчаток при переходе между зонами, размещение чистых и использованных инструментов на разных поверхностях, существенно повышают достоверность результата. В отношении биологических объектов даже непродолжительное пребывание на неподходящей температуре или воздействие прямого света способно ухудшить свойства материала; следовательно, упаковка, маркировка и транспортировка продумываются заранее и осуществляются без пауз, с фиксацией времени и условий.

Документирование не сводится к описанию на словах. Текст, изображения, схемы и метрические данные образуют взаимодополняющий комплекс, где каждая запись проверяет и раскрывает другую. Ясность, наблюдаемость и проверяемость – три свойства, делающие протокол жизнеспособным. Ясность выражается в логике повествования и однозначности терминов, наблюдаемость в возможности соотнести текст с конкретным фрагментом визуальной фиксации или координатой на схеме, проверяемость – в наличии реквизитов, позволяющих восстановить процесс, средства и параметры съемки. Современные цифровые средства облегчают внедрение дополнительных слоев достоверности, включая контрольные хэши файлов, метаданные об устройстве и настройках, GPS-привязку и временные метки от эталонного источника. Непрерывность цепочки хранения поддерживается пронумерованными и подписанными упаковками, регистрационными формами на каждый объект и прослеживаемостью всех передач между ответственными лицами. Любая лакуна в этой последовательности потенциально снижает доказательственную ценность, поэтому формальные детали приобретают материальное значение.

Взаимодействие со специалистами обогащает тактическую перспективу. Криминалист-техник помогает выбрать последовательность фиксации и методы обработки следов, биолог или медик – уточнять условия отбора проб и интерпретировать видимые изменения тканей, специалист по цифровым следам – своевременно изолировать устройства и среду, чтобы предотвратить удаление данных и сетевое воздействие. Важно избегать подмены ролей: экспертные суждения не должны ретроспективно конструировать в протоколе новые обстоятельства, а следователь не должен приписывать обнаруженным следам значения, выходящие за пределы непосредственного восприятия. Успех достигается тогда, когда наблюдение, описание и извлечение отделены от интерпретаций, а все гипотезы, возникающие по ходу осмотра, фиксируются как версии, требующие проверки, а не как установленный факт [4, с. 292].

Погодные и средовые факторы подчас формируют особые вызовы. Осадки и ветер ускоряют разрушение микрочастиц и смывание следов на открытой местности, низкие температуры меняют поведение жидкостей и пластичных материалов, высокая влажность способствует плесневению и коррозии. Внутри помещений кондиционирование, бытовая пыль и систематическая уборка способны трансформировать следовую картину быстрее, чем ожидается. Тактическая подготовка в таких условиях предполагает наличие укрывных материалов, мобильных источников света и тенто-решений, позволяющих стабилизировать зону фиксации, а также сформированную привычку начинать с наиболее уязвимых к деградации следов. Иногда оптимальной становится стратегия «сначала фиксируй, потом анализируй», когда первичная съемка проводится максимально быстро и полно, а детальные манипуляции переносятся на момент, когда окружающая среда под контролем.

Когнитивная составляющая осмотра редко осознается как самостоятельное условие успеха, хотя именно она определяет, какие признаки будут замечены, а какие останутся вне зоны внимания. Усталость, эффект подтверждения, навязанные версии и групповая динамика способны направлять взгляд по накатанной колее и пропускать атипичные детали. Противодействие этим ошибкам строится на дисциплине наблюдения, мысленной проверке альтернативных объяснений и ротации задач внутри группы, когда новыми глазами просматриваются уже обследованные зоны. Полезной практикой является ведение полевого журнала, где фиксируются не только результаты, но и принятые решения с их основаниями, в том числе отказ от определенных действий; последующая рефлексия по горячим следам превращает единичный опыт в организационное знание.

Современная цифровая среда расширяет поле осмотра за пределы физического периметра. Камеры наблюдения, данные из сетей мобильной связи, навигационные треки и локальная цифровая инфраструктура формируют еще один слой следовой информации, который подвержен быстрому изменению и удалению. Успех в таких ситуациях зависит от ранней изоляции устройств и сетей, от запрета на случайные включения экранов и попытки просмотреть содержимое без снятия копий по устойчивым методикам, а также от своевременного направления запросов провайдером, когда окна хранения ограничены. Согласование действий в физической и цифровой плоскостях позволяет избежать логических разрывов и укрепляет общую картину события.

В конечном счете устойчивый успех осмотра опирается на подготовку и пост-контроль. Регулярные тренировки на учебных полигонах, моделирование различных сценариев, отработка взаимодействия и связи, разбор реальных кейсов с фиксацией типовых ошибок и способов их нейтрализации создают запас прочности, который проявляется в непредвиденных обстоятельствах. Стандарты и чек-листы, когда они применяются гибко и осмысленно, снижают нагрузку на память и высвобождают внимание для сложных задач распознавания. После завершения осмотра грамотное оформление результатов и оперативная передача

материалов на последующие исследования замыкают цикл и повышают шансы на подтверждение выдвинутых версий.

Таким образом, условия успешного производства осмотра места происшествия представляют собой многоуровневую систему, где каждый элемент усиливает другой. Законность создает рамки надежности, организационная готовность обеспечивает управляемость и ресурс, тактика направляет взгляд и действие, техника повышает чувствительность и точность, культура чистоты и документирования дает доказательственную устойчивость, а когнитивная осознанность защищает от ошибок восприятия и интерпретации. Практическая реализация этой системы требует не только оснащения и регламентов, но и профессиональной культуры, в которой качество осмотра воспринимается как коллективная ответственность и как центральная ценность расследования. Только при таком интегральном подходе осмотр выполняет свою функцию максимально полно, превращая уязвимую и изменчивую следовую картину в надежный массив доказательственной информации.

Список литературы

1. Александров И. В. Криминалистика: тактика и методика : учебник для среднего профессионального образования. М. : Юрайт, 2021.
2. Кисленко С. Л. Принцип полноты осмотра места происшествия: содержание и проблемы практической реализации // Российский следователь. 2024. № 7. С. 6–12.
3. Осмотр места происшествия : учебное пособие / [С. В. Владимиров и др.]. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2020.
4. Топильская А. О. Этапы проведения осмотра места происшествия // Молодой ученый. 2024. № 40 (539). С. 292–294.

Михалева Н. В.¹,
главный научный сотрудник отдела
научно-методического обеспечения и аспирантуры
ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова
при Минюсте России,
доцент кафедры судебной экспертологии
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЭКСПЕРТНЫХ КАДРОВ

Вопросы совершенствования подготовки экспертных кадров продолжают оставаться актуальными, поскольку данный процесс идет постоянно, возникают новые проблемы, изменяется ситуация. И необходимо подстраивать процесс подготовки экспертных кадров под новые условия.

Как отмечала Н. П. Майлис в своей статье, исходя из сущности судебной экспертизы, являющейся специфической профессиональной деятельностью, обучение экспертов имеет свои особенности [1, с. 13].

Например, в судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России) определенное время назад наметилась ситуация, когда для получения дополнительного профессионального образования (ДПО) в форме профессиональной переподготовки на обучение направлялись лица с совершенно разным уровнем знаний, умений и навыков.

Это были выпускники вузов, как имеющие высшее судебно-экспертное образование, так и не имеющие его; действующие эксперты – работники СЭУ Минюста России, имеющие право самостоятельного производства судебной экспертизы по другой экспертной специальности; эксперты, имеющие опыт работы по соответствующей экспертной специальности, перешедшие на работу из СЭУ других государственных ведомств.

Все они первоначально проходили профессиональную переподготовку по одному учебному плану, который предусматривал одинаковое количество учебных часов для всех обучающихся.

Позднее была осознана необходимость формирования как обычных, так и сокращенных учебных планов по всем экспертным специальностям для экспертов, имеющих опыт работы по соответствующей экспертной специальности и перешедших на работу из СЭУ других государственных ведомств, а также некоторых других лиц. Это было сделано в 2023 г.

Кроме того, в Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ) стали поступать запросы о прохождении ДПО от СЭУ других ведомств и СЭУ других государств. Поскольку такая

¹ © Михалева Н. В., 2025.

деятельность предусмотрена п. 13 Устава РФЦСЭ, утвержденного приказом Минюста России от 4 июня 2024 г. № 177, она проводилась, но в ранее действовавшем Порядке получения ДПО работниками федеральных бюджетных СЭУ Минюста России [4] она не была предусмотрена.

В 2025 г. был предпринят следующий шаг к дифференциации учебных планов. Приказом Минюста России от 1 сентября 2025 г. № 219 утвержден новый Порядок получения ДПО по экспертной специальности (далее – Порядок получения ДПО), который установил правила получения ДПО по конкретным экспертным специальностям работниками федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, а также работниками судебно-экспертных учреждений (служб) иных организаций, в том числе зарубежных стран (п. 1).

Согласно п. 2 Порядка получения ДПО в систему обучения будут вводиться дифференцированные учебные планы для обучающихся с разным уровнем профессиональных компетенций. Кроме того, обучение будет проводиться в очной, очно-заочной и заочной формах.

При этом будет использоваться дифференцированный подход к составлению учебных планов для разных категорий обучающихся с учетом уровня их профессиональных компетенций, высшего образования, наличия специализации высшего судебно-экспертного образования, опыта экспертной работы в СЭУ Минюста России или иных организациях (п. 3 Порядка).

Выделены следующие категории обучающихся:

- стажер-исследователь без опыта экспертной работы;
- стажер-исследователь, имеющий определенную специализацию в рамках высшего судебно-экспертного образования;
- государственный судебный эксперт СЭУ Минюста России с опытом экспертной работы по другой экспертной специальности;
- государственный судебный эксперт СЭУ Минюста России, аттестованный перед назначением на должность с учетом действующей аттестации по аналогичной экспертной специальности по прежнему месту работы.

Как будет реализовываться данный Порядок получения ДПО и какие результаты он принесет, покажет время. Но в любом случае можно констатировать, что идет приспособление, подстройка процесса подготовки экспертных кадров к современным реалиям.

Хотелось бы отметить еще один аспект подготовки экспертных кадров. По словам Н. П. Майлис, совершенствование судебно-экспертной деятельности состоит и в предупреждении экспертных ошибок [1, с. 13].

В связи с этим важной темой, необходимой для изучения как стажерами-исследователями, должна быть тема экспертных ошибок.

В ходе подготовки экспертных кадров в РФЦСЭ данная тема изучается в рамках первого модуля «Основы судебной экспертологии» дополнительных образовательных программ профессиональной переподготовки по конкретным экспертным специальностям [2, с. 27, 29], а также в рамках следующих модулей, посвященных конкретным вопросам той или иной судебной экспертизы.

Одной из особенностей изучения темы экспертных ошибок в рамках модуля «Основы судебной экспертологии» является изучение не только самих ошибок, но и рассмотрения модели профилактических действий/мероприятий в отношении экспертных ошибок.

Актуальность этого вопроса состоит в том, что вред от ошибки легче предотвратить или минимизировать, чем исправлять целую цепь негативных последствий от ее совершения. И в этом направлении ценным приобретением для деятельности судебно-экспертной лаборатории является система менеджмента [3, с. 344].

Система менеджмента судебно-экспертной деятельности (СМ СЭД) основана на ГОСТ ISO/IEC 17025 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий», который предусматривает требования к помещениям, средствам измерения, приборной базе, имеющимся и разрабатываемым методикам, контролю за поддержанием СМ СЭД.

В связи с этим СМ СЭД представляется эффективным механизмом, который содержит систему профилактических мер. Эти меры направлены на создание условий организационного и нормативно-правового характера для предотвращения экспертных ошибок, прежде всего деятельностных (операционных) ошибок.

Полагаем, что рассмотрение и более подробное изучение данных вопросов в рамках программ профессиональной переподготовки по экспертным специальностям окажет большую пользу начинающему эксперту в его дальнейшей деятельности.

Список литературы

1. Майлис Н. П. Совершенствование судебно-экспертной и дидактической деятельности с использованием инновационных технологий // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 2. С. 12–15.
2. Михалева Н. В. Основы судебной экспертологии как фундамент для обучения государственных судебных экспертов СЭУ Минюста России по экспертным специальностям // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 2. С. 26–30.
3. Основы судебной экспертологии : учебно-методическое пособие. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023.
4. Приказ Минюста России от 12 ноября 2019 г. № 258 «Об утверждении Порядка получения дополнительного профессионального образования работниками федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» (ред. от 19.12.2022) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru>.

Мыскина К. М.¹,

старший преподаватель кафедры судебных экспертиз

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

ЭТИКА СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В АСПЕКТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК

Этику судебного эксперта можно рассматривать в нескольких аспектах, в том числе как область науки или даже учебную дисциплину. Однако в рамках наиболее практико-ориентированного подхода мы предлагаем понимать ее как «систему этических норм, регулирующих все сферы профессиональной деятельности судебного эксперта, а также складывающиеся в ходе этой деятельности взаимоотношения эксперта с субъектом назначения экспертизы, участниками процесса, другими экспертами, руководителем экспертного учреждения» [1, с. 31].

Комплекс прав и обязанностей судебного эксперта зафиксирован в процессуальных кодексах, а также в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Перечень закрепленный в этих нормативных правовых актах, является базовым, что, в общем, соответствует принципам юридической техники и назначению федерального закона. Однако в своей деятельности судебный эксперт сталкивается со множеством ситуаций, решение которых требует скорее этического, нежели нормативного регулирования. Обладание определенными моральными качествами, а также готовность придерживаться нормативов профессиональной этики, является, на наш взгляд, необходимой чертой судебного эксперта. Это утверждение в целом справедливо для профессий, которые имеют высокое общественное значение. Судебный эксперт, безусловно, одна из таких.

В отличие от таких юридических специальностей, как судьи, адвокаты, нотариусы, для судебных экспертов на настоящий момент не создан кодекс этики, который носил бы обязательный характер для всех представителей экспертного сообщества. Исключение составляют локальные нормативные акты, например, Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации. Однако подобные документы ориентированы исключительно на сотрудников конкретного ведомства.

Поэтому тематика судебно-экспертной этики на данный момент освещается по большей части научным сообществом.

Надежда Павловна Майлис внесла огромный вклад в разработку ключевых принципов экспертной этики, этических норм, которых следует придерживаться эксперту в различных ситуациях, а также правил служебного этикета судебного эксперта.

¹ © Мыскина К. М., 2025.

Среди основных экспертных принципов она называет в первую очередь законность, принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность. Более того, Надежда Павловна дает обозначенным категория определения. Так, например, под принципом объективности она понимает обязанность эксперта установить истину при решении поставленной следователем (судом) задачи, а принципиальность эксперта выражается в независимости его суждений [2, с. 163]. Основываясь в том числе на трудах Н. П. Майлис, мы расширили данный список и дополнили его следующими принципами: независимость, честность, научная добросовестность, корректность поведения, соблюдение конфиденциальности информации, компетентность.

Н. П. Майлис особо подчеркивает, что эксперт должен следовать этическим принципам на каждом этапе своей работы, начиная с предварительного ознакомления с материалами до потенциального участия в судебном заседании или допроса у следователя [3, с. 91–92].

Нам представляется, что строгое соблюдение перечисленных принципов является также и дополнительным механизмом, который способен уберечь эксперта от экспертных ошибок.

В теории судебной экспертизы выделяются три их категории:

- ошибки процессуального характера;
- гносеологические ошибки;
- деятельностные (операционные) ошибки [4, с. 294–295].

Ошибки гносеологического характера, связанные с познавательным процессом, деятельностные ошибки, которые заключаются в неправильном следовании методическим рекомендациям или же некорректном использовании технического оборудования, возникают в тех ситуациях, когда эксперт нарушает принцип научной добросовестности. Подобные нарушения могут проявиться, например, в использовании неапробированных или устаревших методик, поскольку упомянутый принцип означает не только необходимость основывать выводы на научно обоснованных данных, но и следить за обновлением и совершенствованием методик и разработок в соответствующей области.

К сожалению, в практике иногда встречаются случаи, когда эксперт намеренно поступает с принципом научной добросовестности, желая получить «удобный» вывод. Например, игнорирует данные, которые содержатся в апробированной методической литературе, или же, например, ссылается на неавторитетные, не имеющие необходимой доказательственной базы источники.

Периодически в судебных заседаниях встает вопрос об отводе эксперта ввиду его некомпетентности. К сожалению, в ряде случаев подобное требование действительно обосновано, так как эксперт не является сведущим той области знания, которая требуется для решения вопроса. Следуя нормам профессиональной этики, эксперт еще на этапе получения запроса о возможности производства исследования должен отказаться от него, если его знания в этой сфере не являются

достаточными. Если же эксперт получает в работу материалы без предварительного представления информационного письма, в аналогичной ситуации ему следует, не затягивая процессуальные сроки, заявить самоотвод.

Н. П. Майлис отмечает, что причиной экспертных ошибок зачастую становится давление, которое оказывается на эксперта судом или следователем [3, с. 92]. Согласно ст. 197 УПК РФ следователь вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. Однако данная коммуникация в некоторых случаях сводится к попыткам следователя дать советы, заставить эксперта использовать определенный метод или прийти к «желаемому» результату. Речь, например, может идти также о степени категоричности вывода эксперта. И суд, и следствие предпочитают получать ответы на поставленные вопросы в категорической форме, в то время как вероятные выводы зачастую не устраивают правоприменителя. Опытные, уверенные в своих знаниях и компетентности эксперты способны противостоять подобному давлению, однако это не всегда удается молодым экспертам, пока не имеющим достаточно практики и не умеющим справляться с аналогичными ситуациями. Именно в этих случаях этические принципы становятся для эксперта надежной опорой, их соблюдение способно помочь эксперту сохранить твердость и изложить в своем заключении объективную истину.

Взаимоотношения в экспертном коллективе также должны строиться на принципах судебно-экспертной этики. В качестве причины экспертной ошибки, вызванной субъективными факторами, Н. П. Майлис приводит в пример ситуацию, когда на эксперта влияет мнение старших, более опытных коллег или руководителя экспертного учреждения [5, с. 132]. Подобных ошибок эксперт может избежать, следуя принципам самостоятельности суждений и независимости.

Несмотря на потенциально конфликтные ситуации, от возникновения которых никто не застрахован, эксперту следует проявлять корректность в общении. Она выражается в вежливости, тактичности, умении корректно выражать свою точку зрения. Это касается отношений с коллегами, с членами экспертной комиссии, с руководством и, конечно же, ситуаций общения с судом и следствием. Этикет судебного эксперта – это еще одна тема, в которую Н. П. Майлис внесла большой вклад. Этикет эксперта, по мнению Надежды Павловны, включает в себя в том числе нормы неофициальных отношений, основы которых составляют вежливость, тактичность, деликатность, точность и обязательность [6, с. 30]. Его соблюдение является важным элементом профессиональной этики.

Таким образом, этические нормы реализуются экспертом в его ежедневной деятельности. Они не только позволяют эксперту сделать верный моральный выбор в неурегулированных законом ситуациях, но и в некоторых случаях предотвращают совершение им ошибок.

Список литературы

1. Мыскина К. М. Судебно-экспертная этика: теоретические, правовые и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2022.
2. Майлис Н. П. Этические нормы в экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 162–165.
3. Майлис Н. П. Этика поведения следователя и эксперта при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 91–95.
4. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2017.
5. Майлис Н. П. Психологические особенности в судебно-экспертной деятельности и пути решения имеющихся проблем // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 129–133.
6. Майлис Н. П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 1 (4). С. 28–32.

Неретина Н. С.¹,

доцент кафедры судебных экспертиз

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз

по учебно-методической работе

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ И ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК

При осуществлении правосудия для установления фактических данных и обстоятельств, имеющих значение для дела, часто возникает потребность в проведении специальных исследований. Однако при назначении, производстве и оценке судебных экспертиз нередко возникают ошибки и упущения.

Подходы к определению сути следственных и экспертных ошибок в настоящий момент достаточно разработаны в юридической науке.

Под следственными ошибками понимается непреднамеренное нарушение следователем требований правовых норм и криминалистических правил при проверке сообщений о преступлениях и производстве предварительного расследования. Следственные ошибки выявляются при осуществлении процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного разбирательства [1, с. 9].

Под экспертной ошибкой понимается не соответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения [2, с. 285]. Добросовестное заблуждение позволяет отличить ошибку эксперта от преступления против правосудия, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

Обобщая выявленные подходы, следует отметить, что субъект, допустивший ошибку, исходит из того, что в известной ситуации он действовал добросовестно, соблюдая интересы закона, его действия не могли нанести вред.

Рассматривая процесс назначения судебных экспертиз и процесс их производства, можем заметить следующее: экспертные ошибки нельзя рассматривать в отрыве от следственных, поскольку они часто взаимосвязаны между собой: следственные ошибки влекут за собой экспертные, и наоборот.

Довольно большое количество экспертных ошибок, как свидетельствует обобщение экспертной практики, возникает из-за ошибок правоприменителей, их небрежного или недобросовестного отношения к своим обязанностям.

Ошибки правоприменителей, неудовлетворительная работа следователя, связана, в первую очередь, с назначением судебных экспертиз из-за низкого уровня профессионализма, проявляющегося не только в недостатке осведомленности о сроках и возможностях судебных экспертиз, но также и требований к материалам, предоставляемым на экспертизу.

¹ © Неретина Н. С., 2025.

Как указывают Ю. В. Голик и О. В. Орлова, «Ошибка возникает на стыке трех «величин»: человека, ситуации, решаемой задачи, то есть трех необходимых компонентов ее генезиса. Объясняется это очень просто: ошибиться может только человек, только в определенной жизненной ситуации... и только в процессе решения какой-то задачи» [3, с. 33].

По нашему мнению, правоприменитель при назначении экспертизы решает следующий круг вопросов:

- 1) необходимость и возможность проведения экспертизы;
- 2) определение рода (вида) экспертизы;
- 3) формирование задач экспертизы;
- 4) выбор эксперта, места проведения экспертизы – государственное или негосударственное судебно-экспертное учреждение, частный эксперт;
- 5) перечень объектов и материалов, подлежащих направлению эксперту;
- 6) перечень образцов и проб, необходимых для экспертного исследования, и порядок их изъятия [4, с. 70].

Рассматривая подробнее действия правоприменителей при назначении судебных экспертиз, можем отметить, что следователь может совершать ошибки на любом этапе назначения судебных экспертиз. К примеру, следователем согласно ст. 196 УПК РФ не была назначена обязательная судебная экспертиза.

Анализ следственной практики по назначению ряда экспертиз показывает, что у большинства правоприменителей возникают сложности при разграничении ряда родов и видов судебных экспертиз, непонимание их современных возможностей, приводящих к тому, что экспертизы могут проводиться некомпетентными лицами. Непонимание различий предметов экспертиз при установлении, к примеру, авторства предсмертных записок, назначение лингвистической, вместо автороведческой экспертизы, может привести к невозможности установления значимых фактов по делу, поскольку эксперт не обладает необходимой квалификацией. Это в лучшем случае может привести к потере времени и средств, а в худшем – утрате объектов и сравнительных образцов для экспертного исследования, затруднив в дальнейшем как само производство, так и установление истины по делу.

Выход эксперта за пределы его компетенции представляет собой решение вопросов экспертом, которые относятся к компетенции суда или же вопросов, для ответа которых специальные знания не требуются. Постановка подобных вопросов перед экспертом является следственной ошибкой. Часто сами правоприменители включают в постановление о назначении судебной экспертизы вопросы правового характера, когда эксперту предлагается решить вопросы, связанные с квалификацией деяния, о достоверности показаний свидетелей и потерпевших, о мотивах преступления, моральном вреде и его размере и др.

Ответ эксперта на подобные вопросы представляет собой экспертную ошибку.

В результате неправильного выбора правоприменителем последовательности проведения экспертиз по представленным объектам уничтожаются или изменяются информативные признаки этих объектов. Например, при расследовании

преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ сначала была проведена биологическая экспертиза с целью исследования следов биологического происхождения на ноже, назначенная позже дактилоскопическая экспертиза признала следы пальцев рук на ноже непригодными для идентификации.

К следственным ошибкам следует отнести назначение повторной экспертизы тому же эксперту или той же комиссии экспертов, которыми проводилась первичная экспертиза в нарушении ст. 207 УПК РФ, ст. 20 ФЗ о ГСЭД.

Назначение комплексных экспертиз вместо комплекса экспертиз, нескольких экспертиз по одному и тому же объекту, когда правоприменители не понимают сути комплексной экспертизы, состоящей в одновременном проведении исследований с использованием различных областей знания для формирования общего вывода.

Преставление на исследование объектов, полученных с нарушением требований процессуального законодательства, относят к ошибкам процессуального характера. Например, в ходе расследования по уголовному делу по обвинению в совершении преступления по ч. 4 ст. 111 УК РФ была назначена и проведена судебная молекулярно-генетическая экспертиза с целью установить генетический профиль лица. У подозреваемого были получены образцы буккального эпителия. Однако в материалах дела отсутствует постановление и протокол получения образцов для сравнительного исследования.

К следственным упущениям, приводящим к экспертным ошибкам, относятся недоброкачественность или недостоверность представленных материалов эксперту, их неполнота.

Самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования, согласно ст. 16 ФЗ о ГСЭД, п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе. Это может сделать сам следователь или же, по его поручению, специалист, если для получения образцов для сравнительного исследования необходимы специальные знания.

Однако, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то в порядке ч. 4 ст. 202 УПК РФ эксперт осуществляет это самостоятельно и сведения о производстве указанного действия отражает в своем заключении.

К экспертной ошибке может привести и ситуация, когда правоприменителем отказано в удовлетворении ходатайства эксперта о предоставлении дополнительных материалов, либо же это ходатайство удовлетворено лишь в части. Высок риск экспертной ошибки в том случае, когда следователь недобросовестно и поверхностно подошел к сбору сведений, необходимых для производства судебных экспертиз.

Предоставление эксперту при назначении экспертиз достаточных, проверенных, полноценных с точки зрения информативности исходных материалов правоприменителем является основой исследования. И, обратная ситуация, – не проверенные, недостаточные для проведения исследования материалы являются препятствием к проведению объективного и полного исследования, препятствуют работе эксперта и способствуют экспертным ошибкам.

Как указывают исследователи, сотрудникам судебно-экспертных учреждений необходимо взаимодействовать с правоприменителями, в первую очередь, по вопросам использования различных технических средств и методов для обнаружения, изъятия, фиксации и исследования доказательств, отбора образцов, а также назначения экспертных исследований. «Зная новые технические средства при обнаружении следов на месте преступления, современные подходы в технологии экспертного производства при решении новых экспертных задач, инновационные технологии, следователь (суд) будет правильно оценивать заключение эксперта. Такое взаимодействие будет обогащать процессуальных субъектов как в научном, так и практическом аспектах» [6, с. 144–145].

Предоставление образцов для сравнительного исследования несопоставимых по времени и условиям получения (звукозаписи речи, образцов почерка и пр.) также являются причинами экспертных ошибок, которые сам эксперт исправить не может. Правоприменителям следует не забывать, что образцы для сравнительного исследования должны соответствовать объектам, иметь достоверное происхождение, необходимое количество и надлежащее качество.

К экспертным ошибкам может приводить и неправильное проведение следственных действий, нарушения правоприменителями и специалистами методики сбора и упаковки вещественных доказательств и сравнительных образцов.

Небрежная упаковка и отсутствие опечатывания вещественных доказательств может привести и к их фальсификации. Причинами этого могут быть как профессиональные упущения правоприменителя, дефекты в организации и планировании следственных действий, так и некомпетентность специалиста, выразившаяся в игнорировании правилами пользования технических средств, установленными методическими рекомендациями и др.

Неправильное хранение вещественных доказательств, не обеспечивающих сохранность следов или микрочастиц также может привести к экспертным ошибкам. Продолжительность и условия хранения объектов влияют на их пригодность к дальнейшему исследованию. К этому относится не только соблюдение температурного режима, но и влажности.

Важно также упаковывать и хранить объекты без возможности их соприкосновения, поскольку совместное хранение орудий преступления и объектов со следами взлома может привести к появлению дополнительных следов и повреждению следообразующих поверхностей.

Однако не только правоприменители, но и эксперты допускают ошибки, связанные с получением некачественных образцов для сравнительного исследования.

Основными путями предупреждения экспертных ошибок со стороны следователей является соблюдение порядка назначения судебных экспертиз и предоставление эксперту необходимых материалов в полном объеме, надлежащего количества, качества и достоверного происхождения, критическая оценка заключения эксперта, его сопоставление с другими, собранными по делу доказательствами.

Совершенные экспертом ошибки могут привести к различным последствиям. С одной стороны, связанным с увеличением срока расследования и рассмотрения дела, и значительными затратами по исправлению ошибок, угрозе вынесения незаконного решения, с другой – подрыву доверия к системе правосудия в целом, формированию мнения о некомпетентности как сотрудников правоохранительных органов, так и судейского корпуса.

Как и любое доказательство, суды оценивают заключение эксперта с точки зрения относимости, допустимости, достоверности: проверяя его не только по существу, но и на соответствие процессуальным нормам. Если эксперт нарушает установленные правила в процессе проведения судебных экспертиз, или же дает заведомо ложное экспертное заключение, риск вынесения незаконного судебного акта значительно возрастает.

Ошибки правоприменителей могут приводить к экспертным ошибкам, так и наоборот, ошибки экспертов являются причинами ошибок правоприменителей, но в любом случае это мешает как самому процессу экспертного исследования, так и установлению истины по делу и принятию законного, обоснованного и справедливого решения.

Список литературы

1. Новейшие следственные ошибки : учебное пособие / под ред. Ю. А. Цветкова. М. : Юнити-Дана, 2021.
2. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М. : Юристъ, 1999.
3. Голик Ю. В., Орлова О. В. Теория ошибок: уголовно-правовое и криминологическое значение // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Свердловск, 1989. С. 29–38.
4. Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : монография. М. : Юрлитинформ, 2017.
5. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2012.
6. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2016.

Несмиянова И. О.¹,

*старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Войтова О. Г.²,

*ведущий сотрудник отдела организации
научных исследований управления научных исследований
Экспертно-криминалистического центра МВД России*

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Н. П. МАЙЛИС В РАЗВИТИЕ ТРАСОЛОГИИ И ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Надежда Павловна Майлис родилась 8 июля 1945 г. в с. Романово Ярославской области. Она выдающийся ученый-криминалист, чье имя неразрывно связано со становлением и развитием трасологии и трасологической экспертизы в России. Научные труды профессора Н. П. Майлис, ее практическая и педагогическая деятельность оказывают значительное влияние на формирование и совершенствование данной отрасли криминалистической техники и в целом судебной экспертологии.

Н. П. Майлис прошла долгий путь от начинающего эксперта до выдающегося специалиста в области судебной экспертизы, создав собственную научную школу и внося неопределимый вклад в развитие криминалистики, судебной экспертологии и трасологии [1].

Она внесла значительный вклад в разработку теоретических основ трасологии и трасологической экспертизы. Ее исследования касались следов орудий взлома, транспортных средств, обуви, зубов и других объектов. Особое внимание уделялось исследованию микроследов, что значительно расширило возможности данного вида исследований. В настоящее время профессором рассматриваются вопросы о возможности применения информационных технологий при исследовании объектов трасологических экспертиз.

Неоценим вклад Н. П. Майлис в разработку методических рекомендаций по производству трасологических экспертиз. Под ее руководством созданы и внедрены в практику экспертных учреждений методики исследования следов различных объектов, что позволило повысить эффективность расследования преступлений.

Профессиональный путь Н. П. Майлис начался с получения среднего медицинского образования, а полученное ей юридическое образование стало значитель-

¹ © Несмиянова И. О., 2025.

² © Войтова О. Г., 2025.

ным этапом в ее профессиональном становлении как ученого юриста-криминалиста. В 1979 г. она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Криминалистическая экспертиза следов зубов человека» под научным руководством ученого-трасолога Г. Л. Грановского, в 1992 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук «Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз».

В настоящее время Н. П. Майлис профессор кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Федерального государственного казенного образовательного учреждения «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный профессор Университета правоохранительной службы Монголии, Почетный член Литовского криминалистического общества, член Международного сообщества судебных экспертов, лауреат общенациональной премии «Профессор года» в номинации «Юридические науки».

В настоящий момент Н. П. Майлис является членом диссертационного совета 03.2.006.05 на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Является членом экспертного совета ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

На протяжении многих лет Н. П. Майлис занимается педагогической деятельностью, передает свои знания и опыт молодым специалистам. Ее лекции и семинары пользуются огромной популярностью среди обучающихся и практических работников. Она подготовила целую плеяду талантливых криминалистов, внесших свой вклад в развитие трасологии и экспертной практики.

Н. П. Майлис является руководителем научной школы «Научные основы трасологии: проблемы и инновационные подходы в судебной экспертизе», ее состав насчитывает 27 человек. В ее составе пять докторов юридических наук и 24 кандидата наук; шесть сотрудников имеют звание профессора, семь – доцентов.

Под руководством Н. П. Майлис были подготовлены и защищены три докторские диссертации и 22 кандидатских диссертаций по юридическим наукам (четыре из которых являлись адъюнктами из Монголии и один из Социалистической Республики Вьетнам).

Научные труды Н. П. Майлис получили широкое признание в России и за рубежом. Ее работы переведены на многие языки и используются в качестве учебных пособий и методических рекомендаций.

Профессор Надежда Павловна Майлис – это не просто ученый, это легенда криминалистики, человек, чья работа внесла неоценимый вклад в укрепление законности и правопорядка в нашей стране. Ее научное наследие живет и развивается, служа надежным ориентиром для новых поколений экспертов-трасологов.

Список литературы

1. Россинская Е. Р. Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Н. П. Майлис: к 80-летию ученого, эксперта, педагога // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. № 20 (2). С. 105–110.
2. Майлис Н. П. Моя профессия – судебный эксперт : монография. М. : Щит-М, 2006.

Рыбалкин Н. А.¹,
государственный судебный эксперт
отдела судебных технических экспертиз документов
и почерковедческой экспертизы
ФБУ Тульской ЛСЭ Минюста России,
доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела
Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ

Судебная экспертиза обеспечивает установление объективной истины по делам в судебном процессе. В силу изменений, произошедших в науке и технике за последние годы, значительно повысились требования к эффективности методов, применяемых при производстве данного вида экспертиз. Важнейшей причиной этому послужил переход к цифровым технологиям составления документов, внедрением электронного документооборота и искусственного интеллекта, вследствие этого объекты почерковедческой экспертизы становятся все более малообъемными, а в некоторых случаях на документах содержится лишь одна удостоверяющая подпись. В этих случаях традиционные методики исследования документов в большинстве случаев не дают возможности однозначного решения задач, поставленных перед экспертом, что также отмечалось С. М. Бобовкиным, О. А. Диденко, Р. В. Бондаренко [2].

Согласимся с мнением уважаемой Н. П. Майлис: «Развитие научно-технического прогресса охватило практически все отрасли знаний и особенно велико его значение для криминалистики и судебной экспертизы при разработки технических средств и методов раскрытия, расследования, предотвращения преступлений, а также получения доказательств» [6, с. 143].

Не случайно в XXI в. все больше внимания уделяется созданию экспертных методик, связанных с применением оргтехники [9, с. 9]. В теории судебной экспертизы был восполнен серьезный пробел, который заключается в том, что на диссертационном уровне Н. А. Рыбалкиным была разработана методика комплексного исследования почеркового объекта с целью идентификации исполнителя и установления факта выполнения подписи с использованием технического устройства [8]. Основу методики составляет выявленная система закономерностей отображения признаков технических устройств, которые использованы для получения вторичных почерковых объектов.

Следует отметить, что в последнее время в экспертной практике все чаще встречаются документы, изготовленные с помощью современных технических средств. «Техническое средство – совокупность технических устройств средств

¹ © Рыбалкин Н. А., 2025.

вычислительной техники либо их частей» [3]. К таким устройствам можно отнести плоттер (графопостроитель), 3D-принтер, роботизированную руку, станок с числовым программным управлением (ЧПУ).

Цифровая фальсификация представляет собой исполнение почерковых объектов с помощью современных цифровых устройств. К ним можно отнести сканеры, компьютеры, принтеры, комбинированные устройства, ротоботизированные руки, плоттеры, 3D-принтеры и специальное программное обеспечение, которое может дополняться искусственным интеллектом. Развитие компьютерной техники и компьютерной грамотности сделала эту технологию доступной даже для дилетантов. Сравнительно низкая себестоимость цифровой фальсификации и ее оперативность определяют ее рентабельность и эффективность для фальсификации различного рода документов.

Также необходимо отметить, что исследованию диагностирования признаков выполнения почерковых объектов с помощью технических устройств посвятили свои труды Е. Н. Белова, Н. Ф. Бодров, Р. В. Бондаренко, М. В. Жижина, М. Л. Подкатилина, В. Н. Пронин, П. Г. Лесникова, Т. В. Толстухина, Н. А. Рыбалкин, Н. А. Трушакова, Д. А. Шлыков, И. А. Ярощук, К. В. Гриневич, Д. Kruger и другие ученые. Таким образом, с учетом выхода статей указанных выше авторов, данная проблема уже долгое время является актуальной и требует дальнейшего более глубокого изучения.

Использование при производстве судебной экспертизы компьютерной техники, внедрение математических методов обработки информации и представления результатов позволило сделать очередной шаг в развитии всех без исключения форм использования специальных знаний.

Дальнейшим шагом развития видится использование в судебно-экспертной деятельности искусственного интеллекта [11, с. 224].

Внедрение в какую-либо практику новых средств и методов всегда приводило к спору среди теоретиков и практиков.

В свое время шло осмысление вопроса, может ли эксперт применять в своей работе ЭВМ, если он не знает внутреннего механизма функционирования электронно-вычислительной машины.

Р. М. Ланцман, проанализировав проблемы использования ЭВМ при экспертном исследовании почерка, выразил мнение, что «анализ положительных результатов работы ЭВМ пока не дает возможности выявить конкретные признаки почерка, которыми оперирует машина, выдавая тот или иной ответ» [5, с. 84].

А. И. Винберг пришел к выводу, что «метод черного ящика» позволяет эксперту приходиться к достоверному выводу, так как в других областях наук этот метод давно и широко применяется и его правомерность не подвергается сомнению» [3, с. 76].

Л. Е. Ароцкер связывал возможность использования ЭВМ при исследовании вещественных доказательств с процессом познания судебным экспертом механизма функционирования электронной машины, уяснением принципа распознавания и принятия решения [1, с. 183].

О феномене, связанном с работой компьютерных систем и получившем название «искусственный интеллект», задумались в середине XX в.

В Национальной стратегии (что свидетельствует о серьезности вопроса) развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, отражено, что искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Искусственный интеллект подразделяют на «слабый», «сильный» и «сверхсильный» [4, с. 33].

Слабый (узконаправленный) искусственный интеллект (УИИ) – это программа, которая решает какую-то конкретную задачу в определенной области.

Сильный (общий) искусственный интеллект (ОИИ) – это искусственный интеллект, сопоставимый с интеллектом человека. То есть речь идет о машине, которая способна выполнять любое интеллектуальное действие, присущее человеку.

Сверхсильный (сверхинтеллект) искусственный интеллект (ИСИ) – это интеллект, гораздо превышающий человеческий практически в любой сфере.

В той же тональности искусственный интеллект подразделяется на реактивный (реагирующий), искусственный интеллект с ограничением по памяти, искусственный интеллект с теоретическими основами разума и искусственный интеллект, обладающий самосознанием.

Отметим, что технические достижения последних лет в отношении офисной оргтехники привели к тому, что также и с помощью 3D-принтера, станка с ЧПУ, специального программного обеспечения и технологий искусственного интеллекта возможно выполнить нажимные характеристики почерка, что доставляет дополнительные сложности при исследовании подобного рода объектов, а также появления возможных экспертных ошибок при производстве судебных экспертиз документов.

На наш взгляд, для исследования почерковых объектов, выполненных с использованием современных технических устройств необходимо привлечение экспертов двух специальностей – эксперта-почерковеда и эксперта-техника, так как для выявления подобного рода объектов одним из определяющих признаков является отсутствие градаций нажима при выполнении приводящих и отводящих движений, но повышенную сложность играет тот факт, что данные почерковые реализации являются объектами судебно-технической экспертизы документов, но тем не менее следует выделить, что эксперт-почерковед, который напорядок лучше ориентирующийся в особенностях нажимных характеристик почерка может более точно анализировать конкретную почерковую реализацию (поставить вопрос о возможной технической реализации почерковых объектов). Таким образом можно зафиксировать, что данного рода объекты являются предметом

комплексного исследования судебно-технической и судебно-почерковедческой экспертизы документов. Именно такая последовательность исследования является важным условием для формирования точных выводов в экспертизах документов [10, с. 62].

При улучшении данной технологии в будущем, указанные выше признаки будут утрачены и выявить фальсификацию реквизитов документов будет возможно только при очень внимательном исследовании экспертом всех элементов почерковых объектов и тщательному сличению нажимных характеристик, а также при разработке новых экспертных методик данного рода объектов.

Таким образом, в связи с применением графопостроительной техники, к которой можно отнести графопостроитель (плоттер), 3D-принтер, роботизированную руку и станок с ЧПУ и технологий искусственного интеллекта, как отмечено выше, в литературе стали появляться публикации на эту тему, а также защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, что обуславливает большой интерес и полное изучение данной проблемы, в том числе практикующими экспертами.

Список литературы

1. Ароцкер Л. Е. Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969. Вып. 6. С. 182–190.
2. Бобовкин С. М, Диденко О. А., Бондаренко Р. В. Специфика применения кибернетических методов в судебно-почерковедческой экспертизе // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 58–64.
3. Винберг А. И. Вывод эксперта при неполном знании изучаемого явления // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 75–77.
4. Курпатов А. Четвертая мировая война. Будущее уже рядом! СПб., 2019.
5. Ланцман Р. М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М. : Наука, 1968.
6. Майлис Н. П. О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : сборник научных трудов. М., 2023. С. 143–146.
7. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения : утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 марта 2017 г. № 198-ст // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru>.
8. Рыбалкин Н. А. Экспертиза почерковых объектов, выполненных с использованием технических устройств: теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Т., 2024.

9. Толстухина Т. В. Генезис судебно-экспертной деятельности // Теоретические и практические основы функционирования межотраслевого института судебных экспертиз в рамках совершенствования деятельности ЕАЭС : сборник научных трудов. Вып. X. 2023. С. 9–14.

10. Толстухина Т. В., Светличный А. А., Устинова И. В. К вопросу о необходимости и целесообразности классификации судебно-экспертных задач // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 62–74.

11. Хмыз А. И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 224–227.

Сергеева Г. В.¹,

начальник цикла – преподаватель

Криминалистики и специальной техники

Центра профессиональной подготовки

имени Героя России майора милиции В.А. Тинькова

ГУ МВД России по Московской области

ОЛЬФАКТОРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО ЗАПАХУ

Ольфакторная экспертиза на сегодняшний день представляет собой одно из наиболее дискуссионных и одновременно перспективных направлений криминалистической идентификации личности. Ее сущность заключается в исследовании индивидуальных запаховых следов, остающихся на различных объектах и способных служить уникальным источником информации о человеке. В отличие от традиционных идентификационных признаков, таких как отпечатки пальцев, следы обуви или ДНК-профилирование, запаховые следы обладают рядом специфических особенностей. Они формируются за счет комплекса летучих органических соединений, выделяемых организмом человека, причем их комбинация индивидуальна и достаточно устойчива во времени, что открывает возможности использования запаха как маркера личности.

История изучения запаховых следов человека имеет более чем вековую традицию и связана не только с криминалистикой, но и с медициной, биологией и этнологией. Еще в XIX в. исследователи отмечали, что запаховые выделения у разных людей различны и могут использоваться для индивидуализации. В работах французских и немецких ученых начала XX в. предпринимались попытки экспериментально доказать существование уникальных «одорологических профилей». На этом фоне развитие криминалистики неизбежно включило изучение запаха как потенциального идентификатора, однако тогдашний уровень техники не позволял объективизировать данные наблюдения.

В середине XX в. значительный вклад в формирование научных представлений об ольфакторной идентификации внесли этологи и физиологи, изучавшие поведение животных. Их исследования подтвердили, что многие виды млекопитающих обладают способностью безошибочно распознавать индивидуальные запахи сородичей. Перенос этих наблюдений на криминалистическую практику стал логическим шагом: собаки, обладающие чрезвычайно чувствительным обонянием, начали использоваться в качестве «живых детекторов». С этого момента кинологические методы стали неотъемлемой частью работы правоохранительных органов во многих странах мира.

Вместе с тем зарубежный опыт применения ольфакторной экспертизы свидетельствует о неоднозначности ее восприятия в судебной системе. В США, напри-

¹ © Сергеева Г. В., 2025.

мер, судебные органы не всегда признают результаты «собачьих линеек» допустимыми доказательствами, ссылаясь на риск ошибок и отсутствие единых стандартов. В Германии и Франции подход более гибкий: здесь данные ольфакторной идентификации могут быть использованы в комплексе с другими доказательствами, если они получены с соблюдением процессуальных норм и подтверждены независимыми методами. Это показывает, что степень легитимности ольфакторной экспертизы напрямую зависит от уровня научного и правового регулирования в конкретной стране.

Особый интерес представляет проблема границы между биологическим и социальным измерением запаха. С одной стороны, *запаховые следы* – это результат физиологических процессов, в первую очередь работы слюнных и потовых желез, зависящий от генетических и биохимических факторов [1, с. 45]. С другой стороны, запах в известной мере формируется образом жизни человека: его рационом питания, состоянием здоровья, воздействием лекарств, условиями труда и даже культурными привычками. Таким образом, *запаховый профиль* представляет собой комплексное отражение как биологических, так и социальных характеристик индивида. Для криминалистики это означает необходимость учитывать изменчивость и вариативность запаха при проведении экспертизы.

Кроме того, важно отметить, что развитие ольфакторной экспертизы сопряжено с философско-правовыми вопросами. Прежде всего, речь идет о соотношении права личности на неприкосновенность частной жизни и задач уголовного судопроизводства. Если запах признается биометрическим идентификатором, то его сбор и хранение должны регулироваться столь же строго, как и обращение с генетическим материалом. В этой связи возникает дискуссия о допустимых пределах вмешательства государства в частную сферу гражданина, поскольку запаховые следы могут фиксировать не только факт присутствия человека на месте происшествия, но и давать косвенную информацию о его физиологическом состоянии, например, о болезнях или употреблении алкоголя и наркотиков.

Ольфакторная экспертиза постепенно выходит за рамки узкотехнической процедуры и превращается в комплексное направление, требующее синтеза знаний из области химии, биологии, медицины, права и этики [2, с. 12]. Это подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода и разработки единых научных стандартов, которые позволили бы не только повысить достоверность результатов, но и обеспечить их юридическую и этическую приемлемость.

Первые исследования в этой области в России и за рубежом связаны с применением служебных собак для установления принадлежности запахового следа конкретному лицу. Кинологические методы до сих пор остаются одним из наиболее распространенных и применяемых способов в практике оперативно-разыскной деятельности. Однако, несмотря на высокую чувствительность обонятельного аппарата собаки, такие методы остаются субъективными, зависящими от профессиональной подготовки животного и кинолога, условий проведения эксперимента, а также от сохранности запахового следа [3, с. 112]. В этой связи

неизбежно возникает вопрос об объективизации и стандартизации получаемых данных, что ведет к активному развитию приборных методов анализа запахов.

Современные химико-аналитические методы, такие как газовая хроматография и масс-спектрометрия, позволяют выявлять и фиксировать состав летучих органических соединений, характерных для конкретного человека. Исследования показывают, что у каждого индивида существует уникальный профиль таких соединений, что делает возможным использование их в качестве биометрических идентификаторов. Вместе с тем применение данных технологий требует создания обширных баз данных, включающих спектры запахов большого числа лиц, а также выработки критериев допустимости получаемых результатов в уголовном процессе.

Одной из ключевых проблем ольфакторной экспертизы является сохранение запахового следа. Летучие соединения подвержены быстрому разрушению под действием внешней среды: температуры, влажности, солнечного света. Это требует разработки надежных способов консервации и транспортировки запаховых образцов. В настоящее время применяются адсорбенты различного типа, герметичные контейнеры, специальные носители, позволяющие сохранять запаховые следы в течение длительного времени [4, с. 24]. Однако единых стандартов по этому вопросу пока не выработано, что существенно ограничивает доказательственную ценность получаемых результатов.

Не менее остро стоит вопрос о допустимости использования данных ольфакторной экспертизы в судебной практике. В ряде случаев суды признают такие доказательства вспомогательными, приравнивая их к оперативно-разыскной информации, но не придавая им решающего значения. Критики подчеркивают, что субъективность кинологических методов и отсутствие общепринятых приборных стандартов ставят под сомнение достоверность выводов экспертов. С другой стороны, сторонники внедрения ольфакторных методов утверждают, что дальнейшее развитие технологий способно вывести эту экспертизу на уровень надежности, сопоставимый с ДНК-анализом.

Перспективы развития ольфакторной экспертизы во многом связаны с использованием новых научных подходов. На стыке криминалистики, биохимии и информационных технологий формируется направление цифровой обработки запаховых профилей. Разрабатываются методы машинного обучения, позволяющие анализировать массивы спектрометрических данных и выявлять устойчивые маркеры, специфичные для конкретного человека. Параллельно ведется работа по созданию электронных «носителей» – сенсорных систем, имитирующих работу обонятельного аппарата и способных фиксировать минимальные концентрации запаховых веществ. Подобные технологии в перспективе позволят автоматизировать процесс идентификации личности по запаху, минимизировать влияние человеческого фактора и обеспечить воспроизводимость результатов [5, с. 211].

В XXI в. развитие ольфакторной экспертизы тесно связано с прогрессом в области сенсорных технологий и искусственного интеллекта. Одним из наиболее перспективных направлений считается создание так называемых «электронных носов» – приборов, способных воспроизводить функцию биологического обоняния и фиксировать индивидуальный профиль запаха человека. Техническая основа таких систем заключается в использовании массива чувствительных датчиков, реагирующих на различные летучие органические соединения. Полученные данные преобразуются в цифровую форму и подвергаются анализу с помощью алгоритмов машинного обучения.

Использование искусственного интеллекта позволяет преодолеть ключевые ограничения традиционных методов. Алгоритмы способны выявлять скрытые закономерности в составе запаха, формировать базы данных и сравнивать новые образцы с уже имеющимися профилями с высокой степенью точности. При этом исключается субъективный фактор, присущий криминалистическим методам, и обеспечивается воспроизводимость эксперимента, что особенно важно для судебной практики. В ряде исследований продемонстрировано, что точность распознавания запахового профиля при использовании нейросетевых моделей может достигать показателей, сопоставимых с результатами ДНК-анализа.

Однако внедрение «электронных носов» в криминалистику сталкивается с целым рядом вызовов. Прежде всего, требуется создание единых протоколов калибровки и эксплуатации таких систем, иначе результаты исследований будут отличаться в разных лабораториях. Немаловажно и то, что электронные сенсоры подвержены деградации во времени и нуждаются в регулярной замене, что повышает стоимость эксплуатации. Кроме того, цифровизация запаховых данных порождает новые вопросы, связанные с безопасностью хранения и передачи информации: запаховый профиль человека, как и его генетические данные, относится к категории чувствительных биометрических данных и требует строгой защиты от несанкционированного доступа.

Перспективным направлением видится интеграция ольфакторных баз данных с другими биометрическими системами. Совмещение анализа запаха с дактилоскопией, ДНК-идентификацией и распознаванием лиц позволит сформировать многокомпонентную модель личности, что существенно повысит надежность криминалистических исследований. Более того, в будущем возможно использование ольфакторной экспертизы не только для установления личности, но и для диагностики отдельных состояний – например, стрессовых или патологических. Исследования показывают, что изменения в биохимическом составе запаха могут свидетельствовать о наличии заболеваний, что открывает новые горизонты для взаимодействия криминалистики и медицины.

Переход от традиционных методов ольфакторной идентификации к электронным системам и искусственному интеллекту способен вывести данное направление на качественно новый уровень. «Электронный нос» в перспективе может стать таким же привычным инструментом судебного эксперта, как дактилоскопический сканер или ДНК-анализатор. Однако для этого необходимо преодолеть

технологические барьеры, обеспечить нормативное регулирование и сформировать четкие правовые стандарты допустимости получаемых данных.

Таким образом, ольфакторная экспертиза как отрасль криминалистики находится на этапе активного становления. Несмотря на имеющиеся проблемы, связанные с сохранением следов, стандартизацией методик и признанием допустимости результатов в судебной практике, потенциал этого направления очевиден. Современные химико-аналитические методы, развитие искусственного интеллекта и сенсорных технологий создают условия для формирования нового уровня криминалистической идентификации. В будущем запаховые следы могут занять достойное место в системе доказательств, наряду с ДНК и дактилоскопическими данными, при условии выработки четких научных и правовых стандартов их применения.

Список литературы

1. Габдрахманов А. Ш. Современные методы исследования запаховых следов // Уголовная юстиция и криминалистическая наука. 2020. № 4. С. 45–59.
2. Китаев Н. Н. Экспертиза запаховых следов человека (ольфакторная): методологические и практические проблемы // Судебная экспертиза и прикладные исследования. 2023. Т. 7. № 1. С. 12–28.
3. Коцюмбас С. М. Одорологическая экспертиза как судебно-биологический метод: проблемы допустимости и достоверности // Вестник юридической науки. 2021. № 5. С. 112–125.
4. Моисеева Т. Ф. Возможности ольфакторной судебной экспертизы в расследовании особо тяжких преступлений против личности // Криминалистический журнал. 2020. № 2. С. 24–37.
5. Эксархопуло А. А. Криминалистическая техника. М. : Юрайт, 2023.

Сумина А. В.¹,

*старший преподаватель кафедры
технико-криминалистического обеспечения
экспертных исследований
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Суляева А. С.²,

*научный сотрудник
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОЗАПИСЕЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД»

На сегодняшний день в городах федерального значения и крупных областных центрах отдельные камеры видеонаблюдения интегрируются в систему общегородского видеонаблюдения. На примере г. Москвы и Московской области отметим, что в 2024 г. в Подмоскovie установили 17,4 тыс. камер, объединенных в систему. В 2025 г. планируется установить еще 10 тыс. видеокамер.

На сегодняшний день на территории Московской области успешно функционирует система видеонаблюдения «Безопасный регион», которая охватывает более 150 тыс. камер, в том числе 40 тыс. камер с функцией распознавания лиц.

Губернатор Московской области А. Ю. Воробьев на заседании коллегии ГУ МВД России по Московской области отметил важность использования данной системы в сфере обеспечения безопасности. Также губернатор сообщил: «В прошлом году мы интегрировались с видеонаблюдением Москвы и наращиваем количество видеокамер каждый год. Видим эффект, с их помощью раскрывается большое количество преступлений» [1].

По словам начальника ГУ МВД России по Московской области В. К. Паукова, в местах установки камер видеонаблюдения уровень преступности существенно снизился, также благодаря системе «Безопасный регион» было раскрыто и более 3,5 тыс. преступлений, что на 25 % больше, чем в 2023 г. [2].

Мы провели анализ возможностей использования данных системы «Безопасный город», функционирующей в г. Москве, в борьбе с преступностью, а именно в процессе раскрытия и расследования преступлений. Согласно статистическим данным достигнуто снижение по уровню преступности:

¹ © Сумина А. В., 2025.

² © Суляева А. С., 2025.

- на 23 % количества убийств и покушений на убийства;
- 37 % количества грабежей;
- 35 % количества разбойных нападений;
- 18 % количества преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью;
- 21 % количества преступлений, совершенных в общественных местах;
- 13 % количества преступлений, совершенных на улицах;
- 42 % количества краж из квартир;
- 41 % количества краж транспортных средств.

Созданная на сегодняшний день в Москве система видеонаблюдения используется также в оперативно-разыскной и профилактической деятельности правоохранительных органов. Система видеонаблюдения «Безопасный город» имеет в своем составе более 220 тыс. видеокамер, установленных в подъездах жилых домов, на дворовых территориях, в местах и на объектах с массовым пребыванием людей, а также на объектах транспорта (рис. 1).

Рис. 1. Значимые для темы исследования факты о системе «Безопасный город»

Применение возможностей системы «Безопасный город» не только позволяет раскрывать преступления различной степени тяжести, но и способствует профилактике правонарушений в общественных местах, как в повседневной жизни, так и при проведении массовых мероприятий и акций, в ходе которых существует повышенный риск актов вандализма, краж, нанесения вреда здоровью и т. д. [3].

Данные с камер видеонаблюдения получают многие государственные учреждения, в частности МВД России, МЧС России, а также коммунальные службы, частные лица. Зоны системы видеонаблюдения в г. Москве, определены постановлением Правительства Москвы от 7 февраля 2012 г. № 24 «Об утверждении

Положения о государственной информационной системе «Единый центр хранения и обработки данных (ЕЦХД)». Согласно данному документу, система охватывает следующие области:

- внутренние дворы жилых районов;
- места собрания людей в больших количествах;
- территории, где находятся объекты городской инфраструктуры: (социальные, транспортные, инженерные);
- парки и лесные зоны;
- улицы и дороги;
- земельные участки, на которых расположены городские органы власти, государственные и муниципальные учреждения, а также унитарные предприятия;
- территории с объектами, требующими специального внимания: потенциально опасные, критически важные для инфраструктуры, а также социально значимые места;
- здания муниципальных органов власти [4].

В качестве примера использования видеозаписей, полученных с камер видеонаблюдения, расположенных на ранее указанных участках г. Москвы, входящих в систему видеонаблюдения «Безопасный город», в уголовном судопроизводстве в сфере производства криминалистических экспертиз нами рассматривались заключения экспертов ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве.

По заявлениям уполномоченных органов предварительного расследования, ЭКП проводят портретную и видеотехническую экспертизы в целях установления фактических данных, имеющих значение для выявления и раскрытия преступлений и административных правонарушений, а также розыска и идентификации лиц, совершивших преступления. В ходе производства экспертиз исследуются признаки внешности лиц, запечатленных на видеозаписях, а также достоверность и законность информации, полученной с помощью видеозаписывающей аппаратуры.

Во всех анализируемых заключениях экспертов, полученных в результате производства портретных экспертиз, в качестве объектов, поступивших на исследование представлены видеофайлы, на электронных носителях информации. В качестве сравнительных образцов в преобладающем большинстве случаев на экспертизу были представлены фотоизображения проверяемых лиц.

В анализируемых заключениях экспертов на разрешение эксперта ставился один вопрос идентификационного характера, представленный в нескольких вариациях:

«Запечатлено одно или разные лица на кадрах видеозаписи с наименованиями: «xxx», «xxx1», «xxx2» и на фотоизображениях обвиняемого гр-на Т.?»

«Одно ли и то же лицо или разные лица изображено(ы) на исследуемых фрагментах видеозаписей и на фотоснимках гр-на А.?»

«Одно и то же или разные лица изображены на кадрах видеозаписей и фотоизображениях, содержащихся в папке «запись на диск» на DVD-RW диске № XXX, файл «X» от xx.xx.xxxx года в период времени с xx часов xx минут xx

секунд по xx часов xx минут xx секунду, с изображением мужчины, на котором головной убор «кепка» черного цвета, с лейблом прямоугольной формы белого цвета, надета куртка черного цвета по типу «бомбер» без капюшона, брюки цвета «хаки», кроссовки черного цвета с белой подошвой и на кадрах видеозаписи и фотоизображений, содержащихся в папке «фото Б.» на DVD-RW диске с номером вокруг посадочного отверстия № xxx: файл «X1» от xx.xx.xxxx (на черно-белом фото изображен гражданин гр. Б.), файл «X2» от xx.xx.xxxx (на цветном фото изображен гражданин Б.), файл «X3» от xx.xx.xxxx (на цветном фото изображен гражданин с видеоизображением гражданина Б.)?»

Вариативность формулировок вопросов, по нашему мнению, зависит от вида представленных на исследование объектов. Также нами выявлена закономерность, чем больше лиц изображено на видеозаписях, представленных на исследование, тем более конкретно формулируется вопрос.

Анализом заключений экспертов о производстве портретных экспертиз за период с 2022 по 2025 г. также установлено:

- что примерно в 25 % случаев производства портретных экспертиз объектами исследования являются видеозаписи, полученные с видеокамер, входящих в систему «Безопасный город»;
- наиболее часто встречающейся формой вывода в анализируемых заключениях эксперта является вероятно-положительный вывод.

Таким образом, сотрудники экспертных подразделений оказывают содействие подразделениям территориальных ОВД, проводя исследования видеоматериалов и помогая в раскрытии и расследовании преступлений. Ведь назначение и проведение портретной экспертизы нередко помогает установить обстоятельства происшествия.

Однако, необходимо понимать, что существуют негативные факторы, препятствующие проведению портретных экспертиз и не позволяющие установить необходимые обстоятельства по делу. К основным негативным факторам относятся следующие:

- низкая разрешающая способность видеоаппаратуры, а также не достаточно высокая скорость записи;
- значительные искажения объектов в видеокадре, что обуславливается использованием широкоформатных объективов в аппаратуре;
- проблемы в месте установки видеокамер, чаще всего камеры расположены без учета освещения, угла обзора и в значительном удалении от фиксируемых объектов.

Перечисленные факторы могут привести к низкокачественному отображению особенностей предметов или внешности людей на видеоизображении, что, в свою очередь, может отрицательно отразиться на результатах портретной экспертизы и снижении ее доказательственного значения. В качестве примера, иллюстрирующего указанные факторы, нами представлены иллюстрационные материалы, представленные в анализируемых заключениях эксперта (рис. 2–4).

Рис. 2. Изображения с камер видеонаблюдения, признанные экспертами непригодными для проведения сравнительного исследования

Рис. 3. Изображение с камеры видеонаблюдения, признанное экспертами ограниченно пригодным для проведения сравнительного исследования

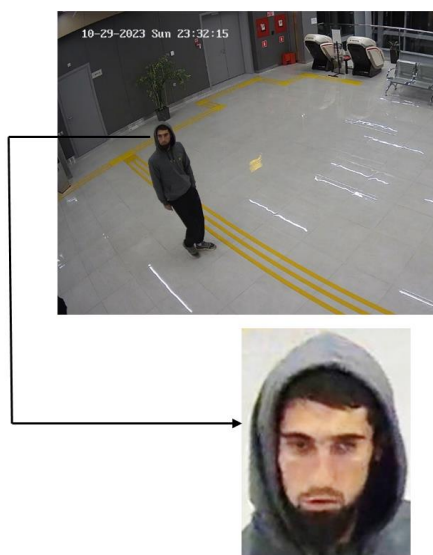

Рис. 4. Изображение с камеры видеонаблюдения, признанное экспертами пригодным для проведения сравнительного исследования

Существует также и ряд причин, препятствующих полномасштабному внедрению и эффективному использованию систем видеонаблюдения:

- нехватка квалифицированных профильных специалистов по данному направлению;
- недостаточное финансовое обеспечение;
- наличие устаревшей нормативной правовой базы, не отвечающей современным тенденциям в развитии систем видеонаблюдения и др.

Подводя итог, необходимо отметить, что положительные результаты использования систем видеонаблюдения в правоохранительной сфере как внутри страны, так и за ее пределами предопределяют необходимость дальнейшего расширения направлений их применения и повсеместного внедрения.

По нашему мнению, этому может способствовать разработка и принятие на государственном уровне концепции, включающей в себя комплекс мер, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, охране общественного порядка, охране различных объектов от противоправных посягательств и т. д. посредством современных технологий, в том числе и систем видеонаблюдения.

Список литературы

1. Андрей Воробьев отметил важность работы системы «Безопасный регион» // Подмосковье сегодня. URL: <https://mosregtoday.ru/news/gubernator-vorobev/andrej-vorobev-otmetil-vazhnost-raboty-sistemy-bezopasnyj-region/?ysclid=m6evp1wmam48398199>.
2. Новости Подмосковья, события Московия области // Подмосковье сегодня. URL: <https://mosregtoday.ru/>.
3. Свыше 5 тыс. преступлений удалось раскрыть с помощью системы «Безопасный город» в 2020 году // Официальный сайт МВД России. URL: <https://77.mvd.pf/news/item/22825421/>.
4. Постановление Правительства Москвы от 7 февраля 2012 г. № 24-ПП «Об утверждении Положения о государственной информационной системе „Единый центр хранения и обработки данных”» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/9229220/>.
5. Гребнёва В. В. Применение систем видеонаблюдения в борьбе с преступностью // Борьба с преступностью: теория и практика : сборник научных трудов. Могилев : Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2014. С. 111–112.
6. Сумина А. В., Белановский К. А. Технологии виртуальной реальности при осмотре места происшествия: особенности применения // Химия и технология биологически активных веществ для медицины и фармации : IV Школа молодых ученых : сборник научных трудов. М. : Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, 2024. С. 139.

*Тервонен Н. Э.¹,
преподаватель кафедры
криминалистических экспертиз и исследований
Санкт-Петербургского университета МВД России*

ТИПИЧНЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ОТНЕСЕНИИ КЛИНКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ К ХОЛОДНОМУ ОРУЖИЮ

Производство судебной экспертизы холодного оружия является сложным и многопрофильным процессом, требующий от эксперта не только глубоких специальных знаний, но и соблюдения утвержденной методики. В результате ошибочного заключения суд может вынести необоснованный приговор по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом холодного и метательного оружия. В уголовном судопроизводстве доказательства оцениваются с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности. Достоверность выводов заключения эксперта как одного из видов доказательств обеспечивается научностью применяемых методов исследования. В случае с экспертизой холодного и метательного (в том числе метаемого) оружия в применении современных методик исследования есть определенные проблемы.

По определению А. В. Новикова, «экспертная ошибка в судебной экспертизе – это суждение или действия эксперта, не соответствующее объективной действительности и не приводящие к цели экспертного исследования, но при условии, что и искаженное суждение, и неверные действия представляют собой реальный результат добросовестного заблуждения» [1, с. 330].

По данной проблеме также высказывалась Е. Р. Россинская: «На доброкачественность и возможность результативного использования заключения эксперта в доказывании существенным образом влияют многочисленные экспертные ошибки, которые остаются без внимания в ходе предварительного расследования» [2, с. 92].

Несмотря на существование Государственных стандартов (ГОСТ) и методических рекомендаций ЭКЦ МВД России [3, с. 88], судебная практика свидетельствует случаях экспертных ошибок при исследовании наиболее распространенной категории – клинковых изделий.

В ходе анализа были выделены некоторые ошибки, допускаемы экспертами в территориальных экспертно-криминалистических подразделениях. Нарушение методики является одной из распространенных экспертных ошибок. Одной из важнейших характеристик при отнесении объекта к категории холодного оружия это твердость его клинка. От данных, полученных при измерении твердости клинка, зависит пригодность клинка для нанесения повреждений. Таким образом твердость клинка обеспечивает функциональные свойства объекта (ножа, изделия схожим с ним по конструкции).

¹ © Тервонен Н. Э., 2025.

Зачастую эксперт, при производстве экспертизы холодного оружия ограничивается одним замером твердости клинка. Кроме того, важно указать, условия при котором производится замер твердости клинка. Замеры могут производиться у основания клинка, где твердость выше или у острия, где она ниже. Полученный результат часто признается достаточным для вывода.

Также стоит обратить внимание на экспертизу холодного оружия, где исследуемым объектом является складной нож. Для подобных объектов критически важным признаком служит надежность фиксации клинка в боевом (открытом) положении. При производстве такой экспертизы эксперт описывает конструкцию замка (лайнер-лок и др.) не проводя объективных испытаний. Оценка в некоторых случаях делается исключительно на основе визуального осмотра.

Важно отметить, что на сегодняшний день на различных маркетплейсах, можно приобрести множество различных клинковых изделий. Конечно, не все они будут принадлежать к категории холодного оружия. Однако население активно покупает данные изделия и использует в повседневной жизни. Проблемой является то, что с развитием производства ножей, изобретаются новые формы и конструкции клинковых изделий. Эксперт при производстве экспертизы может столкнуться с тем, что информация по исследуемому объекту просто отсутствует.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблема экспертных ошибок при криминалистическом исследовании холодного оружия остается открытой. Основной проблемой является отсутствие актуальной справочной и научной информации, к которой эксперт мог бы обратиться в процессе производства экспертизы.

Список литературы

1. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Выявление и предупреждение экспертных ошибок // *Matters of Russian and International Law*. 2019. Vol. 9, Is. 7A.
2. Россинская Е. Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 1.
3. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия : методические рекомендации / [В. Н. Шведко и др.]. М. : Экспертно-криминалистический центр МВД России, 2020.

Филимонов А. В.¹,

*начальник отдела криминалистических исследований
Акционерного общества
«Инженерный промышленный концерн „СТРАЖ”»*

Беляев М. В.²,

*доцент кафедры судебной экспертизы
и уголовно правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ПЛОМБИРОВОЧНЫЕ УСТРОЙСТВА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК

На сегодняшний день в отечественном народном хозяйстве активно используются самые разнообразные номерные пломбы и пломбировочные устройства. Среди них: интеллектуальные пломбы (электронно-пломбировочные комплексы), пломбы с RFID-метками, пломбы наклейки, индикаторные пломбы и силовые механические запорно-пломбировочные устройства (ЗПУ) различных типов. Каждое из них является элементом системы безопасности, имеет определенную «специализацию» по своему применению и обеспечению защиты от несанкционированного доступа.

Одной такой специализацией является перевозка легковоспламеняющихся газов и жидкостей, которые перевозят в цистернах, изготовленных из ударопрочных материалов. В соответствии с международными требованиями, установленными Типовыми правилами ООН (Рекомендации по перевозке опасных грузов) классифицирующего вещества и изделия, по характеру опасных свойств, газы относятся к 2-му классу, а ЛВЖ к 3-му. В России перемещение опасных грузов регламентируется также Правилами перевозок опасных грузов в межгосударственном сообщении, утвержденными на 15-м заседании Совета по железнодорожному транспорту от 5 апреля 1996 г.

Основной опасностью веществ этих классов является способность выделять пары, воспламеняющиеся от кратковременного действия источника зажигания (открытого огня, искр; электрического разряда) и образующие с воздухом взрывоопасные смеси, что накладывает повышенные требования и к запорно-пломбировочным устройствам, используемых для их транспортировки.

Наибольшей универсальностью обладают тросовые пломбы, которые не только могут устанавливаться практически на любые штатные запорные устройства охраняемого объекта, но среди них существует особая категория изделий, отличающаяся материалом изготовления и лакокрасочным покрытием, которые

¹ © Филимонов А. В., 2025.

² © Беляев М. В., 2025.

исключают возможность возникновения воспламенения или статического напряжения. Такими пломбами, выпускаемыми АО «ИПК „СТРАЖ”» являются ЗПУ «Скат универсал» (рис. 1, а) и «СКАТ» (рис. 1, б).

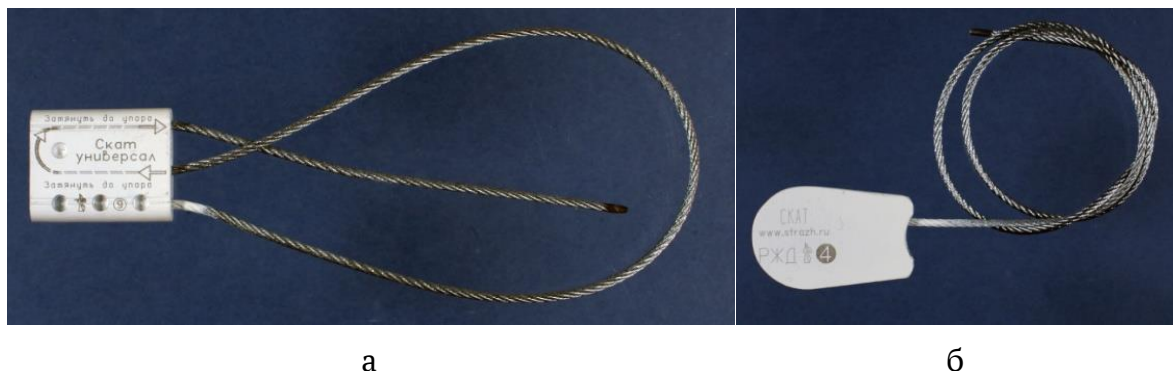

Рис. 1. Тросовые ЗПУ, используемые для перевозки опасных грузов

Конструкции этих пломб запатентованы АО «ИПК „СТРАЖ”» еще в 1990-х гг., а затем постоянно совершенствовались. Благодаря улучшению конструкции механизма запираения в целом и стопорных элементов в частности удалось практически полностью исключить неразрушающее вскрытие (взлом) пломб воздействием на трос и манипуляциями через конструктивные отверстия в корпусе.

Первые модели этих пломб подробно описаны в справочных пособиях и хорошо известны экспертам, но необходимо ещё раз напомнить на примере модифицированных моделей их устройство, что поможет избежать экспертных ошибок при исследовании.

Тросовая пломба с двойным контуром запираения «Скат Универсал» предназначена для пломбирования специализированных цистерн для перевозки сжиженных газов, кислот и других химических продуктов, а также крытых вагонов-хопперов для перевозки технического углерода. Технические характеристики: габариты корпуса 35x28x9 мм; трос диаметром 2,2 мм имеет длину 500 мм; устойчивость к растягивающему усилию, приложенному между корпусом и тросом не менее 5 кН. Корпус пломбы выполнен из алюминиевого сплава, имеет сквозную полость и сквозное отверстие для размещения пассивного участка каната, который зафиксирован в нем путем пластической деформации (кернения). Он имеет специальное защитное покрытие и маркировку, содержащую служебную информацию (лазерная) и индивидуальный номер (иглоударная).

В полости корпуса неразъемно установлена фигурная вставка (1), с образованием сквозных каналов для пропускания рабочего участка троса. В средней части фигурной вставки сформирован вырез в виде клина и посадочным местом, в котором размещаются ролик (2) и пружина сжатия (3), являющиеся основными элементами механизма запираения. На образующей поверхности ролика имеются острые зубцы особой конструкции, которые препятствуют вытягиванию и вращательно-поступательному извлечению троса из корпуса. Петля первого контура (4) – основная, она охватывает запорные элементы охраняемого объекта. Петля второго контура (5) располагается между сквозными каналами и охваты-

вает фигурную вставку. Форма фигурной вставки и конфигурация сквозной полости корпуса позволяют тросу при полной затяжке петли разместиться в этой полости. В результате перекрывается подход к входному отверстию (6) пломбы (рис. 2).

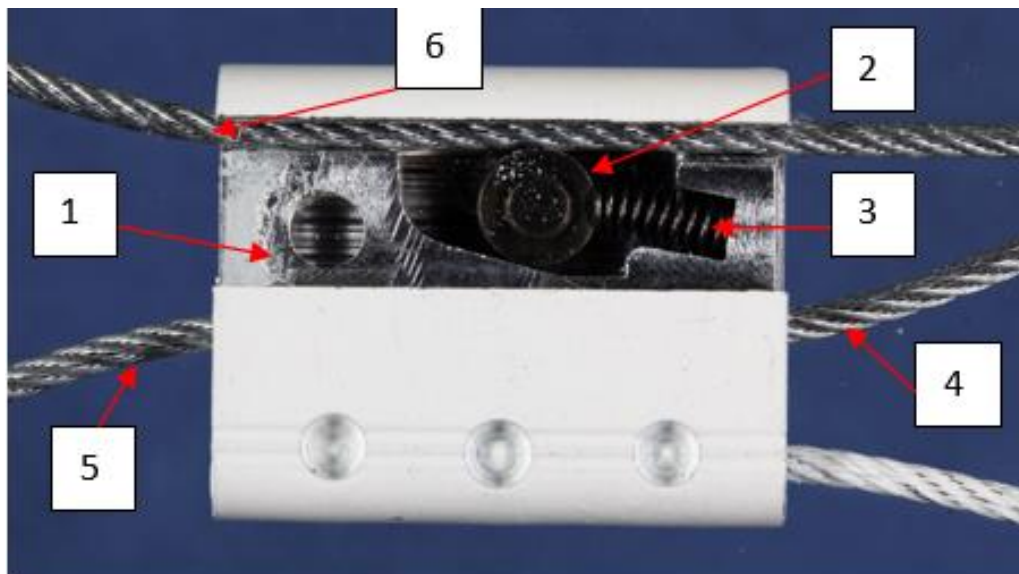

Рис. 2. Тросовое ЗПУ «Скат Универсал» в разрезе

Разборка ЗПУ при исследовании заключается в распиле его вдоль канала троса и дальнейшего изучения следовой картины, отобразившейся в нем (рис. 3). Распил производится либо ножовкой по металлу, либо тонким отрезным кругом, так как это алюминиевый сплав, распил займет всего несколько минут (пилится до троса).

Рис. 3. Тросовое ЗПУ «Скат Универсал» после распила вдоль рабочего канала

В результате можно увидеть следующие следы (рис. 4).

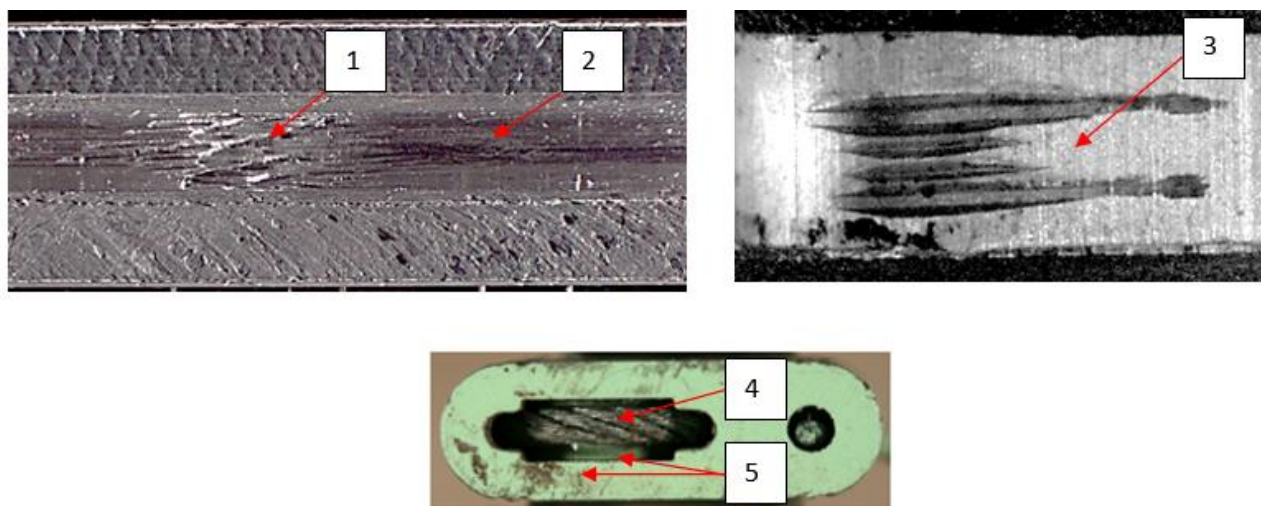

Рис. 4. Фрагмент канала ЗПУ «Скат универсал»:

*1 – следы вытягивания в месте расположения ролика; 2 – следы выкручивания;
3 – следы от ролика на клиновом вырезе вставки; 4 – следы на тросе; 5 – следы
на вставке и торцевой поверхности со стороны входного отверстия*

ЗПУ «СКАТ», предназначенное для специализированных цистерн, представляет собой (рис. 5) корпус (1), выполненный в виде двух неразъемно соединенных между собой пластин из алюминиевого сплава, внутренняя полость (2) одной из которых является зеркальным отображением внутренней полости второй пластины, при этом максимальные габариты ЗПУ составляют 46x30x8 мм, диаметр троса – 2,2 мм. При соединении обе полости образуют продольное отверстие, в котором при замыкании устройства размещен рабочий отрезок каната. В корпусе выполнены два пазы (3 и 4), под углом к оси продольного отверстия, сопряженные с ним и расположенные со смещением относительно друг друга с двух сторон продольного отверстия. В каждом из пазов размещены шарики (5 и 6) и пружины (7 и 8), взаимодействующие с шариками и дном пазов. Шарик взаимодействует с рабочим отрезком каната в положении закрыто. В выборке (9) размещен наконечник (10) пассивного участка каната (11). Оси пазов (3) и (4), пересекают ось продольного отверстия под острым углом, оптимальное значение которого составляет 7. Длина паза (3), расположенного ближе к входному отверстию пломбы, больше длины второго паза (4). Наконечник (10) выполнен путем пластической деформации втулки, размещенной на пассивном участке каната, и имеет возможность небольшого перемещения вдоль оси выборки (9).

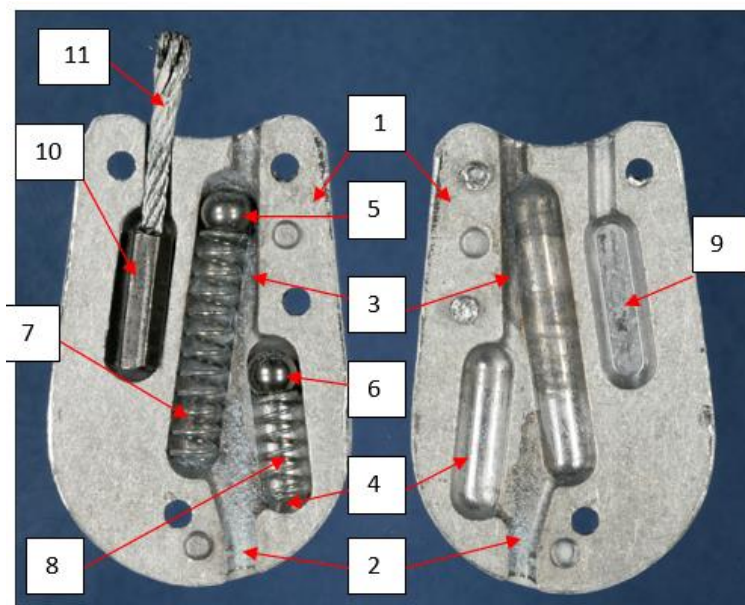

Рис. 5. Тросовое ЗПУ «СКАТ» после разборки

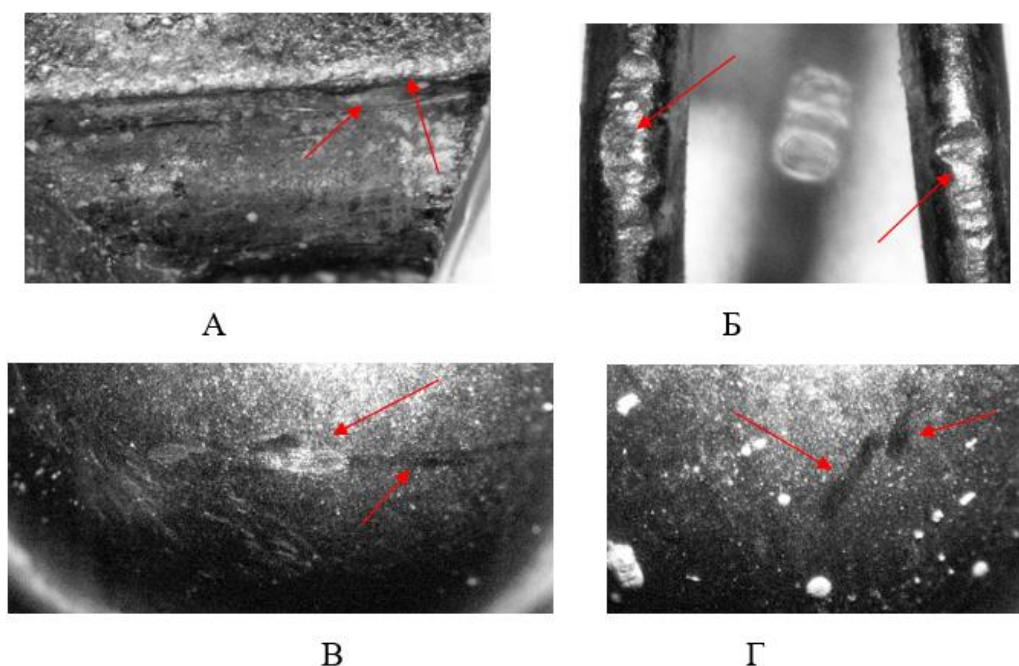
При опломбировании объекта рабочий отрезок каната пропускают через проушины узла запираения, а затем через продольное сквозное отверстие (рабочий канал) до его выхода из корпуса наружу. После этого протягивают канат до образования петли минимального размера. При введении рабочего отрезка каната в продольное отверстие, он своей торцевой частью начинает взаимодействовать с шариком 5. Пружина 7 при этом сжимается, и шарик 7 перемещается в паз 3 корпуса 1, освобождая проход канату к следующему шарикю 6. Торец рабочего отрезка каната начинает взаимодействовать с шариком 6, пружина 8 при этом сжимается и шарик 6 перемещается в паз 4, освобождая продольное отверстие для прохождения каната.

При попытке силового извлечения каната из корпуса шарики 5 и 6 под воздействием пружин 7 и 8 перемещаются в сторону продольного отверстия, причем, чем больше приложено извлекающее усилие, тем сильнее происходит заклинивание каната. Угол, под которым оси пазов пересекают ось продольного отверстия, выбран из оптимального соотношения заклинивающего усилия и габаритов пломбы.

От вскрытия моноблочной пломбы с помощью щупов устройство защищено за счет размещения шариков со смещением один от другого с двух сторон продольного отверстия и уменьшенной величиной технологического зазора между канатом и продольным сквозным отверстием.

От вскрытия пломбы путем вращения каната относительно корпуса пломбы с одновременным извлекающим усилием, направленным вдоль оси продольного отверстия, устройство защищено вторым шариком, который осуществляет небольшой изгиб каната в полости пломбы, что, в свою очередь, способствует уменьшению угла заклинивания первого шарика.

Как видно из рисунка, чтобы разобрать пломбу для исследования, достаточно высверлить четыре заклепки и аккуратно разъединить две пластины. При попытке вскрыть данную пломбу специально подготовленными предметами можно увидеть следующие следы (рис. 6).

*Рис. 6. Следы на деталях тросового ЗПУ «СКАТ» при воздействии на запирающий механизм специально подготовленным предметом (щупом):
А – канал; Б – пружина; В, Г – шарики*

Выше описанные конструктивные инновации увеличивают устойчивость пломб к неразрушающему вскрытию. Подтверждением этого являются следы, образованные при попытках размыкания ЗПУ, которые могут быть выявлены экспертом и идентифицированы, так как алюминиевый сплав имеет хорошую следовоспринимающую поверхность.

Не стоит также забывать, что лакокрасочное покрытие ЗПУ «Скат Универсал» и «СКАТ» обладает люминесцирующими свойствами, что помогает на предварительной стадии оценить воздействие на пломбу посторонними предметами (рис. 7).

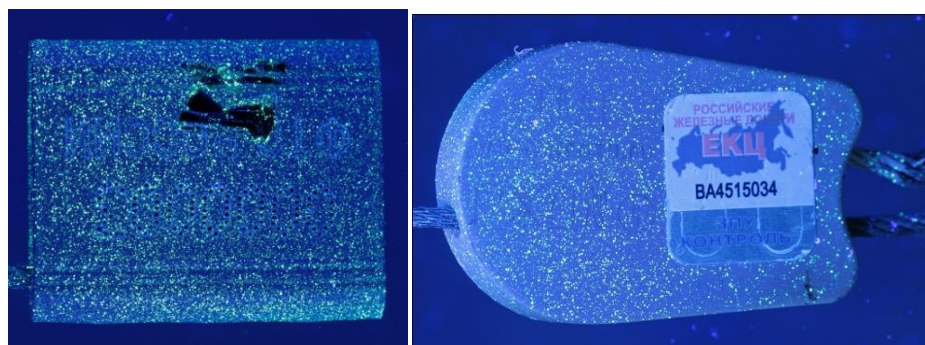

Рис. 7. ЗПУ «Скат Универсал» (слева) и «СКАТ» при воздействии на них ультрафиолетовым излучением

Таким образом, вышеописанные ЗПУ с экспертной точки зрения являются хорошим следовоспринимающим объектом. Следы внешних воздействий, направленные на размыкание пломбы легко обнаруживаются как на внешних, так на внутренних поверхностях алюминиевого корпуса.

Список литературы

1. Моноблочная пломба: пат. RU 2111329 C1. № 96123657/12; заявл. 19.12.1996; опубл. 20.05.1998.
2. Запорно-пломбировочное устройство: Описание полезной модели к патенту RU 75683 U1. № 2008119458/22; заявл. 19.05.2008; опубл. 20.08.2008.
3. Пломбировочное устройство: Описание полезной модели к патенту RU 186357 U1. № 2018135540; заявл. 09.10.2018; опубл. 16.01.2019.
4. Тросовая пломба: Свидетельство на полезную модель: пат. RU 12931 U1. № 99120908/20; заявл. 01.10.1999; опубл. 10.03.2000.
5. Моноблочная пломба: Описание полезной модели к патенту RU 209685 U1. № 2021136252; заявл. 09.12.2021; опубл. 18.03.2022.
6. ГОСТ Р 52365–2005. Устройства пломбировочные. Требование к методикам испытаний стойкости защитных свойств и устойчивости к несанкционированному вскрытию. М. : Стандартиформ, 2019.
7. Современные возможности трасологического исследования пломбировочных устройств : учебно-методическое пособие / [М. В. Беляев и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

Четвергов М. А.¹,

*старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Волчкова Ю. А.²,

студент

Московского государственного

технического университета имени Н.Э. Баумана

КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ УСТРОЙСТВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К СЕНСОРНЫМ ДАННЫМ (НА ПРИМЕРЕ MIC-E-MOUSE)

Современные периферийные устройства (в частности, игровые мыши с высокими параметрами DPI и polling rate) генерируют детализированные «сырые» потоки измерений, предназначенные для управления курсором. Как свидетельствуют результаты исследований, при благоприятных условиях микровибрации поверхности, индуцированные звуком (речью), могут частично транслироваться в эти потоки и при специальной обработке дать возможность восстановления фрагментов аудио или выделения ключевых слов. Это открывает новую категорию угроз – скрытый акустический съём через сенсорные каналы и, как следствие, требует разработки методик выявления и атрибуции таких инцидентов.

«Mic-E-Mouse» – атака, основанная на работе сверхчувствительных оптических сенсоров, применяемых в современных устройствах. Такие сенсоры, отслеживающие движения с высокой точностью (20 000 DPI и выше), достаточно чувствительны, чтобы фиксировать малейшие вибрации, вызванные звуковыми волнами, проходящими через поверхность стола.

«Mic-E-Mouse» можно отнести к типу атак «Side-channel attack» (атака по сторонним каналам), этот тип характеризуется тем, что злоумышленник атакует не «напрямую», а перехватывает побочные сигналы, возникающие при обработке изолированных или зашифрованных данных (звуковые колебания, ЭМ-излучение, энергопотребление устройства и т. д.). Затем по этим сигналам он пытается восстановить секретную информацию (пароли, хэши, ключи шифрования, текст сообщения) без прямого обращения к защищенным данным.

Отличительной особенностью рассматриваемой атаки является ее внедрение. Для атаки не требуется вредоносная программа или глубокий доступ к системе, достаточно получить данные пакетов мыши, что можно осуществить через вы-

¹ © Четвергов М. А., 2025.

² © Волчкова Ю. А., 2025.

сокопроизводительное ПО (видеоигры, графические редакторы), которое требует высокоскоростной передачи данных от мыши. Программная схема невидима для обычного пользователя в процессе сбора данных, многие игры содержат сетевой код, который можно повторно использовать при помощи эксплойта, не вызывая подозрений. После этого этапа вся обработка сигналов и анализ данных могут быть выполнены удалённо в любое время по инициативе злоумышленника.

Процесс, позволяющий получить из необработанных данных о движении мыши понятные аудиосигналы, основывается на методах цифровой обработки сигналов и машинного обучения, которые помогают отфильтровать шумы и восстановить речь. Так, необработанные данные проходят цифровую обработку с использованием фильтра Винера.

Фильтр Винера – метод обработки аудиоданных, основанный на статистическом подходе [1]. Цель – получить статистическую оценку неизвестного сигнала, используя связанный сигнал в качестве входа и фильтруя его. Его принцип работы заключается в том, что он учитывает статистические характеристики шума и сигнала, чтобы оптимально их разделить. При цифровой обработке речевой сигнал разбивается на отдельные кадры (сегменты). Длительность сегмента выбирается из условия квазистационарности речевого сигнала (считают, что параметры сигнала на интервале длительности сегмента не изменяются). Для каждого сегмента выполняется быстрое преобразование *Фурье* – определяется кратковременный спектр каждого сегмента. Для каждого сегмента определяется частотная характеристика фильтра Винера. Частотная характеристика фильтра формируется так, чтобы минимизировать среднеквадратическое отклонение очищенного от помех сигнала от «чистого» сигнала. Фильтр Винера формирует частотную характеристику на основе оценок спектральных плотностей мощности сигнала и шума. На частотах с низким отношением сигнал/шум (SNR) усиление уменьшается, а при высоком SNR – приближается к единице. Такой подход позволяет эффективно восстанавливать слабые акустические компоненты, скрытые в вибрационном шуме [2]. После использования фильтра Винера данные дополнительно очищаются с помощью нейронной модели. После обработки данных качество сигнала может повышаться до +19 дБ, а точность распознавания речи может составлять от 42 до 61 % [4].

В целях установления факта и способа несанкционированного доступа к данным, поступающим с сенсорных элементов периферийных устройств (игровых мышей), а также определения признаков компрометации и вероятности использования таких данных для утечки или перехвата информации, назначается компьютерно-техническая экспертиза, в ходе производства которой перед экспертом могут быть поставлены задачи, направленные:

- на установление факта и способа доступа к сырым данным сенсоров (применялись ли в этих целях программные и аппаратные средства);
- установление факта изменения системных или прикладных компонентов (игр, драйверов, SDK);

- определение каналов передачи данных;
- восстановление последовательности действий злоумышленника.

Алгоритм исследования периферийных устройств включает в себя следующие этапы:

- 1) фотофиксация рабочей станции, разъемов USB, расположения мыши;
- 2) запись модели, серийного номера, версии прошивки, профиля DPI и polling rate (сделать экспорт профиля, если ПО производителя позволяет);
- 3) фиксация версии драйверов и ПО управления мышью;
- 4) снятие образа диска (E01/RAW), а также дампа оперативной памяти;
- 5) сохранение копий всех исполняемых файлов игры, плагинов и сопутствующего ПО (DLL, расширения), хэши – MD5 и SHA-256;
- 6) экспорт всех конфигураций профилей мыши (XML/INI/реестр), если они есть;
- 7) осуществление захвата трафика (PCAP), если подозревается сетевой обмен.

Далее проводится поиск индикаторов компроментации. Признаки несанкционированного доступа можно поделить на четыре группы.

В первую группу аппаратных и конфигурационных признаков входят [3]:

- нестандартные/высокие значения DPI в профилях устройства (> 10–20k DPI; ориентироваться необходимо на требования производителя);
- повышенная частота опроса (polling rate) устройства (например, 500–2000 Hz; необходимо сравнивать с эталоном);
- признаки перепрошивки устройства: несовпадающая с официальной прошивкой контрольная сумма или отличающиеся VID/PID/серийный номер;
- наличие промежуточных USB-устройств (перехватчики), подтвержденное логами USB.

Вторая группа – это программные признаки [5]:

- модули / плагины / моды в играх или стороннее ПО, которые выполняют обращения к низкоуровневым API ввода (`GetRawInputData`, `HidD_GetInputReport`, открытие `\\\\.\\HID` и т. п.);
- измененные хэши исполняемых файлов игры/плагинов/драйверов;
- наличие временных файлов/логов, содержащих последовательности координат/потокa X, Y с высокой частотой;
- нестандартное логирование/телеметрия в приложении, отправляющая необработанные/бинарные payload (нагрузки) на внешние адреса.

Третья группа включает в себя сетевые признаки:

- частые короткие исходящие пакеты в моменты интенсивной активности мыши (малые объемы, высокая периодичность);
- соединения с неизвестными доменами/C2-сервером через HTTP(S) / WebSocket / UDP в те же временные окна, когда фиксируются пиковые значения сенсора;
- зашифрованные или бинарные payload (нагрузки), не соответствующие типичному игровому паттерну.

Последняя, четвертая группа называется сигнальными признаками. В нее входят временно-частотные компоненты в логах сенсора, согласующиеся с речевыми формантами (видимые полосы в спектрограмме в диапазоне ~300–3400 Гц, в зависимости от поверхности и условий). Временно-частотные компоненты могут являться только как «возможным индикатором», требующим корреляции.

Одним из ключевых направлений будет являться анализ сетевого трафика. Из PCAP-дампов выделяется трафик процессов, взаимодействующих с подозрительными модулями. Проверяется использование нестандартных портов, повторяющихся коротких сессий и бинарных пакетов без явных сигнатур протокола. Особое внимание уделяется временной корреляции между активностью устройства ввода и сетевой активностью.

Следующим направлением будет статистический и динамический анализ бинарных модулей. Статистический анализ начинается с проверки целостности исполняемых файлов и драйверов: сравнения хэшей, поиска строк, указывающих на работу с низкоуровневыми HID-API. Выявление таких обращений в нетипичном контексте (например, в игровом клиенте) является прямым индикатором возможного доступа к сырым данным сенсора.

Динамический анализ проводится в изолированной среде: наблюдается проведение процессов, частота запросов к устройствам ввода, обращения к системным вызовам и сетевые активности. Цель анализа – подтвердить сам факт обращения к сенсорным потокам без вмешательства в программный код или активации вредоносных функций.

Дополнительно проводится анализ уникальных шумовых артефактов сенсора, позволяющих привязать данные к конкретному экземпляру устройства. Логи подключения USB подтверждают факты изменения устройств и временные интервалы эксплуатации.

Далее необходимо проанализировать сенсорные данные и использовать фильтр Винера (принцип работы изложен выше).

Все собранные артефакты объединяются в единую временную линию: системные события (запуски процессов, подключение устройств), сетевые активности и моменты регистрации сенсорных колебаний. Такой подход позволяет выявить, например, совпадение начала сетевого обмена с моментом активного движения мыши или с акустическим событием в помещении. Одиночный индикатор компроментации не будет достаточен, для надёжного вывода нужна корреляция нескольких независимых индикаторов.

Таким образом, «Mic-E-Mouse» представляет собой пример новой трудноуловимой угрозы, при которой легитимные сенсорные потоки становятся источником чувствительной информации. Предложенная методика даёт практический набор процедур для выявления таких инцидентов: от целостного сбора артефактов до многофакторного анализа и атрибуции.

Список литературы

1. Жуков М. М., Кривцов Е. А., Парфенов В. И. Повышение эффективности шумоподавления при Винеровской фильтрации речевых сигналов // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4.
2. Салех Аль-Дайбани Абдулгани Мохаммед. Исследование методов и разработка алгоритмов обработки сигналов для систем автоматического распознавания телефонной речи в Республике Йемен : дис. ... канд. техн. наук. Владимир, 2019.
3. Koffi Anderson Koffi, Christos Smiliotopoulos, Constantinos Koliass, Georgios Kambourakis To (US)Be or Not to (US)Be: Discovering Malicious USB Peripherals through Neural Network-Driven Power Analysis // MDPI Electronics. 2024.
4. Mohamad Habib Fakh, Rahul Dharmaji, Youssef Mahmoud, Halima Bouzidi, Mohammad Abdullah Al Faruque Invisible Ears at Your Fingertips: Acoustic Eavesdropping via Mouse Sensors // Dept. of Electrical Engineering and Computer Science, University of California, Irvine, CA, USA. 2025.
5. Sebastián Potocký, Jozef Stulrajter The Human Interface Device Attack from the Perspective of the Attacker and the Forensic Analyst // Conference: 2022 New Trends in Signal Processing (NTSP). 2022.

Четвергова О. А.¹,

*старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Хачикян Э. А.²,

студент

Московского государственного

технического университета имени Н.Э. Баумана

ИЗЪЯТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДАННЫХ, ХРАНЯЩИХСЯ В ОБЛАЧНЫХ ХРАНИЛИЩАХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Облачные технологии получили массовое распространение для хранения и обработки данных. К ним относят [1]:

1) социальные сети и мессенджеры: Telegram, WhatsApp Cloud, Discord, Facebook, GroupMe, IMO, Instagram, Line, Skype, SkyPixel, Slack, TamTam, TikTok и т. д. (Facebook, Instagram принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией в Российской Федерации);

2) облачные хранилища: Grindr Google Backup, MEGA, Box, inCloud Drive, OneDrive, Yandex Disk и т.д.;

3) 3) сервисы электронной почты: Google Mail, Mail (IMAP), Mail.Ru Mail, Yandex Mail, SecMail».

Сведения, которые в них размещены играют ключевую роль при расследовании различных видов преступлений, от киберпреступлений до экономических и террористических актов. Однако особенности облачной инфраструктуры создают уникальные трудности изъятия и исследования данных, требующие новых методов и подходов выявления и изъятия криминалистически значимой информации. Это связано, прежде всего, с тем, что данные, физически хранятся на удаленных серверах, большинство из которых не принадлежат Российской Федерации, а это значит, что и на дата-центры, в которых хранится облачная информация, юрисдикция нашего государства не распространяется, что усложняет процесс получения доказательств.

Рассматривая вопрос получения информации из облачных хранилищ в целом, можно сказать, что такая возможность имеется, благодаря специализированным программным комплексам, например «Мобильный криминалист», Oxugen Forensics, Magnet AXIOM, обеспечивающих интеграцию с облачными сервисами и позволяющих консолидировать данные из разных источников, также может быть проведен анализ метаданных и журналов аудита для установления фактов

¹ © Четвергова О. А., 2025.

² © Хачикян Э. А., 2025.

доступа и изменений, создание цепочки владения (Chain of Custody), использование методов контейнеризации и снапшотов для заморозки состояния виртуальных машин и баз данных. Это позволяет извлекать данные без повреждения и модификации объекта исследования, но лишь при условии наличия компьютера, на котором хранилась интересующая следствие информация или совершались операции. Однако, как справедливо отмечает А. Г. Мамонтов, на практике исследование этой информации затруднено [2]. Рассматривая данный вопрос, С. В. Зуев и В. С. Черкасов отмечают, что «участником информационного взаимодействия в киберпространстве может быть лицо, находящееся в любой точке планеты Земля, а программно-аппаратные средства могут быть физически расположены на территории одного или одновременного неограниченного количества государств» [3].

Оптимальным решением данной проблемы видится принятие международных нормативных актов, регулирующих порядок и условия получения доступа к информации в облачных средах с учетом трансграничности и правовых различий. Одним из таких документов является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 2001 г., однако она не ратифицирована Российской Федерацией из-за частичного несоответствия национальным интересам. При этом следует отметить, что эта конвенция ориентирована преимущественно на противодействие киберпреступлениям, в то время как преступления могут затрагивать и экономическую сферу, где доказательства в виде электронных данных также размещаются в облаках [4]. Трансграничный характер хранения данных ведет к сложностям с подсудностью, исполнением запросов на предоставление данных и соблюдением национального законодательства, что может задерживать и усложнять следственные действия [3]. Кроме того, виртуализированные ресурсы, многоуровневая аутентификация и шифрование данных затрудняют идентификацию и восстановление утраченных или удалённых данных без сотрудничества облачного провайдера, также в одной облачной среде одновременно размещаются данные множества пользователей, что требует точного разграничения доступа и исключения нарушения чужой приватности при сборе цифровых доказательств. Помимо этого облачные данные постоянно создаются, изменяются и удаляются в реальном времени, что усложняет фиксацию данных и приводит к риску неполного или изъятия искаженных сведений, что требует оперативных и согласованных действий для предотвращения потерь данных. Важно, чтобы полученная таким образом информация соответствовала требованиям допустимости доказательств в уголовном процессе, что требует правильного процессуального оформления и юридического обеспечения.

Ключевой проблемой здесь является определение правового статуса цифровой информации, хранящейся в облаках, к которой доступ осуществляется через интернет и которая не ограничивается физическим устройством, содержащим данные [5]. Это требует пересмотра подходов к квалификации цифровых доказательств и их процедурному оформлению.

Таким образом, облачные хранилища становятся неотъемлемым источником информации при расследовании преступлений. Несмотря на многочисленные технологические и юридические ограничения, интеграция современных методов изъятия и исследования облачных данных с комплексным междисциплинарным подходом позволит повысить качество и эффективность следственных действий. Для успешной борьбы с преступностью и обеспечения законности в условиях цифровой трансформации необходимо развивать стандарты, технологии и методики изъятия информации. В целях повышения безопасности и обеспечения законности, предлагаем временный запрет на использование иностранных облачных сервисов с дата-центрами вне российской юрисдикции до тех пор, пока не будут приняты международные соглашения, обеспечивающие беспрепятственный обмен данными при расследовании преступлений. Такая мера позволит защитить экономическую безопасность страны и повысить качество расследований экономических и иных преступлений, связанных с цифровой информацией.

Список литературы

1. Костенко Р. В., Шипицына В. В., Петрова О. А. Изъятие уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3. С. 105–112.
2. Мамонтов А. Г. Тактические особенности сбора цифровых доказательств в облачном хранилище информации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 216–217.
3. Зуев С. В., Черкасов В. С. Действие уголовно-процессуального закона в «киберпространстве»: проблема трансграничных следственных действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 17–23.
4. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.
5. Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Особенности изъятия информации с электронных носителей в досудебном производстве // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 133–138.

Чистова Л. Е.¹,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Вопросы, связанные с применением специальных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, сохраняют свою высокую научную и практическую значимость на протяжении длительного времени. Несмотря на постоянное развитие законодательной базы, регулирующей эту сферу, многие ключевые аспекты использования специальных познаний остаются дискуссионными и не нашли единообразного решения в следственной и экспертной практике.

Законодатель, безусловно, предпринимает шаги по совершенствованию данной процедуры, однако многие ключевые вопросы так и остаются без адекватного законодательного и методического решения.

Более того, современная реальность вносит в эту старую проблему новые, усугубляющие ее черты. Криминальные структуры активно используют достижения химии, что приводит к постоянному появлению новых видов психоактивных веществ, не всегда подпадающих под существующие списки наркотических средств, утверждаемых постановлением Правительства Российской Федерации. Способы сокрытия и каналы сбыта наркотиков становятся все более изощренными, активно используя цифровые технологии и логистические схемы. В этих условиях значение специальных знаний, используемых при обнаружении и исследовании таких средств и веществ, только возрастает.

В контексте данной проблемы наиболее ярко проявляется одно из самых заметных процессуальных противоречий, связанное с назначением и производством судебных экспертиз по делам рассматриваемой категории. Формально уголовно-процессуальный закон, а именно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, предоставляет следователю и дознавателю мощный инструмент – право назначить экспертизу еще на стадии доследственной проверки, до возбуждения уголовного дела. Этот механизм призван обеспечить принятие обоснованного процессуального решения. Однако на практике мы наблюдаем совершенно иную картину.

Как показал опрос 203 сотрудников органов внутренних дел МВД России, специализирующихся на расследовании преступлений, связанных с НС и ПВ, в подавляющем большинстве случаев решение о возбуждении уголовного дела

¹ © Чистова Л. Е., 2025.

данной категории принимается исключительно на основании справки специалиста.

Анализ причин, порождающих описанную коллизию, позволяет говорить о целом комплексе взаимосвязанных факторов, формирующих такой порочный круг. Центральным элементом этой проблемы является дисбаланс между законодательными возможностями и ведомственными реалиями.

Формально правоохранительные органы обладают всем необходимым инструментарием: УПК РФ разрешает экспертизу на стадии предварительной проверки, а ведомственные регламенты конкретизируют ее сроки – 15 суток [2] для экспертизы и пять суток для предварительного исследования [3]. Однако эти сроки, установленные без учета реальной загрузки экспертно-криминалистических подразделений, на практике регулярно срываются, что обесценивает саму идею оперативного использования специальных знаний и вынуждает следователей и дознавателей искать обходные пути.

Подлинным же катализатором проблемы выступает жесткая оперативная необходимость, состоящая в том, что после задержания лица с подозрительным веществом у оперативных работников есть крайне ограниченное время – часто не более трех часов, т. е. в пределах срока задержания, чтобы не только документально оформить все протоколы, но и получить официальное подтверждение того, что изъятое вещество является запрещенным. В условиях такого дефицита времени даже пятидневный срок предварительного исследования выглядит не приемлемым.

Как наглядно демонстрируют проведенные нами опросы практиков, именно это противоречие и привело к формированию такой устойчивой процедуры решения данного вопроса. В связи с этим, складывается парадоксальная система, при которой обращение к специалисту происходит не до, а после ключевых процессуальных решений, по сути, для их последующей легализации. Объекты направляются на исследование лишь на этапе процессуального оформления, когда задержанный уже находится в отделении, и решение о возбуждении дела фактически предрешено.

При таких обстоятельствах поставлен в условия, когда от него требуют провести полноценный анализ, сопоставимый по сложности с экспертизой, но в режиме, граничащем с экстремальным. При этом оформить результаты этой кропотливой и ответственной работы он вынужден в виде краткой справки, что не только принижает ее значимость, но и создает серьезные риски для последующей доказывания в суде, поскольку она не является надлежащим доказательством.

В целях оптимизации процессуальной деятельности на доследственной стадии расследования рассматриваемых видов преступлений, нами предлагается законодательное закрепление новой формы оформления результатов. Речь идет о том, чтобы придать результатам предварительного исследования, проводимого в рамках проверки, статус заключения специалиста в значении, придаваемом ему ч. 3 ст. 80 УПК РФ, с исключением справки как недостаточно процессуально защищенного документа.

Такой подход позволит следующее:

1. Исключить факты многократного исследования одних и тех же объектов, в том числе изъятых наркотических средств, при которых одно и то же вещество сначала изучается специалистом для составления справки (которая не является доказательством), а затем, после возбуждения дела, – экспертом для дачи заключения.

2. Существенно сократить сроки предварительного расследования, поскольку отпадет необходимость в проведении повторной, по сути, идентичной работы уже в рамках возбужденного уголовного дела. Доказательство будет сформировано сразу и в надлежащей форме.

3. Значительно уменьшить нагрузку на государственные судебно-экспертные учреждения, высвободив их ресурсы для проведения других сложных, комплексных экспертиз, которые невозможно выполнить в сжатые «оперативные» сроки.

Однако, предлагая данную меру, нельзя не отметить существующую в настоящее время правовую неопределенность. Действительно, законодатель, закрепляя в ст. 58 УПК РФ статус специалиста и в ст. 80 УПК РФ – определение его заключения, ограничивается общей формулировкой, определяя его как «суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами». При этом остается нераскрытой сама суть этого суждения, не урегулированными являются ключевые вопросы о методологических и фактологических основаниях, которые могут лежать в основе выводов специалиста. Этот пробел в законе создает серьезные риски, поскольку выводы специалиста, обладая высокой доказательственной силой, напрямую влияют на объективность и законность всего последующего расследования.

Правомерность и своевременность данного предложения напрямую вытекают из процессуальной роли специалиста. Поддерживая точку зрения А. М. Зинина в том, информация, полученная в ходе первоначального исследования следов, нередко служит единственным основанием для возбуждения уголовного дела, выдвижения следственных версий и определения стратегии расследования, особенно на его начальном, критически важном этапе, констатируем, что задача специалиста – используя технические средства, помочь следователю в выявлении и фиксации материальных носителей информации, которые в дальнейшем получают статус вещественных доказательств [1, с. 24–42]. Это означает, что именно его первоначальная оценка таких объектов становится фундаментом для всего уголовного дела: именно на нее опираются, принимая решение о возбуждении, формируя картину произошедшего и определяя тактику расследования.

Таким образом, легализация этой информации в форме полноценного доказательства – это не создание новой процедуры, а лишь адекватное оформление уже существующей и жизненно необходимой практики.

В итоге предлагаемое нами решение такого важного вопроса позволит не просто механически заменить справку на заключение специалиста, а провести глубокую оптимизацию процесса доказывания. Это исключит необходимость

составления юридически несостоятельной справки и последующего ее «переоформления» в заключение эксперта. Само заключение специалиста, полученное на стадии доследственной проверки, будет изначально обладать полной доказательственной силой.

В более широком контексте данная мера будет способствовать не только оптимизации, но и повышению качества расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Список литературы

1. Зинин А. М., Семикаленова А. И., Иванова Е. В. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник. 2-е изд., перераб. / под общ. ред. А. М. Зинина. М. : Проспект. 2024.

2. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с „Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации”, „Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации”)» (ред. от 30.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России (вместе с „Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России”)» (ред. от 02.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Чубарь И. А.¹,
доцент кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СИТУАЦИОННЫХ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современных условиях производство ситуационных судебно-баллистических экспертиз требует особого внимания к вопросам предупреждения экспертных ошибок, особенно при использовании цифровых технологий. Качество экспертных заключений напрямую влияет на эффективность расследования преступлений и вынесение справедливых судебных решений.

При производстве любой судебной экспертизы и дальнейшего оформления заключения эксперта могут возникать следующие виды ошибок:

- процессуальные ошибки, связанные с нарушением процессуальных норм;
- гносеологические ошибки, возникающие при познании объектов исследования;
- деятельностные ошибки, связанные с непосредственной экспертным исследованием, проводимым экспертом.

Последние, в свою очередь, могут подразделяться на ошибки методического характера, связанные с несоблюдением той или иной методики или методических рекомендаций, а также на ошибки технического характера, связанные с другими действиями, выполняемыми экспертом в ходе производства судебной экспертизы.

Факторы, влияющие на возникновение ошибок могут быть разделены на объективные (технические характеристики оборудования, точность и надежность аппаратуры, качество применяемых методик, условия проведения исследования) и субъективные (уровень профессиональной подготовки эксперта, его опыт и квалификация, личностные характеристики, психологическое состояние в момент производства экспертизы, а также до ее начала).

Одним из инновационных методов профилактики экспертных ошибок, на наш взгляд, выступают использование цифровых технологий, позволяющих минимизировать следующие виды ошибок:

- ошибки при фиксации результатов исследования (например, точность отображаемой информации результатов исследования);

¹ © Чубарь И. А., 2025.

- неточности, получаемые в ходе измерений (выявление программных продуктов с низким уровнем точности измерений);
- проблемы с хранением и обработкой информации (ограниченный и контролируемый доступ к информации пользователями разного уровня от оператора до администратора);
- сложности при создании иллюстративного материала (например, выявление с помощью специализированных программных продуктов фактов использования дипфейков).

Кроме того, нами предлагается использовать следующие меры профилактики экспертных ошибок при производстве ситуационных судебно-баллистических экспертиз с использованием цифровых технологий:

1. Проведение стандартизации методов и алгоритмов.

1.1. Валидация цифровых устройств (например, используемое программное обеспечение для 3D-моделирования обстановки места происшествия по преступлению, связанному с применением огнестрельного оружия, баллистические симуляторы, воспроизводящие обстоятельства применения оружия в ходе совершенного преступления) должны проходить сертификацию и проверку на соответствие имеющимся государственным стандартам.

1.2. Унификация протоколов (т. е. разработка единых алгоритмов для анализа данных (например, обработки следов на пулях в программах, используемых в различных автоматизированных баллистических идентификационных системах).

2. Повышение квалификации в области цифровых технологий экспертов, профессорско-преподавательского состава, обучающихся образовательных организаций:

- организация и регулярное проведение обучения на курсах по цифровой грамотности (обучение работе с соответствующими современными и актуальными программными продуктами);
- интерпретация данных используемого машинного обучения при производстве ситуационных судебно-баллистических экспертиз;
- организация и проведение регулярных проверок компетенций обучающихся с использованием «искусственных дел», с известным эталонным результатом.

3. Автоматизация процессов исследования и документирования их результатов.

Не претендуя на формализацию процесса производства ситуационных судебно-баллистических экспертиз, нами предлагается соблюдать рекомендуемый алгоритм действий эксперта, позволяющий выполнять максимально необходимые шаги для всестороннего, объективного и полного экспертного исследования. Образно говоря, в случае выполнения первого пункта последовательности в рамках созданного алгоритма эксперту целесообразно будет выполнить определенные следующие действия для достижения вышеуказанных целей исследования.

4. Внедрение систем контроля качества экспертных заключений.

4.1. На предмет выявления процессуальных ошибок, связанных с нарушением процессуальных норм.

4.2. На предмет выявления гносеологических ошибок, возникающих при познании объектов исследования.

4.3. На предмет выявления деятельностных ошибок, связанных с непосредственной экспертным исследованием, проводимым экспертом.

5. Создание электронных баз данных для хранения и обработки информации о результатах выполненных ситуационных судебно-баллистических экспертиз.

В свою очередь, соблюдение следующих практических рекомендаций, на наш взгляд, также позволит минимизировать допущение различного рода экспертных ошибок:

- использование современных цифровых фотоаппаратов и видеокамер;
- применение специализированного программного обеспечения для обработки изображений;
- распространение систем электронного документооборота для целей формирования накопления и использования результатов выполненных ситуационных судебно-баллистических экспертиз;
- регулярное обновление технического оснащения экспертно-криминалистических подразделений, а также образовательных организаций, осуществляющих подготовку по специальности «Судебная экспертиза» (например, таких криминалистических средств как беспилотные воздушные суда с лидарами, программные продукты для 3D-моделирования и 3D-сканирования с целью проведения обследования и фиксации обстановки мест происшествия по преступлениям, связанным с применением оружия).

Профилактика экспертных ошибок при производстве ситуационных судебно-баллистических экспертиз требует комплексного подхода, включающего как традиционные методы работы, так и современные цифровые технологии. Особое внимание следует уделять повышению квалификации экспертов и совершенствованию методического обеспечения с учетом возможностей цифровизации.

Эффективное применение цифровых технологий позволяет значительно снизить вероятность возникновения ошибок и повысить качество экспертных заключений, что в конечном итоге способствует более эффективному расследованию преступлений, связанных с применением и незаконным оборотом оружия и боеприпасов к ним.

Список литературы

1. Кокин А. В. Особенности валидации идентификационных методик и подтверждения достоверности выводов // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 196–201.

2. Судебная экспертиза: типичные ошибки / [Е. Р. Россинская и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025.

3. Коровкин Д. С. Ситуационная судебно-баллистическая экспертиза: проблемные вопросы теории и практики // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : сборник научных трудов / под общ. ред. В. А. Сосова. Новороссийск : Издательский Дом – Юг, 2014. С. 71–78.

4. Гринченко С. В., Заблоцкий П. Н. Использование компьютерных технологий при решении ситуационных задач судебно-баллистической экспертизы // Совершенствование высшего юридического образования: новые цели, стандарты, технологии / отв. ред. Ю. С. Чичерин. Волгоград, 2009. С. 67–72.

Шведова Н. Н.¹,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Уязвимость некоторых методик идентификационных исследований реквизитов документов через призму экспертных ошибок

Деятельность органов предварительного расследования, независимо от их ведомственной принадлежности, направлены на установление лиц, причастных к совершению преступлений, и формированию надежной доказательственной базы по уголовным делам, без которой невозможно рассмотрение дела в суде. В связи с этим заключение судебного эксперта нередко становится основным в системе доказательств, а от формы вывода и его обоснованности во многом зависит исход дела. При этом доказательственная информация идентификационного характера имеет наибольшую значимость, так как позволяет устанавливать факт совершения расследуемого события конкретными лицом. Очевидно, что ценной экспертной ошибки в решении идентификационных задач может стать ошибка судебная.

На сегодняшний день методология криминалистической идентификации, которая является не только теорией, т. е. системой научных положений, концепций и понятий, но и задачей идентификационного исследования, а также методом доказывания тождества и установления причинно-следственных связей между объектом и следом преступления – достаточно хорошо разработана [1, с. 4–46; 2, с. 41–50; 3, с. 102–141]. Изначально основные положения криминалистической идентификации разрабатывались применительно к материальным объектам – следам рук, обуви, оружия, а также к рукописям и письменным документам. В отношении последних достаточно длительное время судебными экспертами успешно решались идентификационные задачи по установлению тождества пишущих машин, печатей и штампов по их оттискам в документах, установлению лица, выполнившего тот или иной рукописный реквизит. Методическую базу таких судебных экспертиз составляли, как правило, качественно-описательные методы, основанные на визуальном выделении идентификационных признаков в штрихах реквизитов или рукописей. По мере внедрения в процесс создания документов и их оборота цифровых технологий экспертная практика столкнулась с необходимостью пересмотра и уточнения методов классической криминалистической идентификации. Например, при проведении идентификационных экспертиз, направленных на установление тождества исполнителя рукописи или

¹ © Шведова Н. Н., 2025.

подписи, необходимо однозначно определить способ выполнения исследуемого реквизита. Однако повсеместное распространение новых способов записи и копирования информации с использованием различных цифровых технологий, в том числе электрофотографического копирования и струйной печати, не позволяет с полной уверенностью устанавливать природу исходного объекта, копия которого представлена на исследование.

Практика показывает, что большинство судебных экспертиз подписей, по документам, выполненным электрофотографическим способом, осуществляется по тем же принципам, что и для рукописных объектов, причем нередко с вывод формулируется в категорической форме. При этом игнорируется тот факт, что данный способ воспроизведения изображений позволяет легко маскировать любой из известных приемов фальсификации рукописных реквизитов документов – от копирования подписи напросвет до цифрового монтажа и использования графопостроителей. Возможности современных компьютерных технологий, позволяющих создать электронный документ, скомпоновав изображения оригинальных подписей, записей и печатей, активно используются в криминальных целях. Такие «смонтированные» файлы при распечатке на обычном лазерном принтере могут выглядеть вполне правдоподобно, вводя в заблуждение субъект доказывания. Таким образом создаются условия и для судебных ошибок, что приводит к закономерному суждению: если нельзя однозначно определить наличие или отсутствие признаков технической подделки подписей на электрофотографических копиях – результаты проведения идентификационных исследований таких объектов могут быть недостоверными [4, с. 232; 5, с. 71].

По этой же причине представляется весьма проблематичным проведение идентификационных экспертиз и исследований в отношении изображений оттисков удостоверительных печатных форм. Практика показывает, что в отношении так называемых «копий» документов перед экспертами нередко ставятся задачи идентификационного характера по оттискам печатей с оговоркой, что «оригинал документа не может быть представлен». Такие экспертные ситуации должны вызывать у лица, производящего экспертизу, наибольшую настороженность, так как зачастую такие обстоятельства скрывают фальсификации письменных доказательств путем монтажа цифровых изображений реквизитов.

Другая методическая проблема состоит в установлении тождества печатающего и копировально-множительного устройства по изображениям на документах, созданных с их помощью. Например, в случае струйной печати не осуществляется прямое контактное взаимодействие между печатающим механизмом и материалом (бумагой). Поэтому распечатка, выполненная на струйном принтере, не может стать следом – отражением работы печатающего узла и не поддается идентификации по аналогии с отпечатком печатной формы или следом пальца по индивидуальным особенностям. На сегодняшний день проведенные исследования в данной области показывают, что в штрихах изображений можно выявить ряд признаков, имеющих лишь групповой характер, например число используемых цветов, наличие и форма точек-сателлитов, а также характеристики

краев отдельных элементов. Несмотря на то, что выявленные при микроскопическом исследовании морфологические признаки иногда дают возможность сгруппировать документы по определенным критериям, но провести однозначную дифференциацию устройств по марке (модели) до настоящего времени не представляется возможным.

По-другому решается проблема идентификационных исследований документов, распечатанных с использованием электрофотографических копировально-множительных аппаратов. Для этого, как правило, используются закономерности отображения дефектов поверхности фоторецептора, возникающих в результате неправильной эксплуатации устройства. Эти дефекты проявляются на бумаге в виде пятен, штрихов или линий, образованных скоплением частиц тонера. Идентификационный период этих признаков ограничен временем, в течение которого они сохраняются до ремонта или замены картриджа. Общепринятым считается мнение, что в этот период форма и расположение дефектов создают уникальные идентифицирующие признаки, которые позволяют установить, что исследуемый документ был напечатан с использованием одного и того же картриджа при наличии достаточного количества сравнительных образцов. Однако следует учитывать, что такие следы возникают в результате не прямого, а дистанционного контакта, поэтому дефекты светочувствительного слоя в силу меняющейся при вращении поверхности фотобарабана величины заряда могут по-разному проявляться даже на одной странице распечатанного документа. Это выражается в увеличении размеров пятен при сохранении общей конфигурации, более интенсивной их окрашенности от одного края листа бумаги к другому, что создает проблемы при включении в идентификационную совокупность таких классических признаков следов как их форма и размеры. По сути речь имеет место «явление неадекватного отображения признаков свойств в следах», названное Г. Л. Грановским искажением [6, с. 71]. По этой причине немалую идентификационную значимость приобретают топографические признаки, отображающие дефекты фоточувствительного слоя: их положение на странице относительно друг друга и границ листа бумаги. Наиболее наглядно такие характеристики выявляются в ходе исследования с помощью метода геометрических построений [7, с. 91], что позволяет проследить устойчивость расположения и взаиморасположения выявленных признаков. Итак, мы видим, что в целях обеспечения объективности экспертных выводов по данной категории объектов актуальным является дополнение идентификационной совокупности признаков особенностями проявления всех функциональных свойств объекта.

Таким образом, учитывая названные уязвимые положения методик идентификационных исследований реквизитов документов и во избежание судебной ошибки как следствия ошибки экспертной, на первый план выходит необходимость надежного обеспечения экспертных выводов фактическими данными, получаемыми на строгой научной и практической основе, исключаящими недостоверную доказательственную информацию.

Список литературы

1. Майлис Н. П., Одиночкина Т. Ф., Соколова О. А. Трасология : учебник / под ред. Н. П. Майлис. М. : Щит-М, 2011.
2. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учебное пособие. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2018.
3. Майлис Н. П. Настольная книга эксперта : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2020.
4. Исмадова Т. И., Шведова Н. Н., Кочеров М. А. Некоторые особенности методики исследования копий почерковых объектов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : сборник научных трудов. Волгоград, 2012. С. 218–233.
5. Шведова Н. Н. О научной обоснованности и достоверности экспертных выводов по результатам изображений реквизитов документов // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 64–72.
6. Грановский Г. Л. Основы трасологии / под ред. Е. И. Зуева. М., 1965.
7. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / [И. В. Латышов и др.] ; под ред. И. В. Латышова. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2022.